

ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА СТАРЫХ НИЖЕГОРОДЦЕВ

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С 1964 ГОДА,
В 2016 ГОДУ СТАЛ ЛАУРЕАТОМ ПРЕМИИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

Том 46–47

Нижний Новгород
2021–2022

*ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЕТЕРАНОВ
НИЖНЕГО НОВГОРОДА*

ОБЩЕСТВО СТАРЫХ НИЖЕГОРОДЦЕВ

**Журнал
«ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ»
Том 46–47**

*« Наш журнал должен стать коллективной копилкой богатств
знаний о нашем городе, об А.М. Горьком и его эпохе,
обо всем, что видело и пережило наше поколение »»
из колонки «от редакции» первого номера журнала, 1964 г.*

*« История — это не только то, что происходило 200 или 500 лет назад,
прошедший сегодняшний день тоже уходит в историю,
уходят в историю люди и их дела...
Давайте же вместе ткать полотно истории родного края »»
Л.С. Токсубаева, основатель и гл. редактор
электронного издания «Васильсурск. Лики провинции»*

*Нижний Новгород
2021–2022 год*

СОДЕРЖАНИЕ

А.В. Попов Память о встрече 5

ЭХО ПРОШЕДШЕЙ ВОЙНЫ

А.М. Цирульников. Памятник Ивану Чугунову..... 7

О БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ МАЛЕНЬКИХ МУЗЕЕВ

Л.Н. Копылова. Музей в моей судьбе..... 13

М.А. Чириков. Пароходы в жизни и творчестве Е.Н. Чирикова..... 26

М.А. Чириков. Насыщенная жизнь Литературного музея
писателя Е.Н. Чирикова 39

О.Ю. Серова. Национальная идея — патриотизм 42

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ИСТОРИЯ

В.А. Репин. Внешняя торговля вошла в город, всё впервые..... 53

В.А. Зверев. Удивляю адмиралов 62

Н.А. Адрианова. Отрывок из книги «Жизнь моя легкокрылая!» 66

А.М. Цирульников. Палеев, проживший Пушкиным..... 68

В.Г. Чирикова. Голубь с волжских берегов..... 73

В.А. Питенин. Как мы возвратили читателям «успокоение»...
и не только 87

А.М. Цирульников. Виктор Балашов и Игорь Кириллов..... 94

А.М. Цирульников. Встречи с Владимиром Жириновским..... 97

А.М. Цирульников. Так это было, или Семейное дело 101

А.М. Цирульников. Хохломская ваза для экипажа «Восхода» 108

А.М. Цирульников. Помог Александр Руцкой 111

ГОРОД И ГОРОЖАНЕ

М.А. Чириков. Легенда нижегородского цирка..... 115

А.М. Цирульников. Человек из цирка..... 126

Александр Асеевский (А.П. Пашков). Память о Ветеране 131

П.А. Климешов. Поэт от изоискусства 138

Н.Г. Кондратьева. К 20-летию танцевального клуба «Вита»
им. Н. И. Лещева..... 142

О.В. Куранова. «Из праха земли светоносною сделаться точкой...»..... 148

И.О. Панченко. «Черный пруд» на Черном пруду 153

Н.В. Вертлиб, М.В. Шайхутдинова. Памяти Б.С. Извекова..... 156

Главный редактор **А. М. Цирульников**

отв. редактор **И.О. Панченко**

редактор- составитель **М.В. Шайхутдинова**

Редакционная коллегия:

М.А. Чириков, И.С. Богомолов, А.В. Попов, В.А. Питенин,

Т.М. Новокрещенова

Фото на обложке: Н.В. Мошков, 1997 г.

Компьютерная вёрстка: А.И. Мусихин

Редакционная коллегия выражает искреннюю благодарность

нашему спонсору, без которого выход в свет

46-47 тома Памятных записок был бы невозможен:

бизнесмену

Сергею Евгеньевичу Кочетову

К ГОДУ ПЕДАГОГА И НАСТАВНИКА

- Т.И. Глухова. Элеонора Васильевна Никифорова — педагог-наставник .. 159
 Э.А. Моторова. Воспоминания о Ю.И. Неймарке 166
 И.О. Панченко. Моя школа 176
 И.О. Панченко. Железная леди нижегородской науки 184
 М.Б. Александровская. О Добровольском 187
 Ю.В. Клиценко. «Там вспышки романтизма и даже экстаз экспедиций»:
 Енисейская ссылка скаута Коневского 224

К ГОДУ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ

- Л.Б. Залесский. Уникальная находка..... 237

И ОСТАЛИСЬ ГОДЫ ЭТИ В УНИБРОМЕ, В БРОМПОРТРЕТЕ...

- И.С. Богомолов. Из семейного архива 241
 Н.В. Мошков. Город и горожане в объективе фотокамеры..... 252

ТВОРЧЕСКАЯ ГОСТИНАЯ

- Н.И. Носков. Стихи..... 263

ПАМЯТЬ О ВСТРЕЧЕ

Да...Теперь остаётся только помнить...
 Совсем недавно можно было и позвонить и встретиться, а сегодня нет такой возможности...
 Человека нет...

Александр Маркович Цирульников — старейший сотрудник ГТРК «Нижний Новгород», телеведущий, редактор, писатель, поэт. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Почётный гражданин Нижегородской области. Кавалер Ордена Дружбы. Его называли «живой энциклопедией», его эрудиция изумляла собеседников.

Впервые я увидел его, как и многие мои сверстники, на экране телевизора в далёкие шестидесятые годы прошлого века, а вот познакомились мы с ним гораздо позже.

Вернувшись в 2008 году в мой родной город после четверти века службы на Северном флоте, я начал заново вращаться в гражданскую жизнь. Представляясь, к воинскому званию капитан второго ранга надо было непривычно добавлять — запаса, что говорило о прошлых заслугах, а выстраивать будущее пришлось на основании членства в Союзе писателей России.

Встав на учёт в Нижегородской областной организации Союза писателей России, активно включился в работу.

Вспоминается поездка нижегородских писателей на Пушкинский праздник в Большое Болдино в 2008 году. Среди сидящих в автобусе вижу Александра Марковича и сажусь с ним рядом, знакомимся... Всю дорогу я, открыв рот, слушал его повествования о встречах с известными всей стране людьми, об эпохальных событиях, в которых он принимал участие. Время пролетело незаметно, а надо было ещё многое от него узнать, поэтому и обратно вместе ехали. Затем стали встречаться на собраниях, на городских мероприятиях, что способствовало большему сближению. А потом была совместная работа в редколлегии журнала «Памятные записки» Общества старых нижегородцев, где он был главным редактором. Коллектив редколлегии «Памятных записок» в 2016 году был удостоен Премии города Нижнего Новгорода.

В 2017 году я упомянул в разговоре с ним об атомной подводной лодке Северного флота «Волк», над которой шефствует Московский район Нижнего Новгорода, напомнив о праздновании 25-летия корабля. В связи с этим к нам приезжали командир и члены экипажа. Состоялся торжественный приём подводников в районной администрации, где был исполнен гимн АПЛ «Волк», написанный мной к этому событию. Александр Маркович сразу загорелся идеей сделать об этом телепередачу и вскоре пригласил нас с внуком в Нижегородский радиотелецентр. Съёмка была продумана буквально до мелочей. Была задана только тема, но Цирульников так глубоко погрузился в материал, так задавал вопросы, что даже маленький внук мой ни разу не сбился. Увидев, так сказать, изнутри работу Александра Марковича, я осознал масштабы знаний и умений, которыми он обладал.

Обо всём с ним можно было поговорить и получить дельный совет. Можно было... А теперь остаётся только хранить светлую память... Будем помнить...

Александр Всеволодович Попов

ЭХО ПРОШЕДШЕЙ ВОЙНЫ

- А.М. Цирульников. Памятник Ивану Чугунову

А.М. Цирульников

ПАМЯТНИК ИВАНУ ЧУГУНОВУ

И.И. Чугунов

По дороге на Пушкинский праздник поэзии в Большое Болдино в июне 2014 года писательской делегацией сделали остановку в Шатках. Посетили мемориал Детям войны и Тане Савичевой, ленинградской девочке, эвакуированной сюда из блокадного города и здесь умершей от дистрофии. Обратили внимание на еще один памятник — бюст на пьедестале — посреди большой площади. Присмотрелся — кому? Понял — Ивану Ивановичу Чугунову, здешнему уроженцу, в прошлом председателю Горьковского облисполкома. Я его знал, встречался с ним по журналистским делам, беседовал о проблемах сельского хозяйства области.

Сказал об этом одному из нынешних руководителей Шатковского района, который нас сопровождал. Он спохватился: «Так вы знаете, кто это? Может быть, и нам поможет выяснить что-то о нем, а то люди спрашивают, кому памятник, а нам сказать нечего».

– Так вы спросите о нем у бывших руководителей района, у Шутикова Валентина Васильевича, который много лет был первым секретарем райкома партии, а потом председателем земского собрания...

Чугунов часто приезжал в Шатки по работе. У советских руководителей было принято шефствовать над теми местами, откуда они родом. Не считалось зазорным помогать местным хозяйствам техникой, семенами, удобрениями. Но и требовать – больше, чем от других.

– А вы нам все-таки напишите о Чугунове, — попросил собеседник.

Я пообещал. И выполняю обещанное.

Родом Иван Иванович из Шатков, с улицы 1 Мая. Жена Наталья Ивановна — тоже шатковская, тоже с улицы 1 Мая. Они ровесники. Учились в одной школе. А в 19 лет поженились.

В 1937 году Иван Иванович окончил физико-математический факультет Горьковского госуниверситета и в числе пяти лучших учеников академика Александра Александровича Андропова был оставлен аспирантом на кафедре теоретической механики. Чугунов решил, что сама судьба уготовила ему выбор на всю жизнь – стать ученым! Но к тому времени Иван уже пять лет был членом ВКП(б), и все произошло по популярной тогда поговорке — человек предполагает, а партия располагает. И распорядилась она так, что все пятеро начинающих ученых перешли на партийную работу, не забыв при этом, как тогда было принято, еще и поблагодарить власть за высокое доверие. Иван был

откомандирован в Краснодарский край. Время было, мягко говоря, непростое. Простым оно никогда у нас не было. Вакансий по понятным причинам во властных структурах было много, так что Чугунов по независящим от него обстоятельствам все время кого-то заменял из «выбывших» и поднимался вверх по карьерной лестнице, при том серьезно опасаясь, что сам может оказаться жертвой такого стремительного подъема. Через четыре года после отъезда из Горького он стал уже секретарем Краснодарского крайкома партии. И, как тогда полагалось, получил высокое офицерское звание и был зачислен в резерв Главпура, Главного политического управления Красной Армии и Военно-морского Флота.

11 августа 1941 года Чугунов из резерва был переведен в действующую армию и отправлен на фронт. Жена – Наталья Ивановна, окончившая в Горьком медицинский институт, была хирургом в эвакогоспитале, дни и ночи проводила в операционных. Так что две малолетние дочери оказались на попечении бабушки Пелагеи Дмитриевны — матери Ивана Ивановича. В начале ноября 1941 года, когда фашисты подошли к Краснодару, срочно был сформирован санитарный поезд, чтобы вывезти раненых на восток. С ним, поселив во врачебной теплушке дочек и бабушку, отправилась в путь и Наталья Чугунова, в экстренных случаях оперировала на ходу. От мужа не было ни одной весточки, где он и что с ним, семья не знала, а он не знал, что с семьей.

Когда поезд остановился на степном полустанке, не доезжая до Сталинграда, последовала команда всем покинуть вагоны. Раненых выгружали прямо на промерзшую ноябрьскую землю. Только на третьи сутки пришли полуторки и подводы — и увезли выживших на пристань, где их ждал санитарный пароход. По замерзающей Волге он поплыл вверх в пункт назначения – город Горький. По прибытии раненых разместили в госпиталях, а Наталью Ивановну назначили хирургом в больницу № 3. Комнатку для проживания выделили ей в Тобольских казармах. Девочек взяла к себе сестра Ивана Ивановича, она жила на Сенной площади.

Чугунов, разыскивая семью, никак не мог предположить, что она в Горьком. Конечно, он не мог тогда предположить и то, что сам в начале января 1942 года окажется в родном городе. Война сама по себе вещь неординарная, непредсказуемая, способная творить чудеса.

А было так: подполковник Чугунов служил специальным порученцем кадрового офицерского состава Политуправления Красной Армии и Военно-морского Флота. В самое тяжелое время боев он оказался на Малой земле рядом с начальником политуправления 18 армии полковником Леонидом Ильичом Брежневым. Это фронтовое знакомство переросло потом в дружбу на всю жизнь. После пекла, в котором оказались, они всегда были на «ты». Но Иван Иванович никогда это не афишировал. Однажды, когда Чугунов уже давно работал председателем Горьковского облисполкома, недавно избранный первый секретарь обкома КПСС Николай Иванович Масленников решил, что

Ивану Ивановичу пора на пенсию, но последовал из Москвы короткий звонок Генерального секретаря ЦК КПСС: «Ивана не трогай!..» И вопрос об уходе на пенсию был снят. Был еще один случай проявления дружеских чувств генсека к Чугунову. На 24 съезде КПСС, делегатом которого Чугунов был, все делегатам в номерах гостиницы «Россия», где они должны были поселиться, заранее были приготовлены подарки от ЦК КПСС. Мужчинам – кейсы, часы, фотоаппараты, папки, галстуки, запонки... Женщинам – изящные сумочки, тоже часы, но дамские, зонтики, фены... Чугунов у себя в кейсе обнаружил оренбургский пуховый платок и записку: «Иван, это для Натальи, не обижайся. Обнимаю. Леонид»...

В начале января 1942 года подполковник Чугунов прибыл в Горький на формирование новой воинской части, штаб которой размещался в Тобольских казармах. Он уже несколько дней жил в Тобольских казармах, когда от одного из офицеров случайно узнал, что здесь живет «одна врачиха», прибывшая в Горький с военным госпиталем откуда-то с юга...

Последовала встреча, какая могла произойти только на военных перекрестках...

Вскоре Иван Иванович получил назначение на работу в Москве в Главпуре армии и флота, и семья уехала туда вместе с ним, загрузившись с нехитрым скарбом в его персональную «Эмку». В Москве поселились в одну из комнат четырехкомнатной квартиры. И стали там четвертой офицерской семьей. В 1946 году вышедшего в отставку полковника Чугунова ЦК направил третьим секретарем Краснодарского крайкома, то есть на довоенную работу. Но там уже беспредельно властвовал первый секретарь крайкома Николай Григорьевич Игнатов, который испугался, что Чугунов, со своим высшим университетским образованием, богатой боевой биографией политработника его «подсидит».

Он упрекал Чугунова в том, что мать его «из кулацкого отродья, а отец невозвращенец». Но Иван Иванович никогда не скрывал, что мать его из зажиточных шатковских торговцев Медведевых, а отец из немецкого плена в Первую мировую войну бежал в Турцию и там сгинул.

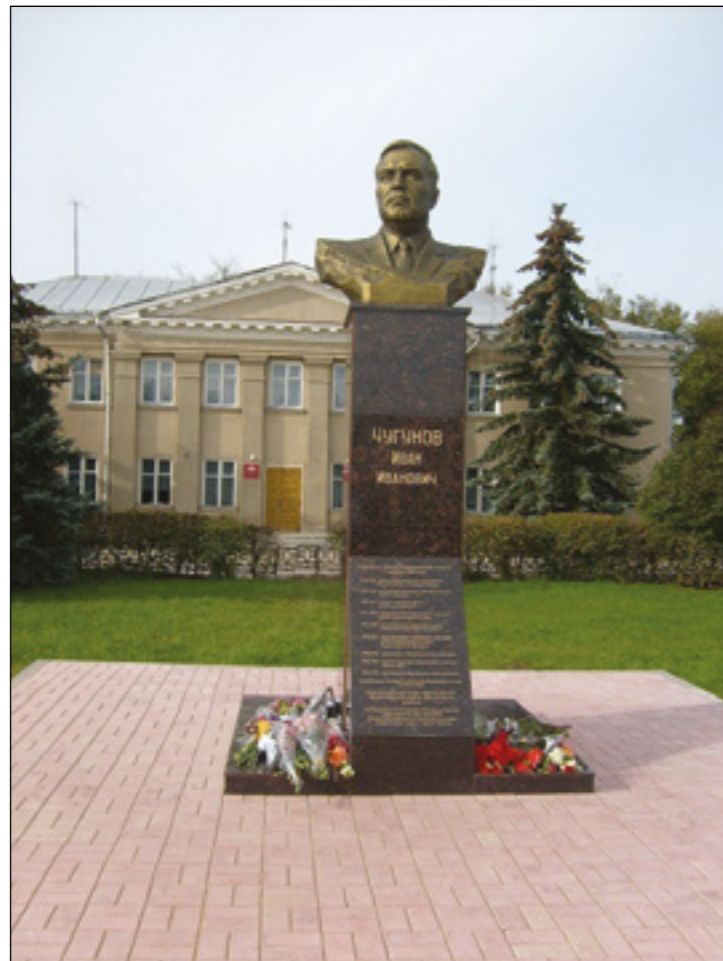
Чугунов писал об этом во всех анкетах, когда в 1923 году вступил в комсомол, когда будучи на службе в Красной Армии, стал членом партии, когда в 1932 году поступил в Горьковский университет...

Игнатов сделал все, чтобы Ивана Ивановича перевели из Краснодара в Йошкар-Олу вроде бы даже с повышением – первым заместителем председателя Совмина Марийской АССР. Там старожилы до сих пор вспоминают Чугунова добрым словом за хорошие дела, которые он осуществил. А после смерти Сталина в 1953 году его отозвали в Москву на работу инструктора ЦК КПСС. Но он привык к совсем другой работе – когда нужно самому принимать важные решения и их осуществлять. В 1955 году в ответ на несколько поступив-

ших от него заявлений ЦК направил его в Горький и рекомендовал избрать председателем облисполкома.

Когда Леонид Ильич Брежнев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, он несколько раз просил давнего боевого товарища переехать в Москву на высокий пост, но Чугунов мягко отказывался и просил помочь ему в решении различных хозяйственных проблем в Горьковской области. И генсек шел ему навстречу. И прежде всего потому, что видел, как умело управляется с делами Иван Иванович, как много он делает для своих земляков.

И действительно, жизнь руководителей такого масштаба измеряется тем, что они планируют и осуществляют на практике. Мы помним, что «при Чугунове» в Горьком открылось телевидение, были построены новые здания железнодорожного и речного вокзалов, аэропорта, областной больницы имени Семашко, гостиница «Нижегородская», Дворец спорта, цирк, второй мост через Волгу. А сколько было проложено новых дорог, связавших районы области между собой и с областным центром. Только в Горьком нового жилья возводилось по миллиону квадратных метров в год. А какие преобразования происходили на селе, где поднимались новые животноводческие комплексы, оснащенные по последнему слову техники того времени! К сожалению, в перестроечные 90-е годы мы многое из того, что тогда было сделано, потеряли и забыли тех, кто осуществлял эти дела.

Нижегородцы помнят Чугунова как человека, открытого для общения, хотя внешне он выглядел сурово. Иван Иванович был очень требовательным, прежде всего к себе и к тем, кто с ним рядом работал, и часто повторял: «Нет доверия без требовательности!».

Умер Иван Иванович Чугунов в 1972 году, когда ему было 65 лет.

Похоронен на Бугровском кладбище в Нижнем Новгороде.

Вот такому человеку установлен памятник в рабочем поселке Шатки.

О БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ МАЛЕНЬКИХ МУЗЕЕВ

- Л.Н. Копылова. Музей в моей судьбе
- М.А. Чириков. Пароходы в жизни и творчестве Е.Н. Чирикова
- М.А. Чириков. Насыщенная жизнь Литературного музея писателя Е.Н. Чирикова
- О.Ю. Серова. Национальная идея — патриотизм

МУЗЕЙ В МОЕЙ СУДЬБЕ

От И.С. Богомолова

Ляля Николаевна Копылова почти 50 лет проработала в Горьковском (с 1991 г. — Нижегородском) государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (1971—2021). До выхода на пенсию она была заведующей музеем-филиалом «Покровка, 8». А ещё раньше, в советское время, возглавляла сектор историко-революционных памятников. Мне удалось записать её воспоминания на видеокамеру 18 апреля 2021 года и на их основе подготовить эту публикацию. Я также благодарю Лялю Николаевну за уточнения и доработку печатного текста.

Уже в ходе самой беседы обозначились три темы. Это работа в музеях историко-революционной тематики, встречи с интересными людьми, а также строительство выставок и экспозиций.

В 1970-х гг. Горьковский государственный историко-архитектурный музей-заповедник насчитывал в своём составе несколько филиалов.

1. Главное здание — Краеведческий музей, ныне «Усадьба Рукавишниковых» (Верхневолжская набережная, 7).
 2. Нижегородский кремль (Дмитриевская башня, кремлёвская стена).
 3. Сектор историко-революционных памятников, включавший в себя три отдельных музея: «Музей Невзоровых» (ул. Горького, 127), «Музей Я.М. Свердлова» (ул. Свердлова [Большая Покровская], 8), «Музей истории Горьковской организации КПСС» (Кремль, корпус 3).
 4. Музей истории художественных промыслов Горьковской области (ул. Свердлова, 43, 4-й этаж).
 5. Нижегородский острог (пл. Свободы, 2).
 6. Музей архитектуры и быта народов Нижегородского Поволжья (Щёлковский хутор).
 7. Михайло-Архангельский собор в Нижегородском кремле.
 8. Строгановская церковь на улице Маяковского (Рождественской).
- Одно время в состав этого объединения входил филиал «Семёновский музей».

Часть первая. «Революционные» музеи

В музей-заповедник я пришла в 1971 году, будучи студенткой второго курса вечернего отделения Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Уже задним числом признаю, что для меня благоприятно сложились обстоятельства. Как сейчас наш город отмечает 800-летие, так и тогда городу Горькому исполнялось 750 лет. Я пришла к Татьяне Николаевне Казанской: ей нужен был работник. Но поскольку это было только начало второго курса университета, то на первый год меня взяли в качестве кассира в музей Свердлова. Надо полагать, я справилась со своими обязанностями, и через год меня перевели на ставку младшего научного сотрудника.

В то время музей Свердлова входил в состав сектора историко-революционных памятников. Туда же входил и музей Невзоровых, который был посвящён началу революционного движения в Нижнем Новгороде, приездам в город Владимира Ильича Ленина. Поэтому мне надо было осваивать темы, посвящённые Свердлову, а также приездам В. И. Ленина в Нижний Новгород.

Позже, в середине 1970-х гг., в состав этого сектора вошёл ещё один небольшой музей. Его полное название — «Музей истории Горьковской организации КПСС».

Главное здание 1970-е гг.

Сектор историко-революционных памятников

Музей Невзоровых

Музей Я. М. Свердлова

Музей истории
Горьковской организации
КПСС

В здании бывшего губернаторского дворца в кремле в ту пору помещался горком партии и горком комсомола — и здесь же отвели два больших зала под экспозицию этого музея. Его построили достаточно быстро. Экспозиция рассказывала об истории партийной организации с начала революционного движения по современное время (1970-е годы). Этот музей был тоже по-своему востребован, там проводились экскурсии.

Таким образом, сотрудники сектора историко-революционных памятников работали на три музея. Взаимозаменяемость была полная. И когда планировались какие-то экскурсии, мы ходили в любой из этих музеев, чтобы провести эту экскурсию.

Кроме того, велась работа исследовательская, потому что готовились новые экспозиции. В частности, по музею Невзоровых, который во второй половине 1970-х гг. был расширен.

Поначалу его экспозиция была построена только на втором этаже. Позже, когда под музей отдали первый этаж и весь дом, стали строить экспозицию на первом этаже. Второй этаж также изменился: здесь была полностью восстановлена (возможно, не до мельчайших подробностей, но на основе воспоминаний и дополнительных исследований) обстановка квартиры Невзоровых, где свой последний, пятый, приезд в 1900 году Владимир Ильич встречался с нижегородскими революционерами.

Кроме того, музей Свердлова к столетию со дня рождения Якова Свердлова (это был 1985 год) тоже обновил и расширил экспозицию.

Всё это шло параллельно, и всегда были какие-то находки. *(Информация о них часто публиковалась в сборнике «Записки краеведов» — И. Б.)*

Когда расширяли музей Невзоровых, нужна была обстановка, и в частности — мебель того времени. Обязательно проводилась собирательская работа, чтобы показать это всё в экспозиции. Не всегда хватало имеющегося в запасниках.

Татьяна Николаевна Казанская, которая руководила нами и которую я могу назвать своим учителем, была очень активной и всегда искала какие-то новые пути в решении различных музейных вопросов. В частности, практиковался такой вид собирательской работы, как подворный обход.

В то время, когда строилась эта экспозиция (1970-е годы), ещё одна часть улицы Горького была в деревянных строениях. Шёл как раз слом этих зданий. Жильцы были уже выселены, но дома ещё пока стояли. И с разрешения ЖЭКа (всё было официально!) мы ходили по этим опустевшим домам и собирали фурнитуру (медные ручки, шпингалеты), чтобы потом использовать. И в самом деле, это очень пригодилось для будущей экспозиции не только в музее Невзоровых, но и позже в музее Свердлова.

Кроме того, подворный обход заключался ещё и в том, что мы ходили по домам и квартирам старых нижегородцев. И надо сказать, что нас встречали очень доброжелательно. Мы приходили иногда без удостоверения, просто на словах говорили, что музейные работники. Нам верили, и мы общались. Люди очень часто просто отдавали в дар музею различные предметы, которые могли представлять интерес для музейных коллекций.

Если говорить о моей работе, то где-то в середине 1970-х гг. мне предложили перейти в главное здание музея-заповедника (ныне «Усадьба Рукавишниковых») в отдел советской истории. Там были какие-то перестановки, и в течение 5 лет я работала там. И кстати, это хорошо повлияло в целом на мою музейную квалификацию. Там собирательская работа была очень обширной и активной, поэтому мне приходилось встречаться с интересными и достаточно известными в городе людьми — представителями творческих профессий и учёными.

Потом Татьяна Николаевна Казанская мне предложила опять вернуться в сектор историко-революционных памятников, и я вернулась. И основное моё место работы с тех пор музей Свердлова. Однако и оставшиеся два музея (Невзоровых и партийный) требовали внимания, и там тоже приходилось работать.

А когда начались 1990-е годы, и даже раньше, когда пришла перестройка, пришлось перестраиваться и музейным работникам.

Была свёрнута, в частности, экспозиция музея Свердлова вплоть до того, что сняли вывески с мастерской в мемориальной части музея. Правда, потом через несколько лет эти вывески вернули снова на место как частичку прежней улицы Большой Покровской, что вызывает интерес у всех — и гостей города, да и у нижегородцев тоже.

С 1991 года музей Свердлова стал называться «Покровка, 8» и радикально изменился по своему содержанию. Его второй и третий этажи отдали под выставки — как из фондов нашего музея (самые разнообразные по тематике), так

и партнёрские. В частности, на третьем этаже проводилось много выставок по промыслам. И всё это было востребовано.

Но самый большой и постоянный интерес вызывала экспозиция по истории улицы Большой Покровской. Это решение пришло как-то само собой, чтобы эта экспозиция стала постоянной. Эта экспозиция действовала с 2003 по 2013 год.

Параллельно в это же время был свёрнут музей истории Горьковской партийной организации, и здание горкома КПСС передали Художественному музею (в 1992 году — И. Б.).

В музее Невзоровых тоже произошли изменения. Татьяна Николаевна Казанская, будучи человеком очень творческим и, я бы даже сказала, креативным, пришла к такому решению, что музей Невзоровых можно воспринимать и рассказывать о нём как о музее нижегородской интеллигенции. Потому что семья Невзоровых имела полное право называться семьёй нижегородских интеллигентов. На втором этаже осталась экспозиция с интерьерами комнат, но во время экскурсий обязательно упоминалось о прослойке интеллигентов и о семье Невзоровых, естественно, тоже. Упоминалось и о том, что этот дом ещё посещался Лениным.

Кроме того, в музее Невзоровых стали проводиться мини-выставки. Для этого использовались площади, более-менее свободные от интерьерной части. Это были и художественные выставки, и показ предметов бытового характера.

Также, в конце месяца здесь проводились мероприятия, известные как «Четверги на Полевой». Они были очень востребованы и вызывали интерес

Т.Н. Казанская ведет «Четверги на Полевой»

у публики. На эти мероприятия приглашались разные люди (учёные, творческая интеллигенция). И всегда публика приходила, с интересом слушала всё, что там рассказывалось, и ждала этих «Четвергов».

Таким образом, музей работал достаточно активно.

Музей нижегородской интеллигенции был единственным в России, и у определённой публики он вызывал интерес и потребность его посетить.

Но дом старел и физически изнашивался: были очень серьёзные разрушения, а до ремонта руки не дошли. Возникла острая необходимость демонтировать экспозицию. Кроме того, дом попадал в зону строительства метро.

По проектам, хотели этот дом разобрать и перенести в музей деревянного зодчества на Щёлоковский хутор — в задуманный сборный квартал старинной городской застройки XIX — начала XX вв. В итоге, всё это так и осталось в планах, однако музей нижегородской интеллигенции всё-таки покинул своё здание на улице Горького.

Экспозицию разобрали, но убирать её насовсем было бы несправедливо. Необходимо было её сохранить. Поэтому волевым решением чиновников, часть экспозиции была перенесена на улицу Большую Покровскую в дом 8 (т. е. в бывший музей Свердлова). Там пришлось разобрать прежнюю экспозицию по истории Большой Покровской улицы, и вместо неё открыли урезанный «Музей нижегородской интеллигенции».

Но мы решили немного видоизменить экспозицию: сохранить интерьер гостиной и большую часть обстановки кабинета отца Невзоровых и добавить материалы о жизни нижегородской интеллигенции. В частности, показать учебные заведения нашего города, которые готовили эту интеллигенцию.

Все проходили учёбу в училищах, гимназиях, институтах. Правда, в городе не было высшего учебного заведения, зато были дворянские институты — женский и мужской. И всё это было представлено на экспозиции.

Также была тема «Духовная жизнь интеллигенции». Здесь показывали театр, музыку, художественную часть. Хоть и в небольших фрагментах, но и это давало определённое представление о прошлом, особенно если послушать экскурсию.

Возможно, не до конца была передана эта атмосфера жизни нижегородской дореволюционной интеллигенции, потому что здание было другое. Но содержательная часть всё-таки была сохранена и представлена публике.

К предстоящему 800-летию Нижнего Новгорода выделили средства на ремонт этого здания, чтобы потом вернуть туда экспозицию по истории Большой Покровки и также хотя бы частично сохранить тему нижегородской интеллигенции. Это было бы логично и гармонично: туристы, прогулявшись по современной пешеходной улице, у нас здесь могли бы познакомиться с её прошлым. Однако жизнь изменила планы.

В год 800-летия города практически всё здание музея-филиала «Покровка, 8» занял фирменный сувенирный магазин «Нижний 800». Остался только подвал с «Игрушечным музеем» коллекционера Александра Лаврова и третий этаж, где на момент написания статьи работает выставка самоваров из другого частного собрания.

Напомню о нижегородском острого — ещё одном «революционном» музее-филиале. Через его стены прошли многие политзаключённые, и о них рассказывала экспозиция. Тот же Свердлов трижды сидел здесь, пусть и недолго. Дзержинский, например, пересыльный тут был, когда его в ссылку отправляли. И Горький. Но здесь наибольшее впечатление на публику производила сама атмосфера здания: одиночные камеры, своды, стены; снаружи — угловые башни. К сожалению, музей просуществовал очень недолго (*был открыт для посетителей с 2003 по 2009 г. — И. Б.*).

Напоследок хочется сказать о краеведческом музее в главном здании. Я там работала 5-6 лет. Каких-то нюансов не озвучу, но скажу вот что. Музей был очень востребован. Это был именно краеведческий музей. Его экспозиция знакомила с историей Нижнего Новгорода и города Горького, начиная с археологии. В бальном зале проводились относительно большие промышленные выставки о современном городе Горьком. Очень хороший и востребованный был отдел природы. Там постоянно был народ, особенно дети, школьники. По выходным там не протолкнёшься. Такому городу, большому и с хорошей историей, конечно, необходим краеведческий музей.

Часть вторая. Музейные встречи.

Пришла я в музей совсем молодой, а было старшее поколение — целый слой опытных сотрудников, мощных музейщиков. Это, конечно, Татьяна Николаевна Казанская. Как я уже сказала, это мой учитель — человек, который был равнодушен вообще ко всему, что происходило не только в секторе историко-революционных памятников, а во всём музее. Чтобы решить какой-то вопрос, она нередко проходила множество инстанций и бывала на приёме и потому многого добивалась.

В то время, когда я пришла в музей, его возглавлял Лев Михайлович Зерчанинов. Он был хорошим музейщиком, который прекрасно осознавал важность музея в городе.

Вообще — это я почувствовала по так называемой собирательской работе, когда я ходила к различным людям, — к музею относились с большим пиететом, очень уважительно. И люди гордились: раз музей пришёл к ним, то музей хочет рассказать о них, показать их в своей экспозиции. И не составляло труда прийти к людям и получить от них какой-либо материал: реакция всегда была адекватной.

Когда я работала в советском отделе, мы строили экспозицию по современности. И в частности, у меня был участок по науке, культуре и образованию, медицине, спорту. В этом направлении велась собирательская работа, и всегда люди хорошо реагировали на музей.

А музейщики... Возглавляла отдел дореволюционной истории Евгения Александровна Ердякова. Она была очень сильным музейщиком, очень знающим и опытным. Она делала очень интересные экспозиции и выставки.

Кормухина Фаина Анфимовна также работала в этом отделе, а потом она возглавляла музей на Щёлоковском хуторе. Она была очень активной и деятельной, а также коммуникабельной. Она находила общий язык и с реставраторами, без которых музей деревянного зодчества просто немислим, и другими специалистами. Также в музее огромная хозяйственная и научная работа (например, фондовая работа, экспедиции).

Были этнографические экспедиции по Горьковской области, в которых по приглашению участвовали и учёные.

Однажды я сама была в такой экспедиции — в Сеченовский район. Мы ездили на своём автобусе «Кубань», ходили по деревням и самому Сеченову. И, как правило, люди просто дарили предметы, о продаже речь не шла. Ещё рассказывали истории, связанные с вещами — всё это записывалось, запоминалось. И всегда приезжали с хорошим «уловом» из этих экспедиций.

В библиотеке музея работала Маргарита Яковлевна Шайдакова. Библиотека в музее хорошая, научная. Это неотъемлемое подспорье в музейной работе.

Отдел фондов был меньше по численности сотрудников, чем теперь. Но там тоже трудились настоящие асы. Главным хранителем в ту пору была Гладцинова Пассек Леонидовна, потом её сменила Маргарита Феофановна Комарова. Обе они знали своё дело, и мы как экспозиционеры (авторы выставок) с ними контактировали и зависели от них.

И что тут получается? Для них, фондовиков, важно сохранить музейные предметы. Нам, экспозиционерам, всегда хотелось эти предметы показывать: для чего же они хранятся? Но условия экспонирования не всегда соответствовали требованиям, которые предъявляли фондовики. Естественно, постоянно возникали вопросы. Но всегда в итоге находили консенсус.

Моя позиция такова: музей отличается от всех остальных организаций тем, что он должен показывать подлинники. То есть вещи, которые нигде больше не увидишь.

Конечно, жалко вещь портить, если она выцветет или выгорит. Существуют определённые правила экспонирования, среди которых — сроки показа конкретной вещи. Например, бумагу и ткани долго показывать нельзя, их нужно менять, и это мы делаем. За состоянием музейных предметов фондовики внимательно следят.

По сегодняшний день в музее работает Галина Борисовна Волкова — реставратор по бумаге, золотые руки. Из любого предмета она может сделать вещь, пригодную для показа на экспозиции. Так что она воскрешает старые документы, которые поначалу боишься и в руки-то взять.

Словом, много работников за эти годы со мной общались и сотрудничали. Все люди были преданными музею, заинтересованными.

Если человек немусейный, то он недолго оставался, уходил быстро. А если человек работает десятилетиями, то он и становится настоящим музейщиком. Ведь за год этому не научишься. Требуется наработать опыт в различных направлениях, начиная с экскурсионной, экспозиционной, собирательской работы...

Сейчас требования к музею изменились. Я не знаю, хорошо это или плохо, но музей — это организация консервативная, в хорошем смысле слова. И это направление, наверное, надо стараться сохранять. Может, он не для всех интересен, но он всё равно нужен — со своими коллекциями и возможностью показать их.

Интересно было работать с оформителями, художниками при строительстве экспозиции. Приглашали художников из специального фонда, который когда-то существовал. Потом просто стали приглашать художников «со стороны». Это было плодотворно и интересно. Сейчас у нас есть свой дизайнерский отдел, который вполне справляется со своими задачами.

В своё время музейный коллектив много ездил на автобусе по Средней России в различные города, интересные в историческом отношении. Доезжали даже до Вологды. Приходишь, смотришь на всё: на оборудование, какие приёмы...

Мне не довелось общаться с людьми, которые работали в годы Великой Отечественной войны. Я о них много слышала — о тех, кто эвакуировал музей в Тонкино, сохранял коллекции — об их преданности и героическом труде.

Так что музей — это такая глыба с очень глубокими корнями, которая требует самоотдачи.

Наиболее яркие воспоминания

Когда я работала в главном здании в советском отделе (1970-е годы), приходилось активно заниматься собирательской работой и встречаться с разными людьми. Я получила огромный опыт и много интересных впечатлений.

Я ходила, например, к композитору Аркадию Александровичу Нестерову, который возглавлял тогда консерваторию. Отметила для себя, что он был очень артистичным, немножко театральным. Ходила к художникам, например, Александру Михайловичу Каманину, скульптору Павлу Ивановичу Гусеву. К учёным — я ходила к Валентину Васильевичу Найдено в Строительный институт. Тогда он был заведующим кафедрой, а не ректором ещё. И даже к директору цирка Ивану Панкратьевичу Маринину, с которым запомнился случай.

Мы с ним сидели, общались, работали по поводу материалов для музея. И в это время вошла сотрудница цирка и попросила тёплых одеял для обезьян, потому что они замерзают. А когда я ещё только пришла в сам цирк, в фойе прогуливали верблюда. Не готовилась я к встрече с животными, но я с ними встретилась!

Ходила в Театр кукол, когда он располагался на Большой Покровской в здании, где сейчас Учебный театр театрального училища. Маленькое пространство там было. Была интересная художница по куклам Ирина Дмитриевна Кострина. Она принесла две куклы в подарок музею. Интересно попасть за кулисы и в мастерскую, где работают эти люди, — этого не увидишь просто так.

Каких-то особых, анекдотических случаев я не вспомню...

Интересные моменты были, когда я водила экскурсии по музею Свердлова. Ведь приводили много экскурсий. Целые теплоходы в Горьком останавливались, причём приплывали они рано. Приходишь в музей в 7:30 — и 10 групп сразу! А в секторе нас, экскурсоводов, всего двое-трое! Некоторые группы на улице стоят-ждут. Мы: один в одном зале, другой — в другом. Или в большом зале тихонько говоришь, чтобы другой группе не мешать.

В конце экспозиции в зале стоял магнитофон с записью речи Ленина, посвящённой годовщине смерти Свердлова. Мы обязательно его включали. Проникновенно рассказываешь о его смерти. И я замечала неоднократно, что у женщин даже наворачивались слёзы на глазах. А когда в полной тишине слушали голос Ленина, то это тоже было очень впечатляюще для публики.

Слева направо: Н.В. Хлебникова, Л.Н. Копылова, Т.Н. Казанская, О.К. Гуляева

То есть искренне отдавались своей работе и старались, чтобы другие люди тоже прониклись этим. И когда экскурсии водишь, смотришь на реакцию публики, интересно ей или нет. Если нет, то что-то сокращаешь, а если интересно, то соловьём заливаешься.

Часть третья. Создание музейной выставки и экспозиции

Большинство сотрудников, которые приходили работать в музей, проходили через такие стадии: вначале ведение экскурсий, а потом они уже расходились по отделам.

Мне не довелось работать в экскурсионном отделе, но не считаю, что это как-то плохо сказалось на моей работе. Я пришла к Татьяне Николаевне Казанской как научный сотрудник: вначале писала и осваивала тексты экскурсий, а потом составляла тексты лекций, чтобы войти в тему.

Дело в том, что за год-два музейщиком не станешь. Поэтому не сразу, а с накоплением определённого опыта приобщаешься к экспозиционно-выставочной работе. Она начинается с постановки цели и задач.

В построении экспозиции есть свои особенности в зависимости от того, историческая она или современная. Мне довелось и то, и другое строить. Сейчас объясню в чём дело.

Когда делаешь историческую экспозицию, ты работаешь чисто на материалах фондов — том, что есть уже в музее. Эта работа поэтапная.

Вначале задаётся тема, затем пишется расширенная структура. Она включает в себя тему, подтемы, а также сгруппированные по названию и хронологии комплексы музейных предметов, раскрывающие тему.

Когда расширенная структура готова, пишется тематико-экспозиционный план (ТЭП). И с ним надо идти в фонды работать с картотекой и подбирать музейные предметы, которые заявлены в раскрытии конкретной темы.

Далее пишется заявка фондовику на тот или иной предмет. *(В современном музее это внушительный штат сотрудников, которые отвечают за свою группу предметов по материалу изготовления — фонды керамики, стекла, письменных памятников, дерева, металла и др. — И. Б.).* Потом смотришь непосредственно выбранные предметы. И когда поддержишь в руках и посмотришь не по картотеке, а воочию, то отбираешь и просишь «выписать» их на своё имя. Составляют Акт на ответственное хранение, и теперь уже ты отвечаешь за сохранность этих предметов. Далее они упаковываются для транспортировки в филиал — в частности, к нам на «Покровку, 8».

И самый трепетный для меня момент: когда я одна, музейные предметы привезены, их надо развернуть, положить и посмотреть на них. Они ещё не экспонаты. Экспонатами они станут, когда их поместят в экспозицию.

До этого мы работали ещё и с художниками. Художнику объясняешь и говоришь по документам и структуре, что ты хочешь показать, показываешь площади, где это должно быть расположено.

Для создания тематического комплекса нужно выделить ведущий экспонат (максимум два). Вокруг него сгруппируются остальные предметы, которые смогут глубже его раскрыть.

Художник раскладывает материал, экспозиционер его принимает или вносит поправки. И всегда возникают творческие споры! То экспозиционер, то художник доказывают свою точку зрения. Но нужно прийти к общему решению!

Дальше идёт монтаж — крепление. Кстати, Галина Борисовна Волкова прекрасно подготавливала плоскостной материал (фотографии, документы) к экспонированию. Требовались паспарту, лапки. Лапки — это небольшие кусочки бумаги, которые крепились с одной стороны к паспарту, с другой — к экспозиционной площади.

Когда смонтируется экспозиция, когда она «застеклится», появляется законченность и масштабность.

Раньше художники делали монтажные чертежи и макет будущей экспозиции, представляли его совету из заведующих отделами, замдиректора, директора. Соглашались или просили что-то доработать, исправить. Это обсуждалось коллегиально, чтобы прислушаться к мнению специалистов. Сейчас всё делается на компьютере.

Так строилась историческая экспозиция.

Современную экспозицию я строила, когда работала в главном здании. Были объявлены темы: «наука, культура, спорт...» Знали мы особых людей, например, кардиохирурга Бориса Алексеевича Королёва или уже упоминавшегося В. В. Найденко. Но требовалось ещё что-то, чтобы показать современную жизнь. Много работали с газетами и вообще с периодикой, находили там важные характеристики современности, а также узнавали о других людях — и далее с ними сотрудничали.

Однажды у меня была поездка в Городецкий район. Там была активная женщина, то ли птичница, то ли кто, не помню. Мы с ней встретились, прекрасно пообщались. Я получила материал, каким она располагала. И потом это было представлено в экспозиции.

Сложность заключается в том, что публике хочется чего-то предметного, объёмного. Трогать, конечно, ничего нельзя, но разглядеть с разных сторон через витрину хочется! А ведь бывают такие документы, что считаешься и не оторвёшься. Но хотелось хотя бы перемежать, чтобы не было только плоскостное. Старались поддержать это равновесие, хотя и не всегда получалось.

Благодаря строительству выставок о современности, одновременно пополнялись и музейные фонды. Ведь после демонтажа экспозиции вещи направлялись именно туда.

Сейчас всё делается более быстро и поверхностно. Что ж, такое время...

Экспозиция от выставки отличается тем, что строится на долгий срок, более глубока и научна по содержанию. А выставка кратковременна, часто на злобу дня, но это несколько не умаляет значение выставок в музее!

Потом по экспозиции/выставке водятся экскурсии. Чтобы экскурсоводы разобрались с этой темой, экспозиционер либо составлял основной план, либо сам вёл экскурсию, чтобы сотрудники за ним конспектировали. Так продолжается и сегодня!

Воспоминания записал Иван Богомолов

М.А. Чириков

Основатель и руководитель Литературного музея Е.Н. Чирикова

ПАРОХОДЫ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Е.Н. ЧИРИКОВА

Образы волжских пароходов занимают важное место в произведениях Е.Н. Чирикова (1864–1932), написанных им как до революции, так и в эмиграции. Внимание и любовь писателя к этому виду водного транспорта объясняется не только его биографией (Чириков родился и вырос на берегах Волги, много путешествовал по ней и т. п.), но и убежденностью в особой роли Волги, которую главная водная артерия России всегда играла в судьбе страны и народа. Поэтому пароход в прозе Чирикова предстает как своеобразный духовный центр, а среди его пассажиров наибольший интерес автора вызывают паломники и богомольцы из крестьянской среды, чьи молитвы, духовные споры, песни, легенды и сказания отражают, по убеждению писателя, устремленность народного сознания к «Правде Божьей». Им противопоставлена «чистая публика» из I класса, описание которой отражает не только критический взгляд автора на несправедливое, по его мнению, социальное устройство современного ему общества, но и его тревогу, вызванную утратой представителями высших слоев живого религиозного чувства и духовно-нравственных идеалов, без которых, как показала история, невозможно существование самой России.

Евгения Николаевича Чирикова еще при жизни называли певцом и бытописателем Волги. Прожив долгое время в различных волжских городах, Чириков в своих письмах и произведениях подробно описывал жизнь волгарей, особенности их характеров и быта.

Первое впечатление о волжских пароходах связано у Евгения Николаевича с ранним детством в городке Сенгилей Симбирской губернии. В своих воспоминаниях он пишет: «Я родился очень влюбчивым мальчиком. До гимназии был влюблен в свою маму, а вот теперь, в первый же приезд домой, влюбился в Леночку Михайлову, дочь инженера водных путей сообщения, которого жители называли просто «водяным». Влюбился в дочь водяного! У водяного свой служебный пароход «Стрела», и мы с Леночкой на каникулах — его бесплатные пассажиры» [15, с. 297].

Из истории волжского пароходства узнаем, что пароход «Стрела» на Волге принадлежал купцу Кунгину, владельцу еще одного пассажирского парохода «Два брата». Фотографий «Стрелы» не сохранилось, но сохранились детские

впечатления Евгения Чирикова о речных прогулках, которые эхом отозвались в рассказе «Сказка»: «Все сказки моей жизни связаны с Волгой. Это мой огонек, у которого я люблю отдохнуть, посидеть, погреть усталую душу воспоминаниями и погрузить в розовых сумерках ласкового заката... <...>

Дышишь и не надышишься, смотришь и не насмотришься... <...> Бежит за пароходом трепетная дорога и качает на своей волне быстро убегающую назад лодку. Над кормовой мачтой застыла белая черноглазая чайка с поджатыми красными лапками. Синий дымок уже закурился на лениво проплывающих мимо плотах... <...>

Сидишь, смотришь на убегающие горы, на румяную воду, на чайку над мачтой <...>. Когда-то все это уже было... Точь-в-точь также: и стук колес, и «говорок», и белая чайка, и тоскливая песенка... Когда?.. Очень давно, когда был юн и любил смотреть только вперед...» [17, с. 242–244].

Чириков рано попал под влияние революционных идей, стал активным участником общественной жизни и надолго попал в разряд «неблагонадежных». За участие в студенческой сходке в 1887 году был исключен из Казанского университета, после этого испытал ссылки, тюрьмы, запрет на проживание в университетских городах России. Поэтому неслучайно, что в жизни Евгения Чирикова был и другой пароход — арестантский.

В начале 1891 года в Астрахани Чириков, впервые в жизни увидевший незнакомого ему «политического авантюриста»-младонародовольца Сабунаева, по-человечески пожалел его и дал возможность переночевать на своей съемной квартире. Полиция, которая уже вела слежку за Сабунаевым, арестовала обоих и отправила арестантским пароходом в Казань.

Из воспоминаний Евгения Чирикова: «Таков закон интеллигентских судеб: раз молодой человек получил штемпель «политически неблагонадежного», раз он получил тюремное крещение, ему почти не было возврата <...> А вот теперь я, как зверь в передвижном зверинце, сижу на арестантском

пароходе с обнесенной проволочной железной сеткой палубой и еду в Казань!» [15, с. 335].

Арестанты перевозились тогда между Нижним Новгородом и Астраханью на пароходах «Крестьянка» и «Крестьянин», «Царевич» и «Царевна». Они принадлежали пароходному обществу «По Волге» и были специально оборудованы для перевозки арестантов [11].

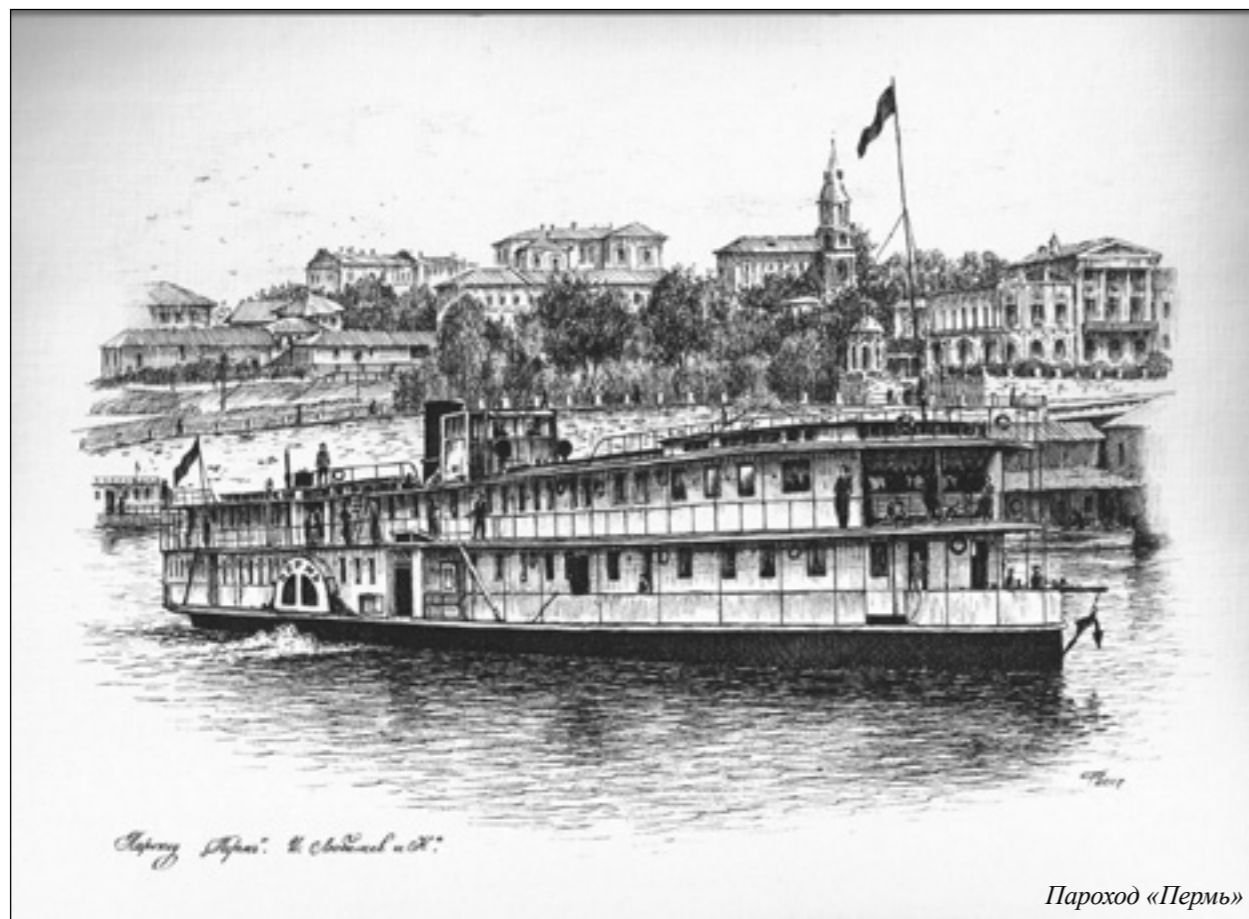
Арестанты на пароходе

Чириков был доставлен в Казанский тюремный замок, где провел 4 месяца, а потом за неимением доказательств преступления отпущен.

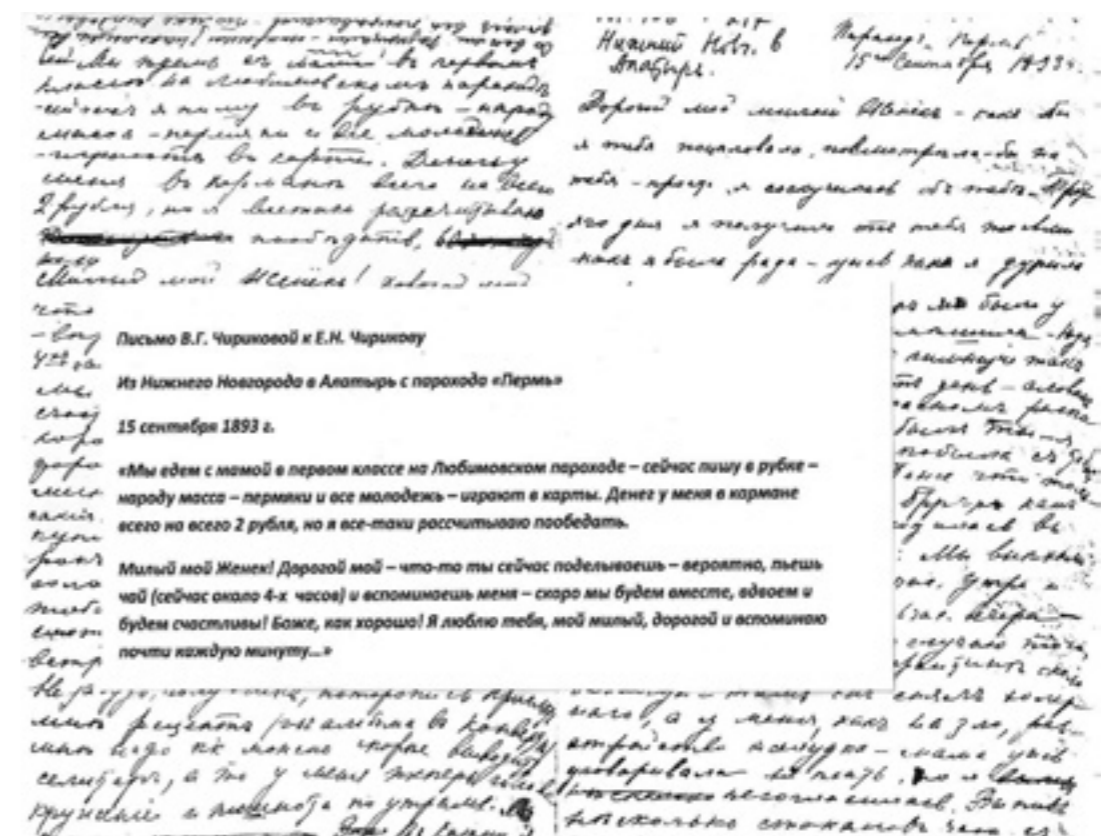
Все это время передачи в тюрьму ему носит юная Валечка Григорьева, родная сестра известного марксиста Михаила Григорьева. В нее Евгений влюбляется глубоко и на всю жизнь. После выхода из заключения он делает ей предложение, которое 17-летняя гимназистка принимает.

В августе 1892 года состоялась свадьба Евгения и Валентины. Отношения между ними всю жизнь были наполнены любовью, уважением и заботой друг о друге. Неслучайно со временем он придет к мысли, что «именно семья должна служить залогом нравственного возрождения человека в условиях гражданского противоборства и всеобщей ненависти» [5, с. 49]. Во многих своих произведениях он будет художественно осмыслять «идею необходимости возвращения из мира беспочвенных, искусственных идеологических построений в мир общечеловеческих вечных ценностей» [4, с. 67]. Об этом свидетельствуют письма супругов друг другу разных лет, сохранившиеся в семейном архиве Чириковых. Некоторые письма были написаны непосредственно на пароходах, а иногда пароходы использовались Чириковыми как средство доставки писем.

Вот отрывок из письма Валентины Георгиевны мужу, написанного на пароходе «Пермь» 15 сентября 1893 года и отправленного из Нижнего Новгорода в Алатырь: «Мы едем с мамой в первом классе на Любимовском пароходе —

Пароход «Пермь»

сейчас пишу в рубке — народу масса — пермяки и все молодежь — играют в карты. Денег у меня в кармане на всего 2 рубля, но я все-таки рассчитываю пообедать. <...>

Милый мой Женек! Дорогой мой — что-то ты сейчас поделываешь — вероятно, пьешь чай (сейчас около 4-х часов) и вспоминаешь меня — скоро мы будем вместе, вдвоем и будем счастливы-счастливы! Боже, как хорошо! Я люблю тебя, мой милый, дорогой, и вспоминаю почти каждую минуту <...>» [6].

Валентина Георгиевна указывает на то, что пароход «Пермь» принадлежал известным судовладельцам братьям Любимовым. Кроме парохода «Пермь» Любимовым принадлежало еще 5 пароходов. «Пермь» был спущен на воду в 1869 году и ходил по маршруту Пермь — Рыбинск.

Валентина Георгиевна с матерью едут из Нижнего Новгорода в 1 классе. Вот как описывает условия 1 класса на пароходах этого типа В. И. Виноградов: «Пассажирские пароходы устроены прекрасно. Почти на всех электрическое освещение. Для пассажиров I и II классов имеются отдельные каюты для дам и для мужчин и отдельные семейные каюты. Каюты I и II классов помещаются на палубе и в холодное время отапливаются паром. На пароходах имеются аптечки, ванны, постельное белье, новые журналы, газеты, рояли, библиотеки. Буфеты на пассажирских пароходах вполне удовлетворительны и недороги. Вина русских и иностранных фирм» [3, с. 132–134].

Валентина Георгиевна пишет письмо в рубке. Сейчас рубку мы называем салоном.

Главные герои многих произведений Е.Н. Чирикова были в основном пассажирами 1 класса. И Тарханов с Зоей на пароходе «Гоголь» в тетралогии «Жизнь Тарханова», и Кудышевы в романе «Отчий дом». По описаниям Чирикова, пассажиров этой категории в основном окружали пошлость, греховность, скука и безделье. Пассажиры играли в карты, читали пошлые стихи, выпивали, рассказывали скабрзные анекдоты, ухаживали за одинокими женщинами... Чириков часто противопоставлял пассажиров 3 класса, где кипела настоящая, подлинно народная жизнь, в укор богатой, сытой и избалованной публике 1 класса.

По мнению исследователей, роман с символическим названием «Отчий дом», «скромно названный автором «семейной хроникой», рисует широкую панораму переломных лет России конца XIX — начала XX века» [2, с. 25]. Приведем небольшой отрывок из него, когда компания молодежи отправляется на пароходе «Аввакум» на озеро Светлояр: «Прогудел последний свисток, и «Аввакум» начал отчаливать от пристани... <...>

Все успокоились, <...> разместились по каютам, уютно устроились и почувствовали себя как дома. Весь первый класс населен только своей, «чистой» публикой. Рубка — как общий зал в своем доме. Матрос притащил самовар. Повар забарабанил ножами — готовит вкусный ужин. Ваня разворачивает свой дорожный буфет с винами, водками, закусками, фруктами, со всякими деликатесами. Полная чаша!

Первоклассная компания вкусно и сытно покушала и занялась музыкой. Наташа захватила с собой партитуру <...> оперы Римского-Корсакова «Град Китеж». Вздумали спеть хоровой номер. Вышло совсем недурно. Звучало так торжественно, молитвенно. И вот что случилось во время этого пения. Окна рубки были занавешены опущенными шторками. Во время пения Ваня Ананькин приподнял шторку и заглянул в окно: под окном стояли богомолки и молились под их хоровое пение. Свет электрической лампочки освещал лица молящихся: на этих лицах светилось религиозное умиление, женщины молились широким размахом и, возводя взоры к небесам, что-то шептали губами.

— Господа! А ведь люди-то молятся под оперу! — обернувшись, сказал Ваня с улыбочкой, и всем сделалось смешно. Только Наташа почувствовала неловкость и застыдилась. Перестала петь и хлопнула крышкой пианино.

— Почему? Продолжайте! Пусть их молятся...

— Нехорошо» [16, с. 422–423].

«Улыбочка» и смех прогрессистов противопоставлены «религиозному умилению» женщин из народа... Неслучайно чешский ученый Йозеф Догнал отметил, что в творчестве Чирикова «подняты темы, превосходящие сиюминутное и обращающие внимание на существенные вопросы общественного и индиви-

дуального бытия с точки зрения веками учитываемых ценностей» [1, с. 18].

Пароход «Аввакум», на котором отправились герои романа, существовал в реальной жизни. Он принадлежал Кашиным — знаменитой династии судовладельцев, яркой представительницей которой была Мария Капитоновна Кашина (1857–1916) — нижегородская предпринимательница, прототип Вассы — героини пьесы М. Горького «Васса Железнова».

Евгению Николаевичу посчастливилось в 1907 году проехать вместе с Кашиной на ее пароходе до Казани. И вот как он описал ее в своем письме:

«26 апреля 1907 года, г. Казань

Еду на Кашинском в 1 классе. Публика: двое каких-то чинуш и сама Мария Капитоновна Кашина <...>. Это единственная услада! Вот бабища! Пудов 10 весу, говорит, как мужик, «выражается», деловая <...>. На каждой пристани к ней идут с докладами, а она так ловко разговаривает, что хохотать хочется» [9].

Чириков хорошо знал закулисы пароходного бизнеса, но оно его мало интересовало. Для него пароход и пребывание на нем носило сакральный смысл. Это был место, где писатель чувствовал свою тесную связь с волгарами и волжской природой, место, где рождались его образы и сюжеты.

Во многих волжских рассказах носителями памяти народной, древних легенд и рассуждений о Боге, мироздании и вообще о жизни были самые бедные пассажиры, которых часто называли «гуртовыми». Вот как ярко и точно Чириков описывает этих пассажиров в рассказе «Девьи горы»: «Перед Петровым днем на волжских пароходах бывает великая суতোлка: трудовой люд из приволжских и внутренних губерний огромными артелями и в одиночку плывет на заработки. По обыкновению, большинство едет на авось, понаслышке про высокие цены на косьбу и жнитво, поэтому одни плывут вниз, пробираясь в Донские степи, другие плывут вверх <...>, «где — сказывают — хорошо платят помещики». Самое доходное время для пароходчиков. Пассажир гуртовой и самый нетребовательный. <...> Этим пассажиром забивают нижние палубы <...>. Гудит палуба от <...> гомона и говора, от споров на религиозные темы, <...> хохота, ссор и хоровых песен. Много люда темного, а попадаются и «бывалые», всю жизнь свою бродяжничающие в поисках лучшей доли, напоминающие «кладоискателей», неугомонные идеалисты, верующие до сих пор

Семья пароходчиков Кашиных

в царство с молочными реками и кисельными берегами, фантазеры, мечтатели, неграмотные поэты, искатели «правды Божией»... Свиду — серо, темно, все под одну сермяжную краску, а приглядитесь попристальнее, вслушайтесь повнимательнее — и перед вами раскроется красочный мир народной души...» [12, с. 45–46].

Самые яркие герои волжских рассказов и сказок Чирикова — люди из народа, настоящие волгари, связавшие свою жизнь с великой русской рекой. Для них пароход или баржа — это дом, семья, средство существования и целый мир, наполненный чувствами и образами. Сам пароход становится для них живым существом, с которым можно общаться, которое вызывает то восхищение, то страх, то воспоминания.

Вот вахтенный Кирюха в рассказе Чирикова «На стоянке», коротая ночь на посту, видит приближающийся пароход: «Стук колес слышался все отчетливей и отчетливей, а потом вдруг выдвинулся из-за горы и словно застыл на месте и самый пароход. Корпус его гордо поднимался над водою и, белый, блистающий огнями, разрезал своим носом и будоражил колесами волжскую гладь...

Кирюха встал к борту, широко расставил ноги и устремился взором на быстро скользивший <...> и вырвавшийся пароход, который, казалось, надвигался с какой-то суровой решимостью прямо на баржу и грозил уничтожить ее вместе с Кирюхой... Кирюха не мог пропустить парохода без замечания; продолжительное одиночество породило в нем желание с кем-нибудь перекинуться словом:

— Эй!.. Пра-хо-о-од! — пустил Кирюха высоким тенором. — Пра-хо-о-д!.. Ось-то в колесе-е!..

Владимир Маковский. На палубе парохода

При этом Кирюха замахал картузом и подмигнул пароходу.

Но пароход совершенно игнорировал Кирюхины остроты. Он прошел почти вплотную деловым, серьезным образом, с шумом, стуком и пыхтением, мимолетно и презрительно взглянул на парня своими яркими электрическими огнями, пахнул ему в лицо дымом, перегретым паром и нефтью, и удалился, оставляя за собою длинную ленту дыма из трубы и серебрившийся хвост взбудораженной воды, расходившийся из-под кормы на две стороны...» [13, с. 308].

На пароходах в произведениях Е.Н. Чирикова разыгрываются самые разные сцены: от романтично-любовных и комических до религиозных и подлинно народных. Здесь рождаются и передаются из уст в уста волжские легенды.

Из рассказа «Девьи горы»: «В <...> конце июня, плыл я из царства Казанского в царство Астраханское и по пути услышал волжскую сказку про «Девьи горы» <...>...

Это было где-то под Вольском. Классная публика была неинтересна: все больше чиновники, тратившие время исключительно на уху из стерлядей, селянку и винт; две пожилые дамы, все время вязавшие какие-то косыночки и разговаривающие о квартирах и телятине, да молодая парочка, поглощенная взаимностью, уединявшаяся и несклонная к знакомствам и разговорам... Скучно! И вот я покинул «чистую публику» и, сойдя на нижнюю палубу, стал бродить здесь, с трудом пробираясь между спутавшихся ног и рук... <...>

На корме словно торжественное заседание. Народу сбилось <...>. Что там такое? Спорят об антихристе» [12, с. 46–47].

Легенда, услышанная Чириковым на палубе парохода, стала основой не только рассказа, но и киносценария одноименного фильма. Советской властью фильм «Девьи горы» был запрещен из-за религиозного сюжета и сходства внешности Иуды с В. И. Лениным. Но в неурожайный 1921 год этот фильм был отправлен на Запад для сбора средств голодающему Поволжью. Фильм, олицетворявший русскую душу и православие, народную культуру и традиции, помог спасти не одну жизнь волгарей от голодной смерти.

Особое место в произведениях Чирикова занимали капитаны пароходов. С нескрываемым уважением и восхищением художник описывал эту особую касту волгарей: солидный внешний вид, заботу и особое внимание к пассажирам, строгость и требовательность по отношению к команде. Писателя интересовала судьба реальных капитанов, которая переходила потом в судьбы его литературных героев.

Главным героем рассказа «Сон сладостный» является бывший капитан пассажирского парохода Павел Иванович Неверов. Действие происходит в одном из любимейших мест писателя — в городке Плёс, где Чириковы одно время даже

хотели построить или купить дачу по соседству с дачей друга семьи — певца Федора Ивановича Шалапина.

Из письма Евгения Николаевича от 11 августа 1916 года мы даже знаем, когда, для чего и на каком пароходе Чириковы прибыли в Плёс, а потом отправились дальше в Нижний Новгород: «Здравствуйте! Плыдем с Валеткой на «Минине» О-ва «Русь» из Плёса, куда приплыли на «Дворянине»... Завтра в 8–9 утра будем в Нижнем» [10].

Жизнь Павла Ивановича похожа на карьеру многих капитанов-волгарей, связавших свою профессиональную судьбу с Волгой. Многие из них перенимали профессию от дедов и отцов, находясь с ними на пароходах с раннего детства.

Из рассказа о себе Павла Ивановича Неверова: «Видели, каким ухарем я в молодости был, когда рулевое колесо на пароходе вертел? Дикарь был, из лесной берлоги вылез. Отец на Ветлуге лесом промышлял, а раньше тоже в лоцманах ходил. Вот по отцовской дорожке и пошел. Сперва на плотках плавал, лес отцовский на Волгу стогнял, лес да вода, да небеса вверху! — вот и все учителя. Народную школу, впрочем, кончил и даже большие способности проявил: две зимы еще в городской школе пробыл, но лес опять к себе потребовал, образование оборвалось, и снова — лес, вода да небеса, Божье приволье и матушка-Волга моими учителями сделались. Отец буксирный пароход арендовал, и с 16 лет я окончательно водяным жителем сделался. С весны до глубокой осени на пароходе живешь, все куда-то едешь, все вода под колесами шумит, машина и днем и ночью неустанно работает, а мимо города, села, деревушки плывут. И так к этому привыкаешь, что, когда с воды на сушу вылезает, так скучно, словно чужой на твердой земле. Хозяйский сын на пароходе, — конечно, первое лицо. Все, что угодно, изображаю: и лоцман я, и капитан, и конторщик, и машинист. На все руки. Пять лет на своем «Трудолюбивом» проплавал, хорошо пароходное дело изучил, матушку-Волгу от Нижнего до Астрахани так знал, что разбудят ночью <...>, оглянусь и сейчас же узнаю, где плывем. На память выучил. Потом отец торговать стал, ослабел, разорился и помер... утонул <...> — и я старшим в семье остался... И пришлось мне с его парохода на чужой перейти. Сперва лоцманом на буксире плавал, потом — капитаном сделали. С завистью смотрел я на легкие пароходы, и казалось мне тогда, что самый счастливый человек на земле и на воде — это капитан легкого, быстроходного парохода. <...> И Господь мою просьбу уважил. Словно чудо вышло. Однажды подплывая к Астрахани, вот этак же молился, а не прошло и трех дней, как обратно из Астрахани помощником капитана на легком бежал... Да ведь не вторым, а старшим помощником!.. Старший помощник на вахте дежурит, всем пароходом наравне с капитаном правит... А мне всего-то двадцать

два года! И кудрявый, и сильный, как ломовая лошадь, и жизнь во мне кипит, и радость огнем пылает. Все за что-то любят: и капитан, и агенты, и матросы, и пассажиры. <...> Три года только помощником проплавал и в капитаны превратился...» [13, с. 286–287].

Часто пароходы в произведениях Чирикова становятся неким духовным центром. Неслучайно у Чирикова звучит фраза: «Священник — батюшка, а Волга — матушка». Вера православная и река всегда рядом. Словно сама церковь переезжает на пароход, причем в прямом и переносном смысле. Чириков описывает небольшие часовни на борту парохода, а где их нет, то местом для молитвы и бесед на религиозные темы становится пароходная корма.

В рассказе «Между небом и землей» описан уникальный пароход «Валаам», команду которого составляли исключительно монахи Валаамского монастыря: «На первых порах это было так странно <...>: пароход, на котором и капитан, и лоцмана, и матросы, и все прислуживающие публике — монахи, послушники и служки. Даже повар — в монашеском подряснике! Особенно неуместным казалось это, когда пароход стоял у Калашниковской пристани, в самом центре столичной суеты, около кипучей торговой площади. Шум, крики, брань, грохот, звонки, толкотня, ржанье лошадей, — все это сматывалось в клубок из движений и звуков, ярко окрашенных мелкими человеческими страстишками — и монастырский пароход, такой тихий и кроткий, с черными

Владимир Маковский. На пароходе

силуэтами монахов, с огромной иконою Богородицы, пред которой теплилась лампада, с нерукотворным образом Спасителя на полотне кормового флага — казался «гостем нездешней стороны» [14, с. 5]. Чириков действительно посетил остров Валаам, а пароход «Валаам» действительно курсировал между Петербургом и Валаамским монастырем.

К сожалению, «Валаам» не долго радовал монастырь. 1 мая 1898 года на полной скорости он налетел на торчащие из воды скалы и утонул. Столкновение было настолько сильным, что оторвался корабельный паровой котел. Судя по дате аварии, Евгений Николаевич Чириков не мог переезжать из Петербурга на остров Валаам на этом пароходе, но название и история этого парохода его явно вдохновили.

Это не единственная трагическая история, связанная с пароходами, описанными в письмах и произведениях писателя. Чирикову самому приходилось не раз заниматься инцидентами с пароходами, когда он в 1901–1902 годах в Ярославле и Нижнем Новгороде работал инспектором пароходного общества «Надежда». Сохранились письма писателя, написанные на бланке этого пароходного товарищества.

Находясь вдали от Волги, Чириков скучал по любимой реке, стремился к ней. В 1915 году он пишет из Петербурга дочери Валентине на фронт: «Волга меня голубит, ласкает, вообще она меня обновляет. Вот не было прошлое лето на Волге и теперь устал раньше обыкновенного и чувствую себя вяло, плохо и недеятельно» [7]. И никакие технические достижения за границы не могли заменить ему счастья быть на Волге.

В 1909 году Чириков со своим другом, писателем Леонидом Андреевым, отправляется на пароходе в Северную Европу. В Гамбурге они осматривают гавань и посещают огромный океанский лайнер, который удивил, но не восхищал Чирикова. Вернувшись в свою каюту, он пишет письмо супруге: «Сегодня мы объезжали на маленьком пароходе гавань с проводником. Среди громадин бегают маленькие пароходы и паровые лодки; дым из трубы тянется разноцветными лентами: то черный, то синеватый, то подобный пару и надо всем этим гул пара, стук, лязг железа, гомон людских криков! Ад, но — порядок удивительный: все делается, как в одной сложной машине.

Посетили самый большой американский пароход «Victoria». Прямо подавляет своей колоссальной вместимостью.

И как перенесусь в Россию, в наши города, — Боже, что это за мизерность!.. Но зато — душе у нас на Волге куда теплее... Представляю себе гладь Волги, пароходы, уху из стерляди, «батьюшку» на палубе, рабочих на корме, баб, ищущих вшей, — и так делается тепло на душе, все родное: даже «батьюшка» и «вши» [8].

В изгнании мучительная тоска по России и Волге выразилась в строительстве моделей пароходов. Дочь Марины Цветаевой Ариадна Эфрон, жившая с родителями по соседству с Чириковыми под Прагой, вспоминает: «Тоска жила в комнате Евгения Николаевича, воплощенная и воплощаемая им — нет, не в рукописях: в деревянных модельках волжских пароходов, которые он сооружал на верстаке у окошка, глядевшего в самую гущу сада. Комната была населена пароходами — маленькими и чуть побольше, баржами — коломенками, тихвинками, шитиками, гусянками; челнами и косными <...>. Тесно было волжанину во Вшенорах, мелководно на Бороунке!» [18, с. 212].

Переехав в 1925 году из Вшенор в Прагу, Евгений Николаевич продолжил мастерить модели волжских пароходов. Давал им имена тех, на которых сам плывал когда-то. На палубах стояли герои его произведений: юные девушки и дамы с детьми, студенты и офицеры, священники, капитаны и матросы.

Незадолго до смерти Евгений Николаевич смастерил из стекла, губки, мха и дерева большую панораму «Городок на Волге», которая стояла у него в квартире на книжной этажерке. Зеленые волжские берега, белые церкви, коричневые деревянные избы с баньками, синяя гладь Волги и белые пароходы, стоящие у причала или уже отвалившие от берега и взявшие курс на дорогие сердцу писателя волжские города.

Он мечтал вернуться на эти берега, но не успел.

Когда в 1932 году Евгения Николаевича Чирикова не стало, панорама волжского городка стояла у изголовья гроба покойного. А вокруг на полках прощались с писателем его пароходы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Догнал Й. Предисловие. // REVITALIZACE HODNOT: UMĚNÍ A LITERATURA V. Editor Josef Dohnal. Sborník z13 mezinárodní conference «Revitalizace hodnot: umění a literatura V» konané 4. června 2021 v Brně, Česká republika. S. 17–19.
2. Багратион-Мухранели И. Л. Роман-эпопея «Отчий дом» Е. Чирикова // REVITALIZACE HODNOT: UMĚNÍ A LITERATURA V. Editor Josef Dohnal. Sborník z13 mezinárodní conference «Revitalizace hodnot: umění a literatura V» konané 4. června 2021 v Brně, Česká republika. S. 25–35.
3. Виноградов В. И. Иллюстрированный путеводитель по Нижнему Новгороду и ярмарке / 2-е изд. Н. Новгород: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1896. 235 с.
4. Захарова В. Т. Художественное восприятие национальных духовно-нравственных ценностей М. Горьким и Е.Н. Чириковым через постижение жизни русского Севера // REVITALIZACE HODNOT: UMĚNÍ A LITERATURA V. Editor Josef Dohnal. Sborník z 13 mezinárodní conference «Revitalizace hodnot: umění a literatura V» konané 4. června 2021 v Brně, Česká republika. S. 69–79.

5. Михайлова М. В. Назарова А. В. Семья и любовь как основа мироощущения в жизни и творчестве Е.Н. Чирикова // REVITALIZACE HODNOT: UMĚNÍ A LITERATURA V. Editor Josef Dohnal. Sborník z 13 mezinárodní konference «Revitalizace hodnot: umění a literatura V» konané 4. června 2021 v Brně, Česká republika. S. 49–60.

6. Письмо В. Г. Чириковой к мужу Е.Н. Чирикову с парохода «Пермь» в Алатырь, 15 сентября 1893 г. Семейный архив Е. Е. Чирикова, г. Минск. ИСТ — 156, Ф — 217.

7. Письмо Е.Н. Чирикова к дочери Валентине из Петербурга в Варшаву, 15 февраля 1915 года. Семейный архив В. Г. Чириковой, г. Нижний Новгород. П-ЕНЧ № 49.

8. Письмо Е.Н. Чирикова к жене В. Г. Чириковой из Гамбурга в Петербург, 7 августа 1909 года. Семейный архив В. Г. Чириковой, г. Нижний Новгород. П-ЕНЧ № 29.

9. Письмо Е.Н. Чирикова к жене В. Г. Чириковой из Казани в Петербург, 26 апреля 1907 года. Семейный архив В. Г. Чириковой, г. Нижний Новгород. П-ЕНЧ № 18.

10. Письмо Е.Н. Чирикова родным в Петербург с парохода «Минин» по пути из Плеса в Нижний Новгород, 11 августа 1916 года. Семейный архив В.Г. Чириковой, г. Нижний Новгород. П-ЕНЧ № 56.

11. ЦАНО. Ф. 2592. Оп. 1. Д. 164. Л. 2 об. — 3.

12. Чириков Е. Н. Вниз по Волге-реке. Легенды и были / вступ. статья В.А. Шамшурина, В. Г. Чириковой. Н. Новгород: Вектор ТиС, 2004. 148 с.

13. Чириков Е. Н. Зверь из бездны: Роман, повести, рассказы, легенды, сказка / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. М. В. Михайловой. СПб.: Фолио-плюс, 2000. 846с.

14. Чириков Е. Н. Между небом и землей. Paris: Возрождение, [19--]. 176 с.

15. Чириков Е. Н. На путях жизни и творчества: отрывки воспоминаний // Лица: Биограф. альм. М., СПб. 1993. № 3. С. 281–416.

16. Чириков Е. Н. Отчий дом. Семейная хроника / Вст. ст., подгот. текста, коммент. М. В. Михайловой, А. В. Назаровой. М.: Эллис Лак, 2010. 832 с.

17. Чириков Е. Н. Собр. соч.: в 15 т. Т. 12. Цветы воспоминаний / Изд. 1-е. М.: Моск. кн-во. 1912. 273 с.

18. Эфрон А. С. О Марине Цветаевой: воспоминания дочери / сост. и авт. вступ. ст. М. И. Белкина; коммент. Л. М. Турчинского. М.: Советский писатель, 1989. 477 с.

М.А. Чириков

НАСЫЩЕННАЯ ЖИЗНЬ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ ПИСАТЕЛЯ Е.Н. ЧИРИКОВА

Итоги 2022 года

2022 год стал для Литературного музея писателя Е.Н. Чирикова, расположенного в Нижегородском филиале Высшей школы экономики, не менее бурным, чем предыдущие годы.

И хотя старые проблемы в отношении собственного помещения, статуса и переезда в центр города остались, музей значительно увеличил количество гостей самого разного возраста со всех уголков России, географию выставок из фондов музея и число конференций и литературных встреч, в которых музей принял участие в этот период.

Этому способствовали юбилеи 2022: 90 лет со дня смерти Е.Н. Чирикова и юбилеи выдающихся деятелей русской культуры, с которыми писатель и его семья были тесно связаны: М.И. Цветаевой, Ф.И. Шаляпина, С.В. Рахманинова и В.Г. Короленко.

Поэтому темами музейных литературных вечеров, научных докладов и выставок стали: «Автографы М. Цветаевой в семье писателя Е.Н. Чирикова» (Таруса,

2022), «Голубь с волжских берегов.

История дружбы Е.Н. Чирикова и Ф.И. Шаляпина» (Бор, 2022, Городец, 2022). «Он был, о Волга, твой певец» (Кстово, 2022, Ветлуга, 2022, Семенов, 2022, Городец, 2022), «В.Г. Короленко в воспоминаниях Е.Н. Чирикова» (Нижний Новгород, 2022), «А.П. Чехов в воспоминаниях Е.Н. Чирикова» (Нижний Новгород, 2022).

Выставка «Уникальные автографы в семье писателя Е.Н. Чирикова» продолжила свое путешествие по библиотекам и музеям Нижнего Новгорода и Нижегородской области.

Одной из задач музея является содействие изданию и пере-

изданию произведений Е.Н. Чирикова в России и за рубежом. В 2022 г. при организационной, методической и финансовой поддержке музея и его друзей в Нижнем Новгороде, Москве, Петербурге, Перми и общества дружбы Нижний Новгород-Эссен в России были изданы «Волжские рассказы и сказки», а в Германии на немецком языке вышел роман «Зверь из бездны». Торжественное вручение сигнального экземпляра немецкоязычного издания состоялось в Литературном музее Е.Н. Чирикова при участии Председателя общества германо-русских встреч г. Эссена (Германия) госпожи Барбары Лаххайн.

Помимо просветительской функции музей имеет важную воспитательную задачу: через экскурсии, литературные встречи и выставки, совместные проекты со школами, университетами и музеями, неформальное общение и чтение литературных произведений Е.Н. Чирикова передать молодому поколению уважение к прошлому России, любовь к Родине, ее природе, родным местам, Волге и волгарям, национальной культуре и людям, создававшим культурный код нации. Это теме был посвящен доклад на международной научной Добролюбивской конференции 2022 года: «Формы работы Литературного музея Е.Н. Чирикова со школьниками по продвижению духовно-нравственных ценностей посредством представления и использования нематериального культурного наследия в сочетании с музейными предметами».

Выставка в р.п. Выездное

В 2022 году музей стал героем телевизионных программ на федеральном канале «Культура», ТВ г. Семенова и Арзамаса. В телевизионных программах рассказывалось об истории создания музея и его работе.

Музею посвящены публикации в газетах Москвы, Нижнего Новгорода, Самары, Сенгиля, Ветлуги, Бора и Городца.

Музей продолжает завоевывать сердца нижегородцев. Свидетельством тому стала победа в конкурсе Ассоциации нижегородских экскурсоводов и гидов-переводчиков «Лучший гид Нижнего Новгорода-2022» в номинации «Любимец народа».

Впереди много планов. Поступили новые приглашения на конференции в Москве, Ялте, Перми. Музей традиционно станет организатором круглого стола «Музей в образовательном пространстве» в рамках ежегодной конференции НИУ ВШЭ «Культурный трансфер». Готовится большая выставка в Доме русского зарубежья в столице. Выставка автографов продолжит свое путешествие по городам Нижегородской области. Много мероприятий в Нижнем Новгороде, Москве, Твери и г. Осе Пермского края будет посвящено 320-летию великого мореплавателя, первооткрывателю Аляски капитан-командору Алексею Ильичу Чирикову. К этой дате наш музей существенно пополнился новыми материалами и экспонатами. А летом, как участник международного проекта «Великая Северная Экспедиция», музей примет у себя разработчиков маршрута «По следам Витуса Беринга», который в 2024 году пройдет через Нижний Новгород.

О.Ю. Серова

педагог-организатор городского ресурсного центра духовно-нравственного воспитания и гражданского образования имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия на базе школы № 187 Советского района города Нижнего Новгорода

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ — ПАТРИОТИЗМ

«Гордиться славою предков не только можно, но и должно», — с этих слов Александра Сергеевича Пушкина началось формирование музейного пространства «Георгиевский зал — зал славы русского воинства» в городском ресурсном центре духовно-нравственного воспитания и гражданского образования имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия на базе школы № 187 Советского района города Нижнего Новгорода. Идею создания такого центра в 2010 году предложил директору школы В. А. Малинину митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий.

Непростые годы перехода страны от социализма к рыночным отношениям наложили суровый отпечаток на формирование нравственных устоев в обществе, практически они были утеряны. Как духовный пастырь митрополит не мог не видеть этого и предложил сконцентрировать в одном месте всё, что помогло бы в восстановлении традиций в воспитании детей, связи между поколениями. Школа осталась одним из последних островков, на которых сеяли семена духовности, обучая, воспитывали, прививали нормы нравственности. Директор школы Валерий Малинин начинал с нуля как в восстановлении помещений, не ремонтировавшихся годами, так и в сборе материала, которым можно было поделиться со всеми, кто занимался вопросами духовно-нрав-

Подписание договора о создании городского ресурсного центра духовно-нравственного воспитания и гражданского образования имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия: 2010 г.

Освящение музейного пространства «Георгиевский зал — зал славы русского воинства» в год 70-летия Великой Победы, 2015 г.

Первый зал. Общий вид экспозиций «Александр Невский — имя России», «На поле Куликовом. Дмитрий Донской» и «Сергий Радонежский — игумен земли русской», 2020 г.

ственного воспитания. Спустя пять лет на базе центра было создано музейное пространство, экспозиции которого были посвящены самым ярким победам русского воинства от времён Древней Руси до современной России.

Музейное пространство было образовано из двух залов: первый зал — «Небесные покровители русского воинства» и второй зал — «Великая Победа». Это были светлые, но пока полупустые комнаты с экспозициями, посвящёнными Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Сергию Радонежскому, Минину и Пожарскому, Петру Первому, Фёдору Ушакову и Павлу Нахимову, войне 1812 года, периоду Первой мировой и Великой Отечественной войн. Основной идеей создания музейного пространства было формирование экспозиций, рассказывающих о славных победах русского воинства, и полководцах, имена которых связаны с Нижегородским краем.

Первая экспозиция «Александр Невский — имя России» посвящена победам юного новгородского князя над шведами на реке Неве и рыцарями Ливонского ордена на Чудском озере, всей жизни князя-воина, князя-дипломата, князя-монаха. Почил святой благоверный князь Александр Невский в Феодоровском монастыре города Городца, приняв схиму и отойдя ко Господу простым монахом. В витрине лежат монастырские книги с акафистом Александру

Невскому, его житием, фотография серебряной раки с мощами князя, экспозицию украшает копия картины Валентина Серова (1942 г.) «Торжественный въезд Александра Невского во Псков после Ледового побоища» и стяг полков воина Александра. Рядом расположен манекен с копией обмундирования и вооружения ратника Древней Руси: кольчуга, шлем с бармицей, щит и меч, копьё всадника и копьё пешего ратника. Все эти атрибуты, конечно же, реконструкция, но она и позволяет посетителям музейного пространства, а это в основном дети, примерить на себя шлем, почувствовать тяжесть меча и щита, подержать в руке копьё.

Знамённые комплексы, которые украшают все экспозиции, а так же часть костюмов воинов разных эпох, реплики орденов и медалей, новые витрины приобретаются на деньги грантов, которые выигрывает центр. Гранты позволяют получить не только материальную поддержку, но и побуждают развернуть поисково-исследовательскую работу вместе с учениками школы на темы, посвящённые победам русского воинства.

Экспозиция
«На поле Куликовом.
Дмитрий Донской»,
2019 г.

Экспозиция
«Великие земляки:
Минин и Пожарский»,
2021 г.

Следующая экспозиция посвящена московскому князю Дмитрию Ивановичу, женатому на дочери нижегородско-суздальского князя Евдокии, и победе русского воинства на Куликовом поле. Репродукция картины Александра Бубнова (1947 г.) «На поле Куликовом» наглядно демонстрирует рать князя, обмундирование и вооружение ратника того времени. Здесь же и хоругвь — церковное знамя, которое сопровождало войска русских князей во время битв. «Отважней душа и десница, когда перед бодрым полком хоругви заветные плещут!» — писал русский поэт Николай Языков. Экспозиция содержит старинное издание кондака и акафиста князю Дмитрию Донскому, житие князя, юбилейную медаль в память 500-летия русской артиллерии «Дмитрий Донской — Александр III». Рядом представлено живописное полотно Павла Рыженко «Молитва Пересвета». Битва на Куликовом поле неотрывна от благословения на битву Дмитрия Ивановича игуменом земли русской Сергием Радонежским. Следующая экспозиция, посвящённая молитвеннику Сергию, включает в себя картину «Сергий Радонежский благословляет московского князя Дмитрия на битву» и книги о преподобном Сергии.

В таком же ключе сформирована экспозиция о Кузьме Минине и Дмитрии Пожарском — наших земляках. Ополчение, которое они возглавили, смогло переломить время Смуты и положить начало династии царей Романовых.

Экспозиция, посвящённая Петру I, содержит указ императора об учреждении Нижегородской губернии, картину «Пётр I в Полтавской битве», реплики медалей, учреждённых Петром: за «Победу при Гангуте» и «Полтавскую баталию», материалы о пребывании императора Всероссийского в Нижнем Новгороде.

Экспозиция «Пётр I»,
2019 г.

экспозиция
«Морская слава
России»: 2018 г.

Продолжает рассказ о великих полководцах нашей родины экспозиция «Морская слава России», украшенная портретами непобедимого адмирала Фёдора Ушакова и героя Крымской войны Павла Нахимова. Здесь и форма офицера войны 1854-1855гг., корабельная рында, уникальный кремниевый пистолет (1851 г.) — подарки из личных коллекций друзей нашей школы и нашего центра. Пистолет был найден в Большеболдинском районе на чердаке одной

Экспозиция

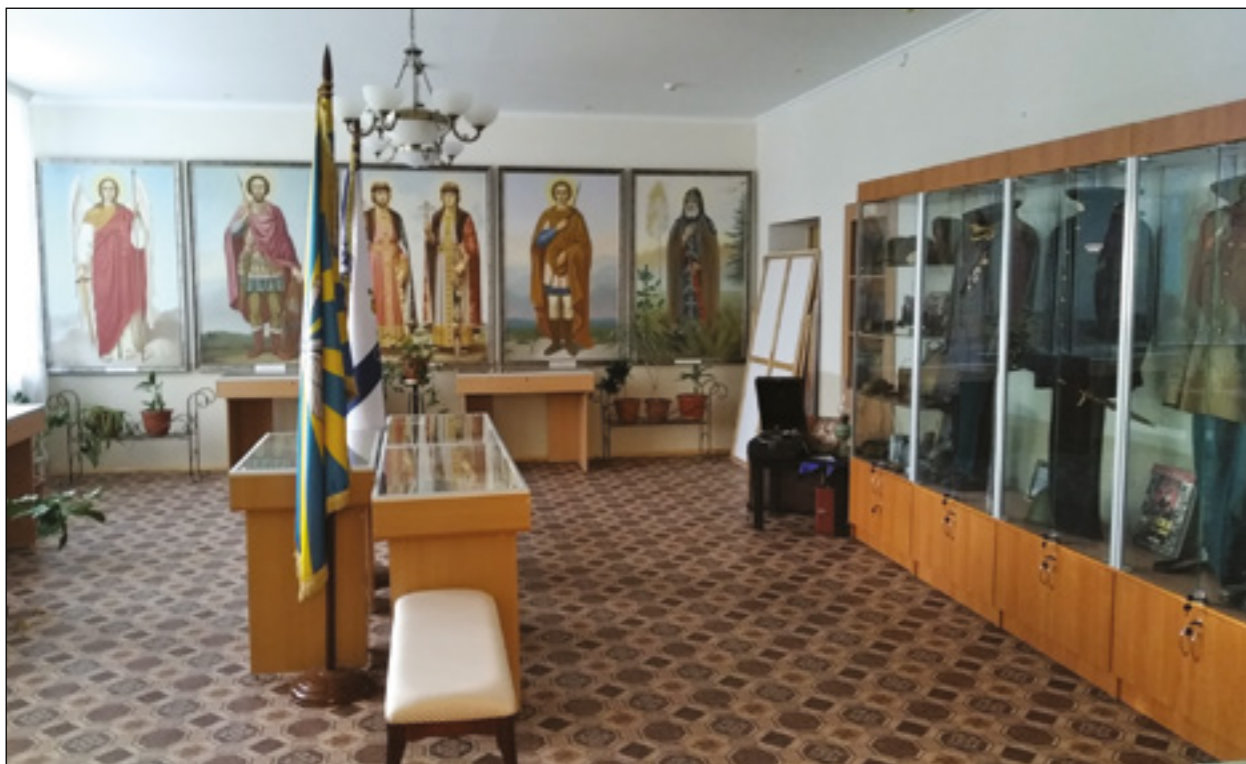
Экспозиция «Недаром помнит вся Россия про день Бородин», 2019 г.

из деревенских изб. Артефакт всегда вызывает у экскурсантов неподдельный интерес и желание подержать его в руках.

В зале «Небесные покровители русского воинства» сформированы ещё две экспозиции, посвящённые Отечественной войне 1812 года и Первой мировой войне. Есть в этих экспозициях и уникальные экспонаты: палаш (уланская сабля) и пехотный кивер (военный головной убор) офицера Лейб-гвардии Гусарского полка времён войны 1812 года, материалы о Якове Петровиче Кульневе — в седьмом поколении это прадед ученика школы № 187, подлинные

Экспозиция
«Первая мировая
война», 2021 г.

Экспозиция «Великая Победа»: общий вид, 2022 г.

кавалерийские чешуйчатые уланские эполеты, медаль 1813 г., медаль к 100-летию и 200-летию Отечественной войны с Наполеоном, медный котелок солдата Первой мировой войны, походный пехотный барабан (1914 г.), полный Георгиевский крест. Экспозиции дополняют картина «Фельдмаршал Кутузов на Бородинском поле», реплики знамён войны 1812 года и государственного знамени Российской империи 1914 года, реконструкция костюма гусара и воина Первой мировой.

Второй зал музейного пространства — это зал «Великая Победа». В зале сформированы экспозиции, посвящённые Великой Отечественной войне. Живописные полотна «Битва под Москвой» и «Взятие Берлина» дополняют рассказ экскурсовода о трагических и радостных днях одной из самых тяжёлых войн в истории России.

Есть экспозиции «Маршалы войны», «Письма с фронта», «Роль церкви и священнослужителей в годы Великой Отечественной войны» (о митрополитах Сергии Страгородском, Алексии Симанском, Николае Кутепове). Экспозиционная витрина наполнена подлинными вещами офицеров и солдат войны: танкистский шлем, офицерская сумка, бинокль, военное обмундирование, все эти вещи принесли в музей педагоги и ученики школы. В экспозициях присутствуют как реплики орденов и медалей, так и подлинные награды. Зал украшают знамёна: знамя Победы, знамя ВМФ, знамя ВДВ.

Есть витрины, посвящённые генералиссимусу И. В. Сталину, первому секретарю обкома партии по танковой промышленности в городе Горьком —

Экспозиция «Дорогие реликвии», 2019 г.

Василию Янказеву, горьковчанам, награждённым в годы войны орденами великих полководцев прошлого — Орденами Александра Невского, Дмитрия Донского, Кутузова, Ушакова и героям нашего времени — нижегородцам-десантникам Андрею Зайцеву и Роману Пискунову, погибшим на чеченской войне.

В зале «Великая Победа» ребята могут примерить пилотку, бескозырку, фуражку офицера, каску солдата, взять в руки осколки снарядов, патроны. Центральную стену зала украшают живописные изображения Михаила Архангела святых воинов: Феодора Стратилата, Георгия Победоносца,

Илии Печерского, покровителей русских воинов — святых благоверных князей-страстотерпцев братьев Бориса и Глеба.

«Письма с фронта», 2019 г.

Периодически в зале формируются временные выставки — «На позицию девушка провожала бойца», «Встреча на фронте и любовь на всю жизнь», «История военного головного убора», «Морская душа» (история тельняшки).

Музейное пространство «Георгиевский зал — зал славы русского воинства» пользуется большой популярностью не только в нашей школе, районе или городе, у нас в гостях побывали педагоги из Китая, Беларуси, школьники из города Нови-град (Сербия), ребята из городов и сёл Нижегородской области.

Музейное пространство продолжает развиваться, появляются новые экспонаты, формируются новые экспозиции, сотрудники центра делятся своим опытом. На базе центра проходят мастер-классы, круглые столы по обмену опытом с другими музеями, формируются выставки, пишутся заявки на новые гранты, ведётся исследовательская работа, работает Школа юного экскурсовода. Музейное пространство живо, интерактивно и ещё очень молодо, нам всего 7 лет!

Материал подготовила к печати Татьяна Новокрещенова

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ИСТОРИЯ

- В.А. Репин. Внешняя торговля вошла в город, всё впервые...
- В.А. Зверев. Удивляю адмиралов
- Н.А. Адрианова. Отрывок из книги «Жизнь моя легкокрылая!»
- А.М. Цирульников. Палеес, проживший Пушкиным
- В.Г. Чирикова. Голубь с волжских берегов
- В.А. Питенин. Как мы возвратили читателям «успокоение»... и не только
- А.М. Цирульников. Виктор Балашов и Игорь Кириллов
- А.М. Цирульников. Встречи с Владимиром Жириновским
- А.М. Цирульников. Так это было, или Семейное дело
- А.М. Цирульников. Хохломская ваза для экипажа «Восхода»
- А.М. Цирульников. Помог Александр Руцкой

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ВОШЛА В ГОРОД, ВСЁ ВПЕРВЫЕ...

Наш город был открыт для посещений иностранцев в 1991 году. Этому предшествовал ряд событий. 1 апреля 1989 года в СССР постановлением Совмина СССР и ЦК КПСС внешняя торговля была децентрализована. Управления уполномоченных Министерства внешнеэкономических связей СССР были открыты в столицах союзных республик и в 17 экономических районах, где раньше были совнархозы. Уполномоченным по Волго-Вятскому району был назначен Кириллов Евгений Николаевич — инструктор обкома КПСС, выпускник МГИМО. Я стал заместителем, перейдя из отдела транспорта и связи облисполкома.

Мы начали выдавать лицензии, сертификаты, паспорта бартерных сделок, за которыми участникам внешнеэкономических связей (ВЭС) не нужно было ездить в Москву. Осенью управление начало регистрацию участников ВЭС в Волго-Вятском районе. Был введён Государственный Реестр участников внешнеэкономических связей. Первым участником ВЭС стал ГАЗ, вторым «Нарис» — внешнеторговая фирма управления художественных промыслов, третьим кооператив «Контур» из Ардатова, занимавшийся деревообработкой. Мы были оснащены современными компьютерами, милиция потребовала, чтобы у нас было два уровня сигнализации для охраны компьютеров. Это сейчас кажется смешным, когда компьютеры есть уже в карманах. У нас было много информации по ВЭС, от посетителей не было отбоя.

Летом 1990 года впервые в закрытый город к нам приехала делегация Всемирной таможенной организации (ВТО) для проведения семинара по обучению участников ВЭС гармонизированной системы (т. е. товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности). Возглавлял делегацию вице-президент ВТО голландец Каттенбуш, с ним были немец Томс и югославка Аврамович. Проводили мы этот семинар вместе с Горьковской таможней и областным комитетом статистики. Впервые в городе в Высшей партийной школе был организован десятидневный семинар с синхронным переводом, было много технических проблем, с трудом нашли переводчиков-синхронистов. Рядом с площадью Лядова работали «глушилки», и были проблемы с радиотехникой.

Мы впервые принимали зарубежную делегацию. А они впервые были в СССР. Было много казусов. Утром в первый день, когда мы повели гостей на завтрак, центральный вход в ресторан был закрыт (ресторан открывался в 12 часов), мы проходили через подсобки и кухню (у нас это было принято для уважаемых людей), Аврамович увидела кошку и закричала «Кэт!». Ещё при-

мер: когда в гостинице «Нижегородская» размещали югославку Аврамович, в номере было только три вешалки, а она привезла десять платьев на каждый день, вешалки собирали со всей гостиницы, три вешалки отдал директор гостиницы и по три начальник главка министерства и начальник отдела. Другой случай: я заказал в ресторане шампанское по окончании последнего занятия, был полдень, и нам шампанское подали в кувшинах, так как в это время ещё шла борьба с алкоголизмом, и вино разрешалось продавать только с двух часов. Иностранцы не поняли и отказались. Однажды к Томсу в холле гостиницы стала приставать проститутка, одна из первых «бабочек». Он не понял, а мы её отогнали.

Для гостей я подготовил большую культурную программу: концерт в консерватории, посещение Семёнова, посещение музеев, сауну, экскурсии по городу, посещение Макарьевского монастыря. Своим сотрудникам, проводившим гостям экскурсии, я показал то, что построили в городе немцы-военнопленные. И вот, когда мы возвращались из Макарьева, сидя за трапезой в салоне «Восхода», немец Томс сказал, показывая на Чкаловскую лестницу: «Посмотрите, какую мы вам лестницу построили!»

Во время отъезда из СССР в Москве произошёл ещё один сбой в программе. В Брюсселе им дали визу только в Горький, поэтому их в отель в Москве не поселяли, они не могли ни помыться, ни побриться. Иностранцев возили по городу, пока решался вопрос с визой. Москву, я думаю, они запомнили надолго.

Следующим мероприятием была выставка «Дни финской индустрии в СССР». В город впервые приехали двадцать семь финских бизнесменов во главе с послом Финляндии в СССР Хейке Талвитие. Он был с супругой. Распоряжением облисполкома по согласованию с министерством я был назначен директором выставки. Проводили мы выставку вместе с Д.Г. Красновым — генеральным директором Импэкс-НН (ныне руководителем ТПП НО). Выставка была каталожной и проходила в Партпросе обкома КПСС. На помощь мне из Министерства внешнеэкономических связей СССР был направлен Петров Георгий Георгиевич — заместитель начальника Главка развитых капиталистических стран и Иванов Сергей Игоревич — эксперт Торгпредства СССР в Финляндии. Сейчас Г. Г. Петров — заместитель Президента ТПП РФ, а С.И. Петров — Торгпред РФ в Украине.

Было много протокольных вопросов. Мне впервые в стенах партийного здания закрытого города во время открытия выставки пришлось обратиться к гостям: «Уважаемые дамы и господа!». Правда, потом в телепередаче эти слова были вырезаны. Выставка прошла успешно. Закончилась она фуршетом на четыреста человек, тоже впервые в городе. Один из секретарей обкома звонил мне по телефону: «Вы что делаете? Народ увидит через стекло, что в партий-

ном здании водку пьют!» Но фуршет состоялся, не обошлось без приключений, бесплатная выпивка соблазняла, кое-кто из уважаемых людей прихватывал с собой. А после фуршета из-за «халявы» подрались повар с официанткой.

Следующим важным событием была поездка делегации Горьковской области в Дюссельдорф (ФРГ) с участием в ярмарке.

Первая поездка в июне 1991 во времена СССР делегации Горьковской области на Дюссельдорфскую ярмарку в капиталистическую Германию

Летом 1991 года в последние месяцы существования СССР областная делегация Горьковской области поехала в ФРГ. Германия уже с 1990 года была объединённой, а у нас был СССР, и никто не представлял, что нас ждёт впереди. Возглавлял делегацию Александр Александрович Соколов — председатель облисполкома. Большую помощь нам оказало Министерство внешнеэкономических связей СССР и лично министр Катусhev Константин Фёдорович — наш земляк. В ФРГ помощь оказывал Торгпред Береснев В.В. В делегации были зампред облисполкома Зудилов Валентин Вениаминович, Шарадзе Омари Хасанович — мэр Горького, Митин Сергей Герасимович — депутат областного Совета, директор завода имени В. И. Ульянова и представители 28 заводов города и области. Также в составе был Дом моделей, ансамбль «Волжские напевы», художник Приданов-старший. Из предприятий участвовали: «НИТЕЛ», Станкозавод, ГЗАС имени Попова, «Термаль», НИИТОП, Институт прикладной физики АН, Павловские заводы: «Мехинструмент», Завод имени Кирова, Ворсменский и Тумботинский медико-инструментальные заводы, «Труд» Вача, «Казаковская филигрань», Художественные промыслы, управление бытового обслуживания и т. д.

Мы участвовали в экспозиции РСФСР, наших предприятий было ровно половина. Выставка проходила на дюссельдорфской ярмарке в шестом павильоне. Всего на ярмарке шесть павильонов, наша экспозиция занимала треть павильона. Организатором экспозиции выступил «Экспоцентр» ТПП СССР. Рекламы выставки в городе почти не было, и по телевидению с сарказмом было сказано, что эта выставка была для бедного населения близлежащих кварталов. Наши руководители жили далеко от нас, а мы жили в гостинице около аэропорта, недалеко от ярмарки, туда мы доходили пешком за двадцать минут. На выставке было представлено всё что можно, от коленвалов до матрёшек. Мы были оформлены через фирму «Интурист», чтобы были наличные, завтрак у нас был европейский (кофе, бутерброд и джем). Вместо обеда и ужина нам выдали немного валюты, поэтому с собой все привезли колбасы, тушёнку, макаронны, крупы и т. д. Некоторые участники варили макароны в раковинах кипятильниками, среди них были и руководители предприятий, тако-

ва была проза бытия. Был случай, когда двое наших участников попросили у завода «Термаль» камбузный бачок — это на военных судах, а на гражданских скороварка. «Зачем?» — спросил директор завода, последовал ответ: «Кашу сварим». Он предупредил, что когда будет свисток, бачок нужно будет выключить, последовал утвердительный ответ. И вот вечером в номере два областных руководителя, попивая национальный напиток, смотря телевизор, варили кашу. Последовал свисток, «Палыч! Свисток!» — сказал один. Другой ответил: «Пусть дойдёт!». Через определённое время раздался взрыв, бачок разорвало, и кашу разметало по всему номеру. Потолки были высокие с лепниной, пришлось бедолагам всю ночь собирать кашу, прилегли они под утро, а когда стали обуваться, то туфли были полны каши. Вспоминается поговорка — сапоги каши просят, вот она и реализовалась.

В павильоне был подиум, на котором по очереди выступал наш Дом моделей и ансамбль «Волжские напевы». Были выставлены картины наших художников, часть из них были проданы. «Волжские напевы» сначала выступали на выставке, а потом, поняв, что это бесплатно, стали выступать на площадях города, зарабатывая деньги. Представители завода им. Ульянова привезли хлебопечь, сначала они просто её демонстрировали, а потом стали печь хлеб, продавать его и обеспечивали весь павильон и наших и немцев, и других участников. Всё время выставки шли переговоры об её продаже, но в последний момент немцы отказались, так как не было техобслуживания наших печей в ФРГ. Мы почти всей делегацией толкали печь для погрузки в контейнер. Завод имени Ульянова («Термаль») хотел продать расписанные хохломой чайники, но немцы их не покупали, так как чайники имели всего два провода без заземления. Телевизор «НИТЕЛ» не показывал в ФРГ и не работал звук. Конечно, довелось сравнить уровень немецких товаров и наших — было очень убедительно, но не в нашу пользу.

Организаторы провели фуршет, немцы говорили, что у них никогда не было столько участников при таком малом числе стендов. На приёме я познакомился со многими интересными людьми: российскими участниками, работниками Торгпредства и Посольства СССР в ФРГ, журналистами и др. Во время выставки меня всё время опекал начальник отдела совместного германо-советского предприятия «Весотра», который тоже имел свой стенд. Ко мне приезжал из Брюсселя участник семинара в Горьком представитель Всемирной таможенной организации Эрвин Томс. Он пригласил из Гамбурга свою дочь, чтобы познакомить со мной, она работала стоматологом. Томс познакомился с нашей экспозицией, а затем мы поехали в ресторан, где приятно посидели и пообедали, вспомнили наш семинар в Горьком. Я попрактиковался в немецком. Эрвин пригласил меня в Брюссель в гости, было заманчиво, он приглашал сразу

ехать с ним в Брюссель, но был риск ехать без визы. Я надеялся, что приеду осенью в Брюссель с делегацией Министерства внешнеэкономических связей СССР — это было поощрением за проведение семинара в Горьком. Но кто тогда знал, что в августе будет путч и поездка сорвётся. Шёл июнь 1991 года.

С начальником отдела фирмы «Весотра» я поехал в Кёльн, там мы посетили Торгпредство СССР в ФРГ и германо-советское предприятие «Весотра». «Весотра» существовала с 20-х лет в ФРГ, это совместное германо-советское транспортно-экспедиционное предприятие, крупнейшее в ФРГ. К сожалению, после войны Хрущёв по глупости подарил эту фирму ГДР (как Крым) и потом в течение 10 лет наши юристы добивались возврата фирмы, так как там большие активы. К сожалению, в 2000-е годы немцы совместно с одним нашим банком «Весотру» обанкротили, и теперь для нас она не существует, а в Нижнем был филиал «Волговестранс».

Меня в фирме встретил генеральный директор Макаров Виктор Васильевич, который на то время прожил в ФРГ более 16 лет. Он говорил своему руководству: «Заберите меня отсюда, а то я русский забуду!» Виктор Васильевич показал мне шикарный офис, вручил прекрасный набор подарков, подобранный с большим вкусом. Потом мы пошли обедать в аргентинский ресторан, там Виктор Васильевич рассказал об истории «Весотры», о поисках родственников Ленина в ФРГ. Он нашёл много информации о немецких и еврейских корнях Ленина и предложил эти материалы музею Ленина в Москве, но когда эта информация дошла до Суслова, тот сказал, что Ленина мы евреям не отдадим.

С начальником отдела «Весотры» мы поехали в посольство СССР в Бонн, посмотрели на него со стороны, потом посетили великолепный кёльнский собор — самый большой в Европе, позвонили по сотовому телефону в Москву и Дрезден. Для меня этот звонок был впервые в жизни, но я не подал виду. Мы увидели ДТП в городе с жертвами, поразила чёткая работа пожарных, они первыми прибыли на место и оказали медицинскую помощь. В ФРГ первую помощь оказывает та служба, которая раньше прибывает на место. Это может и полиция и пожарные, не только медики.

Во время выставки я познакомился с германо-советской фирмой «Техноунион» (учредитель «Лицензинторг») — генеральный директор В.Ф. Мешков, начальник отдела Белов. Мешков по поручению правительства СССР заключал контракты на полёты иностранных космонавтов совместно с нашими. Вместе с Соколовым А. А. мы проехали в центр Дюссельдорфа, провели деловую и неформальную встречу в ресторане, договорились о приезде «Техноуниона» в Горький. Мои деловые и товарищески контакты с «Лицензинторгом» и «Техноунионом» продолжались многие годы.

Также в этой поездке мне довелось познакомиться с переводчиком Михаилом Чириковым — правнуком известного писателя Чирикова Е.Н., эмигранта, друга Горького и однокашника Владимира Ульянова по Казанскому университету. После войны его бабушка и мать вернулись из эмиграции из Чехословакии по приглашению Е. Пешковой. Михаил служил офицером-переводчиком в ГДР, ему доводилось переводить Хонеккеры — лидеру ГДР.

Во время выставки была встреча с транснациональным концерном «Тиссен — Крупп». Перед встречей немцы собрали все данные о промышленности области, а у нас зампред облисполкома Зудилов В. В. только смог спросить: «Сколько у вас работающих?» Руководители концерна ответили, что это не главное, они работают по всему миру.

Встречался я с А. Торреном — генеральным директором фирмы «Мавег», это тоже было совместное предприятие ФРГ-СССР, до этого у меня были встречи с руководством этой фирмы в СССР. Сначала мы встретились на выставке, в частности посмотрели наш Дом моделей, Торрен сказал, что девушек нужно покварцевать, а мужчин подобрать повыше ростом. Он хорошо нас принял с Г. Коровиным в городе. Мы приобрели видеотехнику, а потом побывали в китайском ресторане, где я впервые познакомился с китайской кухней. Было воскресенье, Торрен был в синем блейзере, в будни он был в чёрном костюме. Объясняя это, он сказал: «Я встречаюсь с дамой!»

Памятна моя поездка в Дрезден. Я поехал поездом через всю Германию. Ехал в купе — оно одно в поезде, а как оказалось, немцы в целях экономии ездят вторым классом, где только сидячие места. В ресторане и буфете ничего не покупают, еду берут в дорогу с собой. Это мне объяснила фрау Кардинар, моя давняя знакомая ещё по времени службы в армии, к кому я приехал в гости, хотя они живут довольно-таки обеспеченно. Она встретила меня на вокзале на своей машине и довезла до дома в городке, где они живут — Штадт Велен 2. Здесь Кардинар возглавляла музей известного немецкого художника Роберта Штерля — друга Сергея Рахманинова, в музее у неё была квартира. Муж Йордан в это время работал в Австрии, заместителем генерального директора немецкой фирмы по производству электродвигателей. Городок на берегу Эльбы, это место называется из-за своей красоты Саксонской Швейцарией.

Вечером в гости к Кардинар из Берлина приехал её знакомый, бывший работник министерства культуры ГДР. Что интересно, ему стаж работы в министерстве ГДР не засчитывается — вот таков капитализм. Мы на парходике переплыли Эльбу и поужинали в очаровательном ресторанчике. Утром мы с фрау Кардинар поехали в Дрезден, где она помогла мне сделать покупки для моей семьи. Я купил билет уже во второй класс и тронулся в обратный путь. Моим спутником оказался солидный господин, который ехал в командировку в пра-

вительство ФРГ в Бонн, всю ночь мы с ним стучались головами о стену купе, так как подголовников не было. Утром я прибыл в Дюссельдорф, в свой отель, где несколько часов отсыпался.

Выставка заканчивалась, мы сворачивали оборудование. Когда нам подали автобус к отелю для переезда в аэропорт Франкфурта на Майне, то оказалось, что багаж с покупками в автобус уже не убирается, немцы подали грузовой прицеп, куда мы всё погрузили. Когда мы прилетели из СССР, мы умещались в одном автобусе. Шопинг! В аэропорту ансамбль «Волжские напевы» явились с купленными на доходы от концертов пианолами, электрогитарами и другими инструментами. Вот результат свободного предпринимательства. Замыкали посадку мы с Гуляевым А. А. — заместителем директора ГЗАСа, у него был макет магнитера. Немцы долго проверяли его — не мина ли? Вышла задержка из-за их бдительности, а наша делегация уже рвалась домой в социализм.

Вторая поездка областной делегации в Северный Рейн-Вестфалию.

Неудачный полёт

В 1997 году большая делегация Нижегородской области во главе с губернатором Складчиковым И. П. направилась в четырёхдневную поездку в Дюссельдорф, земля Северный Рейн-Вестфалия. Эта земля самая населённая из 16 земель ФРГ и экономически самая мощная, здесь производится 20% всего объёма промышленного производства страны. В 1991 году перед развалом союза я побывал в Дюссельдорфе с областной делегацией и выставкой 26 нижегородских предприятий, результатом поездки стало подписание в 1992 году договора о сотрудничестве между Нижегородской областью и землей Северный Рейн-Вестфалией. На следующий год в Нижнем Новгороде открылось представительство этой земли.

Чартерным рейсом Аэрофлота вылетела делегация руководителей областных предприятий и фирм в составе более 100 человек. Руководство области вылетело самолётом немецкой компании «Люфтганза». Прилетели мы на бывший военный аэродром Паддеборн, который находился недалеко от Дюссельдорфа. Это было предусмотрено для того, чтобы платить минимальную цену за стоянку самолёта. Вылетев из Нижнего Новгорода, мы почувствовали запах керосина в самолёте, но когда мы обратили внимание экипажа на это, они ответили, что всё выветрится во время полёта (?). Потом во время обратного вылета технические неполадки сыграли с нами злую шутку.

Но вернёмся к прилёту. Нас на автобусах из аэропорта привезли в Дюссельдорф — столицу земли Северный Рейн-Вестфалия, расположились мы в четырёхзвёздочном отеле в одноместных номерах. Выставка и конференции проводились рядом, в шаговой доступности, в Доме России, на выстав-

ке было организовано около тридцати стендов. В открытии Дней Нижегородской области в Северный Рейн-Вестфалия участвовали Министр-Президент земли Клемент, Посол РФ в ФРГ Терехов и губернатор Нижегородской области И.П. Скляр. В первый вечер я встретился с коллегами (мы все работали в Минэкономразвития РФ): заместителем Торгпреда РФ в ФРГ Шебеко и начальником отдела выставочно-ярмарочной деятельности Антоновичем, до этого мы вели контакты по телефону, во время пребывания в Дюссельдорфе они оказывали нам всяческое содействие. На открытии выставки было много немецких предпринимателей и журналистов, контактов было много как у промышленников, так и у учёных. Например, технический университет завязал контакты с техническим университетом Дрездена. Наш «Нижфарм» установил связи с крупной немецкой фирмой «Стада», с которой потом у них была и есть сейчас кооперация в производстве лекарств. Наши строители тоже провели переговоры с немецкими коллегами, контакты состоялись у Балахнинского бумкомбината. Отдельный стенд был у дзержинских химических предприятий, там всегда было много посетителей. Я встретился со своим старым знакомым — директором фирмы «Мавег» Александром Торреном, с этой фирмой мы познакомились ещё в 1990 году в России и организовали СП по производству медицинских диагностикумов.

Вечером немецкая сторона организовала приём в ресторане. На приёме было много народу, тесно и с закусками проблема, пришлось стоять в очередях. Один из директоров возмущался: «Что, мы приехали сюда в очереди за картошкой стоять?». Мой коллега — представитель внешнеэкономического объединения «Машиноэкспорт» Ананьев Виталий Сергеевич пригласил меня и моих друзей, которых я рекомендовал, в отдельный зал ресторана, и мы хорошо пообщались. Представитель ВО «Машиноэкспорт» находился в Торгпредстве в Кёльне, но по команде руководства из Москвы был направлен ко мне в сопровождение, он остановился в нашей гостинице, у него был автомобиль, и он сопровождал меня. На машине Ананьева В. С. мы вместе с моими коллегами В.В. Корневым — заместителем директора Ярмарочной страховой компании и Б.М. Титовым — директором института экономического развития области съездили в Кёльн, посетили самый большой собор в Европе. Я уже не первый раз видел Кёльнский собор, но каждый раз он поражает своим величием и стройностью. Через полгода В.С. Ананьев — представитель ВО «Машиноэкспорт» в ФРГ помог участнику нашей делегации Ежову Е.М. — директору завода «Эталон» приобрести по выгодной цене в ФРГ станок по производству печатных плат.

На второй день был приём ответный с нашей стороны, он был поразмашистей, по-русски. Здесь было свободней и мы чувствовали себя в своей тарелке,

напитки и закуски были в основном из Нижнего Новгорода. На следующий день появились представители внешнеэкономического объединения «Лицензинторг», с которым у меня были очень плотные отношения, я представлял их интересы в области. Приехали из Москвы: генеральный директор А.В. Земсков и финансовый директор В.К. Чугунов, а из Эссена приехал генеральный директор германо-российской фирмы «Техноунион» Алексеев Игорь Дмитриевич. Учредителями этой фирмы были от России ВО «Лицензинторг» и от ФРГ концерн «Ферро Шталь». Мы повстречались с рядом немецких и наших фирм, с администрацией области, был подписан ряд протоколов о намерениях. Предстояло возвращение домой. Руководство области вылетело назад самолётом авиакомпании «Люфтганза», а у нас приключения только начались.

Когда мы приехали на автобусах в аэропорт Паддеборн, где стоял наш нижегородский самолёт, то там нас ожидал сюрприз. Под нашим самолётом была огромная масляная лужа, немцы нас не выпускали. На заявление, что из Нижнего Новгорода нас выпустили, немцы отвечали, что за техническое состояние самолёта теперь отвечают они, а у них требования жёстче. Одновременно у нас кончился срок визы, так как она была на четыре дня. Ситуация пиковая, руководство области благополучно улетело, а мы остались у разбитого корыта. Организовалась оперативная группа из деятельных директоров, большую роль сыграла сотрудница Департамента внешнеэкономических связей области Катя Коваленко. Её отец был заместителем командира Нижегородского авиаотряда. Начали звонить в Нижний Новгород, в «Аэрофлот», в Посольство РФ в ФРГ, в МИД ФРГ. В результате принятых мер к нам приехали работники МИД ФРГ и продлили нам визы ещё на один день. Потом нас посадили в три автобуса и отвезли в отель, разместили на ночлег, а на следующее утро мы выехали во Франкфурт, откуда должны были вылететь рейсом «Аэрофлота». Ехать нужно было больше двухсот километров, после всех перипетий вид у многих был, как после неудачной охоты. Когда мы прилетели в Москву, а charterным рейсом мы должны были прилететь в Нижний Новгород, нас ждали присланные командиром авиаотряда Мошковым из Нижнего Новгорода автобусы со стюардессами. Все автобусы были обеспечены закусками и прохладительными напитками, но это было малой компенсацией за неудавшийся полёт. Более крепкие напитки приобрели сами пострадавшие. После этих приключений мы вернулись домой, а самолёт удалось вернуть из ФРГ только где-то через месяц. В администрации области губернатор провёл «разбор полётов» с руководством нашего авиаотряда.

*В.А. Зверев,
ученый-физик, член-корреспондент РАН*

УДИВЛЯЮ АДМИРАЛОВ

Новый научный институт необычайно трудно создать. Однако это даже не половина дела, а гораздо меньшая его часть. Основная трудность состоит в том, чтобы заставить созданный институт хорошо и с пользой работать. Мария Тихоновна Грехова, создав в Горьком в 1956 году Научно-исследовательский радиофизический институт (НИРФИ), была озабочена тем, чтобы обеспечить этот институт заказами, которые мы сможем выполнить, и деньгами, без которых нельзя работать. Ради этого она пригласила в институт видных военачальников адмиралов Мясичева и Генкина, чтобы показать им институт и попросить их поддержки в получении заказов.

В.А. Зверев

Адмиралы прибывали в Горький поездом из Москвы почти в 6 часов утра. Кому-то надо было встретить начальников ранним утром и препроводить в заказанную для них гостиницу. Это Мария Тихоновна поручила мне, так как только я единственный человек, кроме самой Марии Тихоновны, из всего института лично знал этих начальников, а они знали меня. С незнакомым им человеком адмиралы общаться не будут, и не надо даже пытаться это делать. Адмирал Генкин возглавлял тогда Главное Управление (Главк) Военно-Морского Флота СССР, которое ведало строительством и совершенствованием флота. В момент организации института на этой должности работал адмирал Мясичев, который помог организовать НИРФИ. Затем Мясичев перешел на более высокую должность в Кремль, а его место занял адмирал Генкин.

Поезд остановился, и адмиралы спустились на перрон. Я подошел к ним, поздоровался и попросил их пройти со мной в машину (в моем распоряжении был директорский автомобиль), чтобы ехать в гостиницу. Адмиралы в машину сели, а ехать в гостиницу наотрез отказались. Они сказали, что в поезде попили чаю, отдохнули, чувствуют себя хорошо, в гостинице им делать нечего. Они пожелали немедленно ехать в институт. Однако там адмиралов в столь ранний час (еще не было и семи утра) никто не ждал. Начать показывать адмиралам

институт по программе Марии Тихоновны я не мог, так как еще не было на месте никого из ответственных за прием сотрудинок.

Что мне было делать? Перечить адмиралам и вести их насильно в гостиницу было нельзя, везти их в институт тоже было нельзя, так как их там некому принимать, просить совета у Марии Тихоновны тоже нельзя. В то время еще не было мобильных телефонов, но из автомата можно было ей позвонить. Но нельзя же ее беспокоить в столь ранний час, да еще для решения задачи, которую решить нельзя!

Я принял самостоятельное решение. Решил привести адмиралов в институт, как они хотели, и показать им свою лабораторию. У меня было то, что им можно было показать. Прибыли в институт. Начальник караула был на месте, он знал о визите, и никаких проблем с проходом адмиралов в институт не возникло. Мы зашли в малосенький темный закуток в одной из комнат моего отдела. Я включил стоявший там прибор и стал показывать и объяснять адмиралам действие этого прибора моего собственного изобретения. Нигде в мире не было ни одного подобного прибора, и до сих пор ничего подобного нигде в мире нет. Для чего такой прибор нужен, адмиралы хорошо знали. Я многократно ездил в Москву к этим адмиралам и докладывал им результаты ряда успешных исследований в интересах их ведомства, выполненных с помощью приборов, производящих аналогичные операции, но только очень сложным путем и через длительное время ожидания результата. Этот прибор делал все сразу и тут же показывал полученный результат.

Этот прибор преобразовывал сигналы из одного вида в другой. Рядышком с прибором стояли два электронных осциллографа (так назывались тогда приборы, на которых высвечивались осциллограммы сигналов). На одном можно было наблюдать вид сигнала на входе прибора до его преобразования, а на втором осциллографе можно было видеть результат полученного преобразования. Прибор осуществлял так называемый спектральный анализ сигналов. Результат такого анализа белого света мы видим, любуясь радугой. В радиотехнике такой анализ выполняет радиоприемник, настраиваясь на выбранную радиостанцию. Радиоприемник или телевизор, настраиваясь поочередно на какую-либо станцию (канал), выполняют спектральный анализ, выделяя сигнал с определенной частотой колебаний. Это так называемый последовательный спектральный анализ, когда сигналы разных частот появляются последовательно: сначала сигнал одной частоты, а затем после изменения параметра прибора другой. Наблюдая радугой, мы видим все цвета одновременно, а не последовательно. Это параллельный спектральный анализ. Прибор, демонстрируемый адмиралам, осуществлял параллельный спектральный анализ электрических колебаний.

Вот я ввожу сигнал одной частоты. Его частота низкая, что, как я знаю, особенно интересует адмиралов, так как в то время еще не существовало в мире устройств, способных делать спектральный анализ на столь низких частотах, колебания которых можно наблюдать глазами. Глазом видно, как медленно формируется синусоида на одном из осциллографов. Этот сигнал подается на вход прибора. Другой осциллограф, стоящий рядом, подключен к выходу прибора. На этом осциллографе появляется светящаяся точка. Яркость этой точки показывает величину сигнала или амплитуду сигнала на входе. Это демонстрируется адмиралам. По мере увеличения или уменьшения амплитуды сигнала на входе яркость светящейся точки на выходе прибора изменяется. Яркость точки показывает амплитуду сигнала, а положение точки вдоль горизонтали показывает частоту сигнала. Положение точки вдоль вертикальной оси показывает номер канала, в котором производится спектральный анализ. Прибор многоканальный. Изменяю частоту входной синусоиды. Это видно на входном осциллографе. При этом на выходном осциллографе светящаяся точка перемещается вдоль горизонтали. Подаю одновременно две, три синусоиды. На входном осциллографе видна сложная картина интерференции этих сигналов. На выходном осциллографе появляется уже не одна светящаяся точка, а несколько светящихся точек. Это означает, что прибор осуществляет параллельный спектральный анализ, а не последовательный, как это получается в радиоприемнике или телевизоре. Подаю на вход синусоидальный сигнал, модулированный низкой частотой, и вижу на выходном осциллографе три светящихся точки, каждая из которых соответствует своей синусоиде. На выходном осциллографе наблюдается радуга, но радуга, образованная не световым сигналом, а электрическим колебанием.

Прибор позволяет производить спектральный анализ не только выделяя одновременно много частот, а многих сотен различных сигналов, в каждом из которых много частот. Раньше институт выпускал разработанные нами такие приборы, но в них для спектрального анализа надо было электрический сигнал превращать в оптическое изображение, а потом просвечивать его. Эти приборы адмиралы знали, видели их раньше у себя и даже были готовы использовать, мирясь со сложностями получения оптического изображения. В этом приборе ничего этого делать не надо. Он работал, как говорят, в реальном времени.

Действие прибора произвело на адмиралов исключительно большое впечатление. Они ничего такого увидеть не ожидали. Однако наибольшее впечатление на них произвел даже не сам результат работы, а вид внутренностей этого прибора. Я снял с прибора металлический кожух, и адмиралам открылась его внутренность. Описать их реакцию невозможно. Они привыкли видеть внутренности приборов в виде нагромождения проводов и деталей, тесно

скрученных и спрятанных под кожухом. Наш прибор был внутри абсолютно пустой. Под кожухом была полная пустота. Это было ясно видно, а сам прибор продолжал при этом работать и без кожуха как ни в чем не бывало. Внутри прибора не было ни проводов, ни деталей, так как в нем работала не обычная электронная схема, а оптика. Почти как в радуге. Там ведь тоже никаких проводов нет, а все пусто.

Надо было видеть изумление адмиралов, когда прибор работал, и даже сверхизумление, когда обнаружилось, что внутри его кожуха ничего нет!

Эта работа не была предназначена для этих адмиралов. Посещение нашей лаборатории для них даже не планировалось. Моя роль в этом визите состояла лишь в том, чтобы встретить адмиралов и поселить их в гостиницу. Прибор, который я показывал, имел совсем иное назначение. Он был создан для обработки радиолокационных сигналов, позволяя определять скорость движения самолета и получать при этом еще и выигрыш в отношении сигнала к шуму. Прибор был изготовлен по просьбе и по заказу нашего Горьковского КБ, разрабатывающего и выпускающего радиолокационные станции.

В результате визита адмиралов мы получили колоссальной величины заказ. Оказалось, что радиолокацией эти адмиралы интересуются не меньше, чем акустикой. У меня появились связи с институтом, занимающим в Москве территорию нескольких кварталов, о существовании которого я и не подозревал. С тех пор мои маршруты в Москве стали постоянно включать посещение этого института. Я читал там лекции для сотрудников на основе своих книг.

В то время задачи, эффективно решаемые нашими приборами, встречались во многих областях. Мы работали с нашим автозаводом на предмет уменьшения шумности выпускаемых автомобилей. Работали с большим успехом. Разработанный нами прибор был внедрен для контроля уровней шумности задних мостов автомобилей, а для контроля шумности коробок перемены передач разработанный нами прибор внедрен не был, хотя успешно работал. Причиной была плохая техническая оснащенность завода того времени. Оказалось, что если внедрить наш прибор и внести его показания в чертежи, то все изготавливаемые коробки перемены передач пойдут в брак что, естественно, было неприемлемо.

Работали и с врачами на предмет диагностики заболеваний сердца, и тоже весьма успешно. Продолжение этой работы еще многое сулило, но его не последовало: работа перешла в наш медицинский отдел, но была остановлена его руководством. Мой же отдел тогда был занят решением срочных задач для тех адмиралов, о которых шла речь выше. А у нашего медицинского отдела в то время тоже было много важнейших работ, связанных с космической медициной. И они тоже были начаты с помощью тех же приборов.

Наталья Адрианова

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ЖИЗНЬ МОЯ ЛЕГКОКРЫЛАЯ!»

В 1976 году (если не ошибаюсь) нашему городу несказанно повезло: на гастроли приезжал Ленинградский БДТ. Такого праздника ждали долго! Ходили разговоры, что должен приехать этот театр, но казалось, что это только несбыточная мечта. И вот!.. Предвкушая счастливые встречи со спектаклями любимого театра, я отложила все отпускные поездки куда бы то ни было, чтобы посвятить все вечера театру Георгия Александровича Товстоногова. Тогда я работала в нашем театре фотографом. Нас всех сразу предупредили, что за кулисы даже работников театра пускать не будут. Таково решение руководства БДТ. Это не входило в мои планы, потому что мне хотелось посмотреть не только спектакли, но и прогоны. Дело в том, что каждый театр, приезжая на гастроли в другой город, знакомится с театром, новой площадкой, на которой будут работать актёры. Они осваиваются со сценой, акустикой. Для этого делают прогоны небольших фрагментов спектаклей. Ещё прогоны делают перед премьерным спектаклем, но это другой случай.

Я мечтала увидеть самого Георгия Александровича Товстоногова. Главное, мне было интересно, как он общается со своими актёрами. И вдруг — такая удручающая новость!.. Но если я что-то задумала, меня не остановить... Я придумала свой план. За пару дней до приезда театра, когда ещё можно было воспользоваться нашей служебной проходной, я прошла на галёрку, открыла задвижку на окне, которое выходило на внешний балкон (не повторять! опасно для жизни!). Путь на галёрку был открыт. Потом вышла через нашу проходную, посмотрела план работы труппы, узнала, когда будет первый прогон на сцене. В день перед прогоном я по наружной пожарной лестнице со стороны гостиницы «Москва» (чтобы не видели работники театра) поднялась на балкон и через окно благополучно очутилась на галёрке. На сцене уже собирались актёры. Я с замиранием сердца приготовилась внимать всему происходящему. Услышала неподражаемый голос Георгия Александровича Товстоногова! Он делал некоторые замечания актёрам. Вдруг у меня стукнуло сиденье кресла, когда я пересаживалась поближе. Товстоногов резко обернулся и так громко крикнул, что у меня душа в пятки ушла:

— Кто в зале?! Я же сказал, чтобы никого не было! Выйдите немедленно!

Я сидела ни жива, ни мертва. Мне казалось, что сейчас сюда поднимется кто-нибудь и вытащит меня за шиворот, и мечта моя сгорит ярким пламенем... Актёры осмотрели зал со сцены и убедили Товстоногова, что никого нет, и действительно в зале никого не было. Прогон продолжился. Очень понравилась

Г.А. Товстоногову акустика в нашем зале. Привожу дословно его обращение к актёрам:

— Не орите так громко! Тут акустика прекрасная! Это вам не БДТ.

Гордость за наш театр охватила меня: если уж Товстоногов в этом сравнил наш театр не в пользу своего, значит, это того стоит! Больше всего мне запомнилась чёткость в работе с актёрами, мгновенное понимание актёрами требований своего режиссёра. Всё существовало едино, гармонично. Прогон закончился. Надо уходить. Дождалась, когда сцена опустела, и тем же путём спустилась по наружной пожарной лестнице. Странно, что никто на меня даже внимания не обратил, когда спускалась. Вот таким способом я побывала на прогоне БДТ. Конечно, я ходила в театр каждый вечер через центральный вход, где меня без проблем пропускали наши билетёры, хотя зрителей было столько, что стоять негде было. Ежевечерне я смотрела все спектакли БДТ, не пропуская ни одного, потому что насмотреться на эти спектакли было невозможно! Я знала все мизансцены, ждала их, и всё равно сытости не было. С удовольствием пообщалась с некоторыми актёрами уже после спектаклей около служебной проходной под окнами нашего дома. БДТ в тот год гастролировал на двух площадках — ещё и в оперном театре. Это был праздник!

А.М. Цирульников**ПАЛЕЕС, ПРОЖИВШИЙ ПУШКИНЫМ**

Мы познакомились в далекие пятидесятые годы. Я был студентом историко-филологического факультета университета, писал стихи, печатался в горьковских газетах, а он, несмотря на молодость, уже имел в Горьком громкое актерское имя. На него в ТЮЗ ходили. Не помню, как это вышло, но мы сразу же стали на «ты». И сохранили такое общение до седых волос.

Совсем недавно я ехал в семеновской электричке в Рекшино, в сад. И сидевшая рядом со мной молодая миловидная женщина вдруг заговорила со мной об Александре Романовиче Палеесе.

А.Р. Палеес

– Расскажите о нем, вы же его хорошо знали, я видела его у вас в телепередачах. Это же такой талантливый артист и замечательный человек! Я помню его еще в роли молодого Пушкина в спектакле по пьесе Балашова «Когда в садах лица», а потом Зайчика в «Городе на заре» Арбузова, да разве все перечислишь...

Сама природа подарила актеру Нижегородского ТЮЗа, народному артисту России Александру Палеесу поразительное сходство с великим поэтом. Я тоже помню его юного Пушкина в пьесе «В садах лица», а потом, взрослея вместе со своим героем, он играл его в театральных спектаклях и в кинофильмах будучи уже зрелым человеком и в том самом последнем возрасте, в котором его застигла дуэль... У меня в памяти сохранился образ Пушкина, созданный Палеесом в середине 70-х годов прошлого века в тюзовском спектакле по пьесе моего друга и коллеги по телевидению Аркадия Хазанова «Бал». Это было последнее сценическое общение Александра Романовича с Александром Сергеевичем накануне поединка Пушкина с Дантесом.

Помнится, Саша рассказывал мне, что кинорежиссер Яков Сегель после того, как запечатлел его в эпизодической роли Пушкина в фильме «Разбудите Мухина!», собирался снимать его в новом большом фильме о великом поэте. Но что-то этому замыслу помешало...

Особые теплые отношения сложились у Александра Романовича с жителями Большого Болдина. Пушкин для них и историческая личность, и живой человек, с которым в селе многое связано и, незримое присутствие которого здесь невольно ощущаешь.

Актер рассказывал мне, как однажды во время съемок телефильма «И снова осень...» по сценарию Аркадия Хазанова в сентябрьский день с накрапывающим дождиком, отработав свой эпизод в Лучиннике, скакал верхом на коне в Болдино в пушкинском гриме и одеянии: предстояла съемка в парке. И на окраине села какая-то старушка, только что вышедшая из дому вытряхнуть половики, глянула на него, обомлела и с криком «Барин воскрес!» бросилась назад к дверям.

Я сам видел, как ходил Палеес Пушкиным по селу после тюзовского спектакля «Сказки Пушкина» и как люди смотрели на него с благоговением. Все понимали, что это артист, и все-таки чувствовали в душе что-то сокровенное при этой встрече. А три или четыре молодые женщины, завидев у меня в руках фотоаппарат, попросили: «Чай, с барином-то сфотографируйте!»

Они до сих пор называют Пушкина «барином», «молодым барином», причем просто называют, обыденно, между делом, не вкладывая в эти слова социального смысла. Так повелось много лет. Есть же в селе директор совхоза, глава местной власти, завклубом, а Пушкин — барин, работа, должность такая...

Пушкин для Палееса был всем. Случилось так, что в августе-сентябре 1990 года мы встретились в Зеленом городе в санатории имени ВЦСПС. И вместе бродили по окрестным перелескам.

– Ты посмотри, — говорил мне Саша, — как вся русская природа пронизана пушкинской поэзией. Где Большое Болдино, а где Зеленый город, а кажется, что увиденное им там осеннее «очей очарованье» переселилось сюда. Сейчас границы открыты, и многие друзья и знакомые уезжают на жительство в другие страны. Знаешь, я бы не мог уехать, потому что там нет Пушкина...

Мы оба были детьми войны, нам было, о чем вспомнить. Он тоже пережил эвакуацию из-под Минска с пионерским лагерем, без папы и мамы. Пешком и на перекладных добрались до Саратова... Папа уже 22 июня был на фронте. А мама накануне навестила его в «родительский» день — в субботу 21 июня и уехала в Минск. Больше они не виделись. Старшая сестра-комсомолка в оккупированном Минске наладила связь с партизанами, но кто-то выдал ее. Немцы схватили ее и маму, отправили в гетто, где и расстреляли. С нами по Зеленому городу гулял еще третий пациент санатория имени ВЦСПС — Евгений Семенович Дли, руководитель спортивного общества «Локомотив» Горьковской железной дороги. Мы тогда ничего не знали о нем и воспринимали как спортивного деятеля. Уже почти через десять лет я узнал, что у Жени была своя война, в которую он вступил в 17 лет, проживая в Германии. И до 1945 года был нашим военным разведчиком. О нем у меня есть отдельная глава «Две жизни Евгения Дли»...

ТЮЗ того времени был удивительным театром для детей. И его актеры, несмотря на любой возраст, были только что выросшими детьми. Они играли на сцене в полном смысле этого слова, подбадриваемые главными режиссерами разных лет — Виктором Витальевым и Борисом Наравцевичем. И Палеес задавал тон в этом ритме жизни, которая продолжалась и после спектакля.

Я был очевидцем такого эпизода. Кажется, осенью 1970 в Горький приезжал глава советского правительства А.Н. Косыгин. Он посетил автозавод, другие предприятия и организации, а вечером после совещания в обкоме КПСС по предложению первого секретаря обкома Н.И. Масленникова в сопровождении областного начальства совершил пешую прогулку по площади Минина и Пожарского и улице Свердлова (теперь Большая Покровская) до правительственной резиденции на улице Якова Воробьева (теперь Малая Покровская). А в это время в старом здании ТЮЗа на улице Грузинской закончился спектакль, и актеры заспешили на Свердловку в кафе «Дружба», теперь ему возвращено старое имя «Эрмитаж». И, что называется нос к носу, столкнулись с медленно идущей навстречу руководящей группировкой. Николай Иванович Масленников, который знакомил председателя Совета Министров СССР с достопримечательностями старинной улицы, не меняя тональности, словно эта встреча была заранее предусмотрена, сообщил: «А это актеры нашего ТЮЗа, у них только что закончился спектакль. И среди них народный артист РСФСР Александр Романович Палеес, он Пушкина играет, и, видите, похож на Пушкина». Косыгин улыбнулся и на ходу пожелал артистам творческих успехов.

Палеес вслед уходящим откликнулся:

— Спасибо! И вам всего доброго Алексей...

Тут возникла пауза: актер забыл отчество премьера.

Косыгин оглянулся: — Николаевич.

— Николаевич! — прокричал Палеес.

И обращаясь к коллегам под общий смех произнес: «Вот какой у меня сегодня суфлер...»

Александр Романович умер в ночь на 1 сентября 2003 года от вдруг возникшего обширного инфаркта. Болезнь нагрянула к нему в сельский дом под Тарасихой в Семеновском районе. Несколько часов ушло на телефонные переговоры со скорой помощью, которой для приезда почему-то требовалось подтверждение о недуге местного участкового врача, а того в воскресный день как назло на месте не было. Короче, зря было потеряно много времени. А когда актера все-таки привезли в нижегородскую Первую Градскую больницу и, казалось, эскулапам удалось несколько выправить и стабилизировать состояние больного, сердце его внезапно остановилось... Сын его Максим, рассказал, что когда отца везли в Нижний Новгород в машине скорой помощи, он вдруг

сел на носилках, на которых до этого лежал, и попросил сигарету: «Давай покурим на прощание!..» Отказать ему в этом не было никакой возможности: курильщиком он всегда был заядлым. А когда в больнице на каталке его увезли в реанимацию, то приподнялся на локте левой руки и помахал правой. Это был присущий ему жест. Он всегда здоровался и прощался, поднимая вверх правую ладонь перед рукопожатием...

До последней минуты он оставался актером. Ему не раз приходилось играть умирающих на сцене героев пьес, теперь он играл со смертью, которая угрожала ему самому...

Буквально за две недели до кончины Палееса мы говорили с Юрием Беспаловым о том, что нужно что-то придумать для Саши на телевидении. После трагической гибели в ноябре 2001 года в автокатастрофе жены Нели он замкнулся в горе, часто болел. Созвучной его настроению оказалось роль Фирса в новой постановке чеховского «Вишневого сада» в ТЮЗе. Она не лечила, а усугубляла хворобу внутренне ощущаемого им одиночества. Юрий рассказал, что предложил Александру вернуть к жизни старую цикловую телевизионную игру-сказку «У Микешки ровно в семь», в которой Саша когда-то играл доброго умного и хитрого старого деда, сейчас он бы мог изображать его, лишь приклеив усы и бороду. Палеес был рад этому предложению и только повторял: «Неужели это возможно!?!» Примерно через неделю после нашего с Юрием разговора по телевидению повторяли в записи беседу Валентины Ереминой с Палеесом. Я эту передачу раньше не видел и смотрел ее с большим интересом. Это был очень искренний разговор давнишних друзей, понимавших друг друга с полуслова. И, в основном, речь шла о том, как много значил для Палееса с первых дней актерской жизни Александр Сергеевич Пушкин. Актер сетовал, что ему не довелось играть Пушкина пожилым и старым человеком, потому что жизнь не отпустила поэту поздних лет.

И вот когда я смотрел эту передачу, слушал разговор Валентины с Сашей, у меня вдруг возникла идея телевизионной программы, которая бы могла стать для Палееса просто-таки животворной и, как теперь принято говорить, знаковой. Ее суть в том, что Пушкин не погиб на дуэли, он дожил до-, как говорил болдинский старожил Иван Васильевич Киреев, «старых лет» и стариком приехал в Болдино и поселился, как в 1834 году, в вотчиной конторе. Уже нет в живых Наталии Николаевны, где-то далеко два сына и две дочери. Пушкин сед и одинок в забытом богом Болдине. Он вспоминает тут времена молодости, ту благословенную осень 1830 года, которую он хотел повторить в 1833 и 1834 годах... Он говорит словами своих стихов и прозы, цитирует старые письма к жене и друзьям. Вспоминает дуэль, после которой чудом выжил, чи-

тает по памяти стихи Лермонтова, ему посвященные, и жалеет о гибели Михаила Юрьевича от пули Мартынова...

Для Палееса эта фантазмагория могла быть стать итогом всей жизни, подтверждением его мироощущения, наполненного служению Пушкину. И он пришел бы к нам на телеэкран без грима с сединой в поредевших курчавых волосах, со своими морщинами на лице, с весьма заметной возрастной полнотой, какая бывает у людей невысокого роста, когда им за шестьдесят или за семьдесят.

Я тут же позвонил Палеесу домой. Но его телефон не отвечал. Потом меня закрутили обычные дела. И я вспомнил, что не поделился своей идеей с Сашей в воскресенье 31 августа. Стал звонить к нему. На этот раз телефон ответил, и мне показалось, что я услышал в трубке Сашин голос. Но, оказалось, это был его сын Максим: «Отца нет дома, он сейчас в деревне, а будет сегодня вечером. Я еду за ним. Позвоните ему, когда вернется...» Часы показывали одиннадцать дня. Вечером я снова позвонил, но телефон Палееса молчал. У него дома никого не было. Моя идея умирала вместе с ним...

В.Г. Чирикова

ГОЛУБЬ С ВОЛЖСКИХ БЕРЕГОВ

Скрещение судеб Ф.И. Шаляпина и Е.Н. Чирикова

Ф.И. Шаляпин

Шаляпина нельзя забыть! Я из тех, кому посчастливилось видеть и слышать Федора Ивановича Шаляпина. Через восемьдесят пять лет образ этого выдающегося человека жив перед моим взором.

Встреча с певцом в столице Чехословакии была после смерти моего деда, писателя Евгения Николаевича Чирикова, он скончался в Праге 18 января 1932 года. После похорон мама оставила меня четырехлетнюю с бабушкой Валентиной Георгиевной Чириковой, чтобы ей было не так одиноко, а сама уехала к мужу в Любляну.

В прекрасный весенний день бабушка нарядила меня, и мы поехали на трамвае в центр города на концерт, слушать Федора Шаляпина. Тогда я не понимала всей значимости этого события. А для

бабушки предстоящая встреча значила гораздо больше, чем концерт. Она очень волновалась и с трепетом ждала этого момента, ведь они не виделись с Федором Ивановичем более пятнадцати лет!

Федора Ивановича Шаляпина и Евгения Николаевича Чирикова долгие годы связывала крепкая дружба. Впервые писатель увидел будущего артиста не на сцене, а в колыбели. В семье пристава Николая Андреевича Чирикова в начале 1873 года в селе Ключи под Казанью родился пятый ребенок, сын Модест. Кормилицей пригласили Евдокию Михайловну Шаляпину, она только что приехала из Казани с новорожденным сыном Федором. Три месяца с февраля по апрель Евдокия Михайловна жила с маленьким Федей в доме Чириковых. Жене Чирикову было тогда восемь лет.

Через двадцать три года Евгений Чириков, уже известный писатель, увидел Федора Шаляпина на сцене. В 1896 году певец приехал на гастроли в Минск. Там в то время жила семья Чириковых — Евгений Николаевич с женой Валентиной Георгиевной, двумя маленькими дочками и тещей.

Восьмого марта 1896 в зале Минского общественного собрания с большим успехом выступил Шаляпин. Скорее всего, в этот день состоялась его встреча с моим дедом.

Минск был небольшим городком, и события культурной жизни, конечно, собирали всю творческую интеллигенцию. Чириковы были в этой среде. Валентина Георгиевна выступала в любительских спектаклях, на сцене Городского театра сыграла Лелю в пьесе Л. Н. Антропова «Блуждающие огни».

Евгений Николаевич занимался организацией Минского общества любителей изящных искусств, на открытии его Народного театра сыграл приказчика Митю в пьесе Н. А. Островского «Бедность не порок».

Точно известно, что летом того же года Чириков и Шаляпин встретились в Нижнем Новгороде, где Федор Иванович партией Ивана Сусанина в опере М. И. Глинки «Жизнь за царя» открывал первый сезон в Новом городском театре на Большой Покровской улице (ныне Нижегородский академический театр драмы им. А. М. Горького). Евгений Николаевич Чириков жил и работал тогда в Нижнем, для редакции газеты «Нижегородский листок» освещал гастроли Московского Малого театра.

В нашей семье сохранился рассказ-шутка Евгения Чирикова о том, как в 1901 году он ехал по делам службы из Петербурга в Москву и в поезде встретился с Шаляпиным. Они обменялись своими московскими адресами. Прочтя записки, оба расхохотались: у одного была написана улица Протёка, у другого — Самогёка.

В ноябре 1901 года Шаляпина пригласили на заседание московского литературно-художественного кружка «Среда» Николая Дмитриевича Телешова. У Телешова встречались по средам писатели демократических взглядов — Максим Горький, братья Бунины, Скиталец, Евгений Чириков, Леонид Андреев и многие другие. Шаляпин со своим открытым и общительным характером легко и быстро вошел в их компанию. Каждый в кружке имел прозвище по одному из мест Москвы. Николай Телешов вспоминал: «Горький за своих босяков и героев «Дна» получил адрес знаменитой московской площади «Хитровка», покрытой ночлежками и притонами, Иван Бунин, отчасти за худобу, отчасти за остроловие, от которого иным приходилось солоно, назывался «Живодерка», Чириков за высокий лоб — «Лобное место», Шаляпин был «Разгуляй».

Шестого сентября 1902 года Горький в присутствии Шаляпина и Чирикова читал на заседании «Среды» свою новую пьесу «На дне». Дискуссии участников «Среды» переходили в обильные ужины, нередко заканчивались совместным фотографированием на Чистопрудном бульваре в ателье Фишера. Фотография «Среды» 1902 года с Л. Андреевым, Ф. Шаляпиным, И. Буниным, Н. Телешовым, Е. Чириковым, С. Скитальцем и М. Горьким была издана в виде почтовой открытки и разошлась по всей России.

Существует более десяти вариантов групповых фотографий «Среды». Одна из них в советское время была опубликована в первом издании книги Н. Д. Телешова «Записки писателя». Все члены кружка присутствуют на ней и указаны в подписи к фотографии, но на самой фотографии Е.Н. Чирикова нет. Цензоры потребовали заретушировать фигуру запрещенного тогда писателя-эмигранта. Во втором издании книги, уже во времена Хрущевской оттепели, изображение Чирикова вернули на прежнее место к Горькому и Шаляпину. Кстати, тогда в 60-е годы, в Советском Союзе начали издавать и его произведения.

На Моховых горах 1902 г.
Фото Янины Берсон Архив ЦГАЛИ

К бенефису Шаляпина третьего декабря 1902 года Е.Н. Чириков сочинил проникновенный текст для поздравительного адреса от группы русских писателей: «Мы смотрим на тебя как на глашатая о силе духа русского народа, как на человека, который, опередив сотни талантов будущего, пришел

Пешиковы, Шаляпин и Чириков на Моховых горах

к нам укрепить нашу веру в душу нашего народа, полную творческих сил». Вместе с Чириковым адрес подписали И. Бунин, М. Горький, Л. Андреев, Скиталец, Н. Телешов, А. Алексин, К. Пятницкий и С. Скирмунт.

Шаляпин интересовался литературными и театральными новинками и радовался успехам своих друзей-литераторов. Второго ноября 1902 года Федор Иванович с Горьким, Чириковым, Чеховым и Скитальцем идет во МХАТ на пьесу Горького «Мещане». Сидят все вместе в ложе.

Особенно радостными были встречи Горького, Шаляпина и Чирикова на нижегородской земле в летние месяцы 1902-1903 годов, когда Федор Иванович приезжал на гастроли. Чириковы жили в доме семнадцать по улице Телячьей. Дом и теперь стоит, украшен памятной доской, объект культурного наследия.

Пешковы жили в доме Киришаума на улице Мартыновской (сейчас в доме музей-квартира А.М.Горького).

Здесь под зеленым абажуром в большой гостиной 17 августа 1903 года Евгений Чириков читал Горькому и Шаляпину только что написанную им пьесу «Еврей».

Горький и Шаляпин стали её первыми рецензентами. Пьеса им понравилась. Вскоре Горький написал Пятницкому: «А теперь — возрадуйтесь и веселитесь: Евгений Чириков написал пьесу «Еврей». Я вам скажу вот что: первый раз в русской литературе является произведение, так славно, метко, верно изображающее отношение к евреям... И все это сделано хорошо, очень хорошо!.. Пьеса заканчивается трагической картиной погрома, но и без этого она едва ли прошла бы в России сквозь общую цензуру... Пьеса произведет огромный шум — это необходимо, это будет...»

Горький оказался прав. Запрещенная цензурой в России пьеса Чирикова «Еврей» триумфально прошла в театрах Берлина, Лондона, Нью-Йорка, и лишь после этого была разрешена к постановке в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, Казани, везде имела огромный успех и общественный резонанс.

В съемной квартире Горького Шаляпин иногда останавливался с женой, балериной Иолой Торнаги. Молодые познакомились в Нижнем Новгороде в 1896 году во время постановки оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» на сцене нового Городского театра. В 1898 году они обвенчались. У Горького для Федора и Иолы всегда была приготовлена комната. 1902 и 1903 годы были счастливыми в жизни семьи Шаляпиных. А в 1903 году они потеряли любимого первенца, четырехлетнего Игоря. Федор Иванович был на грани самоубийства. Горький и Чириков стали свидетелями и огромного семейного счастья своего друга, и огромного его горя. Но человеческой душе свойственно залечивать раны и спасаться радостными воспоминаниями. А таких у Шаляпина в Нижнем было немало. Вспомним лишь те, что связаны с Чириковым и Горьким.

Во время гастролей 1902-1903 годов Шаляпин более двадцати раз выступал в Ярмарочном театре, — давал концерты и исполнял ведущие партии в двенадцати операх. Несмотря на такую занятость Федора, друзья находили время встречаться то на квартире Горького, то в доме Чириковых, или вместе гуляли по городу. Праздником души были для них речные поездки на Моховые горы, где их радушно принимал на своей даче архитектор П.П. Малиновский.

На шуточных снимках Янины Осиповны Берсон веселые, по-мальчишески бесшабашные друзья.

Во многие издания о Горьком и Шаляпине вошла фотография, сделанная на Моховых горах: на веранде стоят Горький с шестом, его супруга Екатерина Павловна Пешкова, Шаляпин с маленькой Катюшей Пешковой на руках и Чириков с рюмочкой. Все дышит атмосферой покоя, счастья и душевного уюта.

В нашем семейном архиве сохранилась шуточная фотография Янины Берсон на даче Малиновского.

«Расправа над социалистом Его Величества»

Снимок имеет свою забавную историю. На нем на ступеньках веранды лежит «жертва» — Евгений Чириков. Слева в него тычет вилкой и ножом Максим Горький. Справа Федор Шаляпин делает вид, что отпиливает Чирикову голову. Евгений Николаевич назвал этот снимок «Расправа над социалистом его Величества». Комизм ситуации

состоял в том, что дважды сидевший в тюрьме за антиправительственную деятельность «поднадзорный государственный преступник» Чириков в 1895 году неожиданно для себя был награжден орденом Святого Станислава III степени. Так высоко оценил заслуги Евгения Николаевича его бывший начальник Григорович. Чириков грамотно и эффективно вел у него деловую переписку, за что был представлен к награде. Горький и Шаляпин решили «проучить» друга.

14 декабря 1903 года в Нижнем Новгороде был торжественно открыт Народный дом. Здание строилось по проекту архитектора П. П. Малиновского во многом на средства пайщиков, привлеченных Максимом Горьким. Среди них был Евгений Николаевич Чириков. Федор Иванович Шаляпин дал в пользу строительства три благотворительных концерта. Сотрудничество творческой интеллигенции города не закончилось с открытием первого культурно-

го центра для бедноты. Для создания театральной труппы Народного дома Горький пригласил режиссером артиста Московского художественного театра А.А. Тихомирова, а художественным руководителем Е.Н. Чирикова, ему поручили составить репертуар театра. Театральная труппа состояла в основном из актеров-любителей.

На фотографии «Горький и участники театральной труппы при Народном доме» мы видим в центре за столиком А.М. Горького, второй слева стоит П.П. Малиновский, третий — А.А. Тихомиров. Второй справа стоит Е.Н. Чириков. Первая справа — А.К. Малиновская. Сидят: первая справа В. Г. Чирикова, вторая справа — Е.П. Пешкова.

Валентина Георгиевна Чирикова училась в то время на театральном отделении Московской филармонии. На сцене Народного дома она сыграла Лизу в пьесе Грибоедова «Горе от ума». Завершив учебу, Валентина Георгиевна стала профессиональной актрисой и выступала в петербургских и московских театрах под псевдонимом Йолшина.

В 1904 году Чириковы переезжают из Нижнего в Москву, затем в Петербург. Но душа писателя-волгара постоянно тянется к любимой реке. Он мечтает построить на Волге дачу, подыскивает для неё живописное место в Кстовском

«Горький и участники театральной труппы при Народном доме», 1903 г.

Шаляпин в Ратухино

уезде и начинает строиться. Денег не хватает, и Чириков просит займы у друга Федора, на что вскоре получает от певца следующий ответ:

«Милдруг Евгений! Подожди, голубенок, числа до 8-го июля, пришло непременно, ибо очень сочувствую тебе, что ты строишь дачу. Прислал бы сейчас же, да только третьего дня при завершении купчей отдал 15

000 рублей моему приятелю художнику Коровину за проданную им мне землю в количестве 50 десятин лесишку в Владимирской губ. — Сам я, брат, тоже строиться начну в начале июля. — Приятно, черт возьми, в речке покупавшись, рыбку половить. Место у меня красоты непомерной, в будущем мае приезжай на новоселье. [...] Целую тебя во что ни попало, а жене и прочим великим и малым домочадцам кланяюсь. Твой, тебя любящий Федор Шаляпин. 26 июля 1904 года».

В 1904 году Шаляпин выстроил бревенчатую дачу в деревне Ратухино, одноэтажную, длинную, с необыкновенным крыльцом в стиле русского модерна. Здесь Федор Иванович отдыхал в 1904 — 1915 годы.

Чириков достроил свою дачу в 1905 году. Удивительно, что оба дома были очень похожи — бревенчатые, в старорусском стиле, с большими верандами, предназначались для больших семейств. Дети к тому времени подрастали и у Е.Н. Чирикова и у Ф.И. Шаляпина.

Оба так любили проводить лето с семьями на своих дачах, что в гостях друг у друга, увы, они так и не побывали.

Вторая попытка иметь дачи рядом была предпринята Чириковым в 1916 году. В августе Евгений Николаевич Чириков с супругой по пути в Нижний посетили Плёс. Там в своем имении Утешное их ждала семья Щулепниковых, дружившая с Шаляпиным и продавшая Федору Ивановичу в свое время землю под дачу. Зная это, Евгений Николаевич намеревался обсудить покупку земли рядом с дачей певца.

Чириковы вошли в дом Щулепниковых. Там впервые Шаляпин со своим другом художником Н. А. Клодтом появился 23 июля 1910 года, — искал место под дачу. В это время Щулепниковы, старинный, но уже небогатый дворянский род, продавали рядом со своим имением Утешное пустошь Хмельницы. Фёдор Иванович отправился туда. Сергей Александрович Щулепников вспоми-

нал: «... как-то после обеда мы пошли играть в крокет. Не успели мы закончить первую партию, как на площадку пришел отец и сказал, что на лодке из Плёса приехал Шаляпин с каким-то неизвестным человеком. Мы сейчас же пошли на террасу, где увидели Фёдора Ивановича. На нём был тёплый охотничий пиджак, короткие брюки, шерстяные чулки и простые башмаки. Началась оживлённая беседа, и Фёдор Иванович простотой своего общения сразу очаровал всех. Так как на террасе было свежо, мы перешли в столовую, где уже кипел самовар. За чаем Фёдор Иванович рассказал о недавно закончившихся гастролях в Монте-Карло. Говорил он замечательно живо, образно: лица, которых он называл, вставали перед нами, как живые. После чая все перешли в гостиную... Внезапно Шаляпин встал, взял лежавший на диване тёплый платок, закутался в него — и вот перед нами глуповатая баба. Она становится на колени, кладёт поклоны, крестится и шепчет: «Мати Казанская, мати Астраханская...». Вот она замечает на полу двугривенный, жадно хватает его и попадает пальцем в плевок: «Тьфу, прости господи, плюнули окаянные в храме божьем, мати Казанская, мати Астраханская...» И опять пошли кресты и поклоны. Невозможно было удержаться от смеха... Но не прошло и нескольких минут, как перед нами предстали в образе Шаляпина два спорщика: один студент, доказывающий дьякону, что человек произошел от обезьяны, и второй дьякон, называющий студента богохульником. И всё это в одном лице Фёдора Ивановича. Способность его перевоплощаться из одного образа в другой была изумительной». В этот приезд и было принято решение о покупке у Щулепниковых пустоши Хмельницы. Фёдор Иванович мечтал построить здесь дом «в стиле терема князя Игоря или Ларинской усадьбы».

Второй раз в Утешное Ф.И. Шаляпин приезжал в двадцатых числах августа. Красивые места и душевный приём новых знакомых запомнились Фёдору Ивановичу. Он пригласил Щулепниковых на свой концерт в Нижний Новгород. Приглашение с радостью было принято.

Дача Шаляпина в Плесе

Приглашение с радостью было принято.

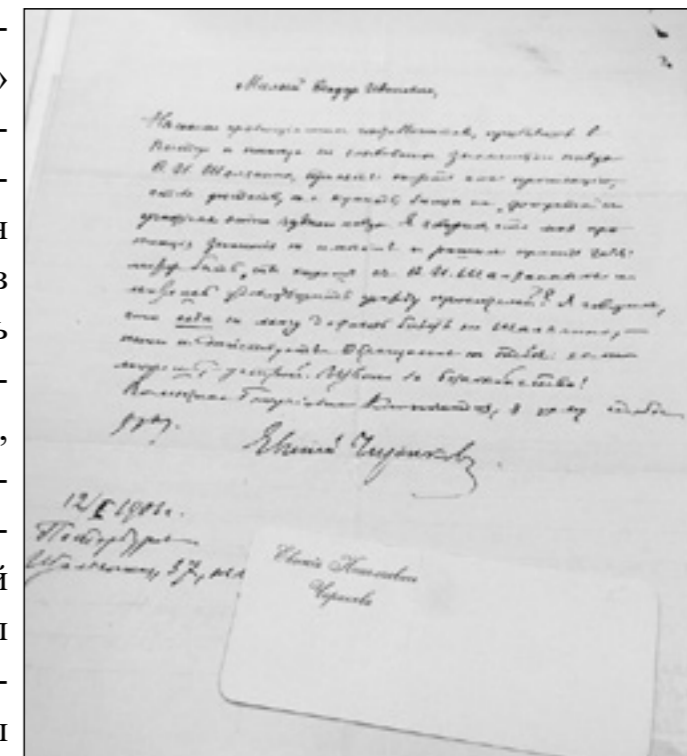
В январе 1912 года Фёдор Иванович строил планы нового посещения Плёса. Ему предстояла работа над ролью Бориса Годунова, поездка в Углич, и он пишет дочери Ирине из Монте-Карло: «... поедем также к Щулепниковым и поживем немножко там».

В начале июня 1912 года Ф. И. Шаляпин снова приезжает в Утешное со слугой китаецем и архитектором В. С. Кузнецовым обсудить постройку дома. Но планы о постройке терема остались мечтами...

Уже к 1913 году чувствуется, что Фёдор Иванович охладел к новому строительству. Чириков надеялся, что Шаляпины будут приезжать в Утешное, но, побывав у Щулепниковых, понял, что надеялся зря. В письме родным 11 августа 1916 года он пишет:

«Здравствуйте! Плыдем с Валеткой на «Минине» О-ва «Русь» из Плёса, куда приехали на «Дворянине». В Плесе ночевали у Щулепниковых, у которых Шаляпин купил землю. Прямо пришли из Плёса пешком (верст 7) и явились на террасу. Нас приняли, как желанных гостей, кормили, поили, ухаживали за нами. Семья Щулепниковых очень милая, интеллигентная: сам, жена, зять с женой дочерью, жена сына, который жил в Костроме. Все — мои поклонники! Были очень рады и счастливы нас принять и засыпали литературными комплиментами за трилогию... («Жизнь Тарханова» — ВГЧ). Рядом с их усадьбой есть место, десятин две и, видимо, они, если настоять, продадут. Смотрели дачу и место Шаляпина. Дом большой, место чудесное, но все пустует. Приезжал сюда Шаляпин с 1-ой и со 2-ой женой (поочередно), и т. к. обе думают, что дача — другой, то невзлюбили сие место. [...]». Смысла в строительстве рядом с опустевшей дачей Шаляпина не было. С тех пор Шаляпин и Чириков в Плесе не бывали.

Зато бурная театральная, музыкальная и общественная жизнь в Москве и Петербурге сводила их вместе часто. В 1905 году в дни первой русской революции Чириков пишет письмо Шаляпину с призывом присоединиться к революционно настроенной интеллигенции: «Милый друг Федор Иванович! Вера Ивановна, наверное, уже говорила с тобой об участии в концерте, который нужен для большого и хорошего дела. Федор Иванович, Федя, история с географией поставила всех перед лицом нового освобождения русского народа, Собинов даже откликнулся. Верю, что ты не можешь отказать в поддержке своим могучим талантом делу освобождения».

Неоднократно Евгений Николаевич просил у Шаляпина билеты на его концерты для приезжавших в Москву и Петербург знакомых. Одна такая шуточная записка сохранилась:

«Милый Федор Иванович! Несколько провинциальных интеллигентов, прибывших в Питер и никогда не слыхавших знаменитого певца Шаляпина, просят оказать им протекцию, чтобы достать, т. е. купить, билеты на «Фауста» с участием этого чудного певца.

Я говорил, что моя протекция значения не имеет, и решил просить тебя. Может быть, ты хорош с Федором Ивановичем и можешь удовлетворить жажду просителя. Обращаюсь к тебе, если можешь, устрой. Жму тебе руку, Евгений Чириков».

22 ноября 1908 года Федор Иванович подарил Евгению Николаевичу Чирикову открытку со знаменитой фотографией участников «Телешовских Сред» своим автографом:

«Милый Евгений Николаевич! Помнишь ли ты сии сапоги? Чирикову в память. Ф. Шаляпин. 22/XI 1908 г. Москва»

В то время многие участники «Сред», демонстрируя демократизм и близость к народу, носили косоворотки и сплюсненные в гармошку, до блеска начищенные сапоги.

Памятную открытку певец вручил Чирикову в Театральном клубе на ужине в честь почетного гостя клуба Федора Ивановича Шаляпина.

Открытка Среды с автографом Шаляпина

Чириковы были частыми гостями на бенефисах и чествованиях Шаляпина. Они встречались у Репина в Куоккале, на дачах Билибина и Чирикова в Крыму, у литератора Фидлера в Петербурге. Там же неоднократно заходили в популярный среди творческой интеллигенции ресторан «Вена». 24 марта 1914 года Шаляпин гостил у Е.Н. Чирикова на даче в Нейвола в Финляндии.

Революция 1917 года круто изменила судьбы двух знаменитых друзей. Чириков не принял Октябрьский переворот, открыто выступил против большевиков и в 1920 году был вынужден покинуть Родину. Он попал сначала в Константинополь, потом в Софию и в конце 1921 года обосновался в Праге, где продолжал активную литературную и общественную деятельность.

В 1922 году Федор Иванович Шаляпин уехал из Советской России на гастроль и не вернулся. До последних дней Чириков и Шаляпин тосковали по России, по Волге, около которой они выросли, которую воспевали.

Песни великого певца продолжали звучать в центрах русской эмиграции. Федор Иванович неоднократно приезжал с концертами и в Прагу. Но увидеться двум старым друзьям не удалось. Во время гастролей Шаляпина в 20-е годы Чириков был в отъезде. Когда Шаляпин приехал в Прагу в 1932 году, Евгения Николаевича уже не было.

Концерт Шаляпина проходил в огромном подземном концертном зале «Люцерна» 4 мая 1932 года.

Бабушка вела меня по широкой лестнице. Мы вошли в зал и оказались в полной темноте. Освещена была одна сцена. Пригляделись и увидели свободные места в партере. Сели. И вот на сцену вышел Шаляпин. Бабушкино сердце замерло. Неужели она снова видит Шаляпина, того самого Федора, большого, милого, открытого и доброго... из далекой прошлой жизни! Из её глаз покатились слезы. А для меня на сцену вышел не великий певец, а красивый голубь с гордо запрокинутой головой, казавшейся мне снизу маленькой и круглой, с черными фалдами, похожими на сложенные крылья птицы, и с белой выпуклой большой грудью. Я узнала в нем своего любимого Голубя — игрушку, с которой никогда не расставалась. Голубь ожил! Это было чудо!

До сих пор Шаляпин у меня ассоциируется с тем голубем. А совсем недавно я прочитала, что когда-то сам Федор Иванович сравнил себя с птицей, с журавлем. Он рассказывал, как в 1891 году ему, худому и долговязому юноше, достался с чужого плеча концертный фрак. Надев жилетку, Федор увидел себя в зеркале и воскликнул «Журавль! Как есть журавль!».

Из исполненных с огромным успехом песен я запомнила одну, его знаменитую «Блоху». Я знала тогда детскую песенку «Тень-тень-потетень», в которой «похвалялись блохи, что у них шубы неплохи». А тут блохе еще шьют кафтан! Смешно! И я заливалась звонким детским смехом.

В школьном возрасте я слышала песню Шаляпина о Блохе в граммофонной записи и только тогда осознала, какой выдающийся артист с удивительным незабываемым голосом исполнял это произведение. Поделилась своим восторгом с бабушкой, и она рассказала мне о Шаляпине, сказала, что Федор Иванович и мой дедушка — молочные братья.

Когда, уже взрослая, я начинала рассказывать о Шаляпине и его выступлении в полупустом зале, мне не верили. Кивали на мои четыре года от роду, говорили, что Шаляпин всегда выступал с аншлагом. В конце концов, я начала сомневаться в своих детских воспоминаниях. В 2003 году во время подготовки к выступлению на юбилейном Шаляпинском телевизионном марафоне получила от давней подруги по Праге статью из журнала «Огонек» с воспоминаниями пражского импресарио певца Бориса Ивановича Тихановича «Я запомнил Шаляпина таким...». В них история того концерта. Тиханович подтверждает то, что я настойчиво рассказывала с детства: темный зал «Люцерны» и пустые кресла и ложи. Что же произошло в тот день? Вот рассказ Тихановича:

«О последних годах жизни великого певца рассказывают многие мемуаристы, однако среди них я не встретился с теми, которые правдиво повествовали бы о поездках Федора Ивановича в Чехословакию, в частности в Прагу.

В двадцатые годы Шаляпин несколько раз приезжал в Прагу. Он выступал в самом большом подземном зале «Люцерна», вмещавшем более 3000 зрителей. Менеджером Шаляпина в то время был М. П. Бичурин-Блехер. Рассказывая о концертах Шаляпина в Праге в 1928 году и о предыдущих концертах, Бичурин отмечал особую атмосферу, которая царил в зале.

В июне 1930 года Шаляпин выступил в своей любимой опере «Борис Годунов» в театре «Варьете» вместе с оперным ансамблем Словацкого Национального театра из Братиславы. Артист сумел воодушевить весь ансамбль. А сам Шаляпин в главной роли был превосходен. Пел Шаляпин по-русски, но благодаря его изумительной дикции каждый понимал значение слов, которые он произносил». Следующий приезд Шаляпина в Прагу состоялся 27 апреля 1932 года. На вокзале его встречал Тиханович. Он пишет: «Сегодня, по прошествии стольких лет, я, как наяву, вижу перед собой величественную фигуру Федора Ивановича. Он был изысканно одет, его серо-зеленые глаза быстро осмотрели всех встречающих. Мягким приветливым голосом он со всеми поздоровался, особое внимание уделив дамам. Вся его фигура оставляла впечатление большой физической силы». Шаляпин по обыкновению остановился в отеле «Де-Сакс».

После обеда Тиханович помог Шаляпину разучить текст «Библейской песни» Дворжака на чешском языке, включенной в программу концерта. Шаляпин остался доволен «уроком чешского языка» и пригласил Тихановича пообедать с ним на следующий день 28 апреля перед самым концертом.

«В устройстве концерта участвовала влиятельная чешская общественная организация, так называемый Дамский комитет. Этот комитет пригласил на концерт Шаляпина президента Чехословацкой Республики Масарика, министров, членов дипломатического корпуса и других высокопоставленных лиц. Масарик, в свою очередь, пригласил Шаляпина в свою летнюю резиденцию — замок Ланы под Прагой — в первую половину дня в день концерта, что очень польстило Шаляпину. Встреча в замке Ланы продолжалась час с четвертью, проходила в неформальной обстановке. Масарик говорил по-русски».

Артист вернулся в отель в самом хорошем расположении духа. Шаляпин с Тихановичем спустились в ресторан. Стол был накрыт в центре уютного зала на возвышении. К столу подсел молодой сын хозяина отеля. Дальнейшее Тиханович описывает так: «Давай, Борис, выпьем перед обедом по рюмке», — и заказал водку с закуской. С видимым удовольствием Шаляпин выпил первую рюмку, затем последовала вторая, потом третья. Я с удивлением смотрел на Федора Ивановича и позволил себе скромно заметить: «Ведь вечером концерт!», на что Шаляпин быстро ответил: «Не бойся, я выдержу, привык». Позже добавил: «Жизнь люблю! Хороша жизнь! Жить хочу!». Вскоре стало ясно, что концерт в тот день не состоится. Тихановичу пришлось позвонить в канцелярию Президента и сообщить, что из-за внезапного недомогания концерт Шаляпина откладывается. Бедный импресарио бросился в студию чехословацкого радио. Каждые 15 минут оно должно было объявлять об отмене концерта. Кроме того, был вызван наряд

Приезд Шаляпина в Прагу 1932

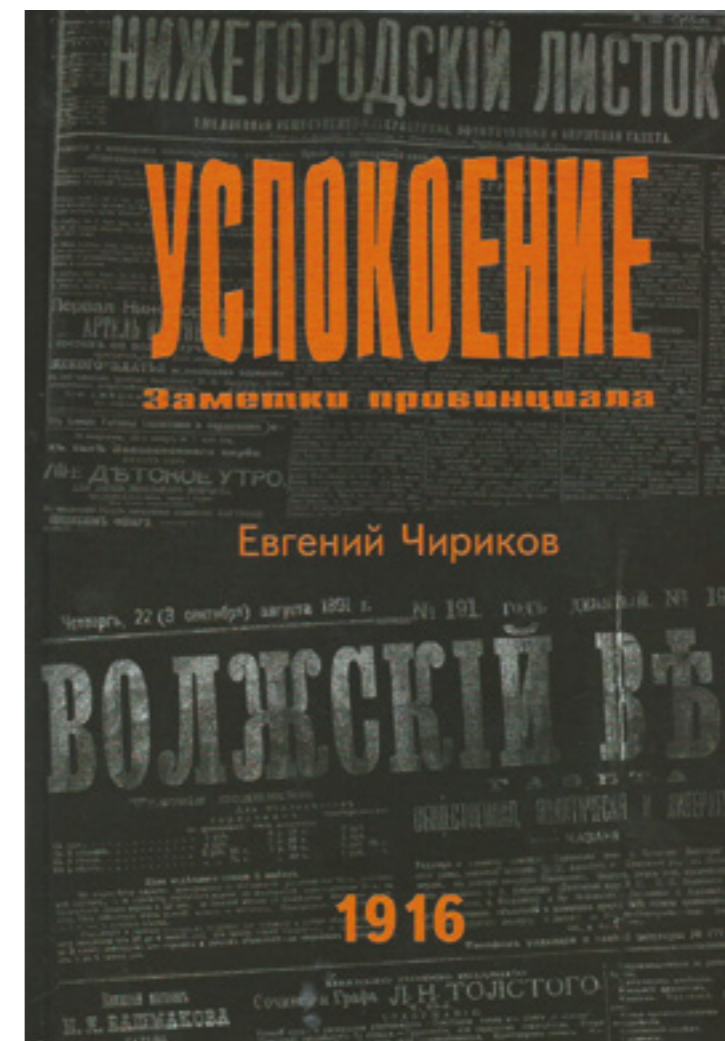
полиции к входу в концертный зал «Люцерна», чтобы сдерживать толпу зрителей и любопытных. На другой день Шаляпин в сопровождении Бичурина уехал на гастроли в Брно». Тихонович объявил новую дату концерта — 4 мая 1932 года. «Конечно, Прага быстро узнала подлинную причину неожиданного недомогания великого артиста. Оскорбленный президент Масарик, принципиальный противник алкоголя, отказался прийти на перенесенный концерт. Вслед за ним отказались и многие министры, дипломаты и представители общественности. Шаляпина все это нисколько не смутило. Артист как будто не замечал пустые ложи и места в зале. Пел Шаляпин замечательно, быстро установил контакт с публикой и всецело её завоевал исполнением «Библейских песен» на чешском языке. Овациям не было конца и, как всегда, Федор Иванович пел на бис».

Через шесть лет после того памятного пражского концерта великого певца не стало. Могила Евгения Николаевича Чирикова осталась в далекой Праге, он покоится с миром на гостеприимной чешской земле. В России он теперь живет своими произведениями. Прах Шаляпина перенесен из Парижа в Москву, можно на Новодевичьем кладбище поклониться русскому Артисту и Певцу. А по всей России по-прежнему звучит его могучий голос.

Жизнь быстротечна, искусство вечно.

В.А. Питенин

КАК МЫ ВОЗВРАТИЛИ ЧИТАТЕЛЯМ «УСПОКОЕНИЕ»... И НЕ ТОЛЬКО

Моя первая встреча с публицистикой известного русского писателя и драматурга Евгения Николаевича Чирикова (1864 – 1932 г. г.) произошла в квартире моего доброго приятеля Геннадия Полукарова 8 марта 1983 года. В этот день весь советский народ отмечал самый любимый праздник всех мужчин — Международный женский день. Помянули мы и Клару Цеткин, и Розу Люксембург, благодаря которым и появился этот праздник. Вспомнили, не знаю зачем, и нашу Веру Фигнер. Дошли и до Надежды Крупской. Мы ведь тогда не знали, что благодаря её «стараниям» могли лишиться радости встречи с замечательным, но неизвестным нам писателем Евгением Чириковым.

Неизвестным потому, что её муж, В. И. Ульянов-Ленин, «попросил» писателя в 1919 году покинуть его любимую Родину, чтобы не мешать вождю «строить светлое будущее всего человечества». Да и сама Н. Крупская в 1924 году составила список «контрреволюционных» книг с указанием изъять их из всех

библиотек. И, как нам кажется, в этот список могли попасть и книги Е.Н. Чирикова. Очень интересна реакция на этот поступок Крупской бывшего товарища Евгения Чирикова, нашего земляка и «буревестника» Максима Горького.¹

Но так или иначе, в далёких от столицы поселениях указания об этих изытиях выполнять не спешили, и многие дореволюционные издания лежали никем не тронутые, ожидая прихода и внимания к ним моего друга Геннадия Полукарова. А друг мой очень любил собирать старинные книжные издания, хранящиеся без надлежащего ухода в сельских библиотеках, чтобы обеспечить им лучшую сохранность, а также для углубления и расширения своего познания окружающего мира и его истории. Собирал он их оригинальным способом, выменивая у сельских библиотекарей на популярные в те времена у советских читателей «макулатурные издания» типа «Королевы Марго», «Женщины в белом» и прочей беллетристики. Относился он к собранным книгам бережно, обновлял переплёты, стараясь сохранить их для потомков. Мог, правда, в «трудные» времена отнести одну-другую книжицу из своей библиотеки в «КОГИЗ» к О. А. Рябову. А мог и в порыве «высоких чувств» подарить какой-нибудь раритет своим друзьям-приятелям-единомышленникам.

Так и случилось 8 марта 1983 года, когда, увидев меня, увлечённого чтением «Успокоения» Е.Н. Чирикова (изданного в 1916 году «Московским книгоиздательством»), он широким жестом вручил мне эту замечательную книгу с дарственным пожеланием «В память». Книга эта была найдена моим приятелем в какой-то сельской библиотеке без типографского переплёта, без титульного листа, и, соответственно, без указания автора. Но было именно в этом издании и кое-что интересное: после авторского текста был опубликован перечень книг, выпущенных Московским книгоиздательством в 1916 году.

В числе этих книг указаны не только собрание сочинений Е.Н. Чирикова из шестнадцати томов и одиннадцать томов собрания сочинений А. Куприна, но и к нашему удивлению, «Капитал» Карла Маркса, в редактировании которого участвовал и В. Ленин. Вот тебе и «жёсткие рамки царской цензуры», о которых нам рассказывали в разных учебных заведениях! И уже дома, спокойно и внимательно вчитываясь в содержание этой книги, я не переставал удивляться, как в разгар войны (1916 г.), за год до революции могли издавать такую публицистику. И хотя содержание «Успокоения» составляют опубликованные ранее статьи в журналах 1910-1911 г. г., но изданы они всё-таки Московским книгоиздательством в 1916 году.

¹ *Из письма Максима Горького Ромену Ролану 15 января 1924г.*

М. Горький. Полное собрание сочинений

Письма в 24 томах. Том 14. Письма 1922 — май 1924 г

М. Наука, 2009, стр. 286

Что же привлекло моё внимание в содержании этой книги? Несмотря на небезосновательные сетования автора на подавление властями свободы слова, удивили острота, конкретика и смелость Е.Н. Чирикова в критике процессов, происходящих в стране в период реакции после революции 1905 года. «Провинциальная пресса теперь — человек с заткнутым ртом, — пишет автор, — и раньше били, и раньше было несладко, а теперь хоть удавись, а просвещение сводится к принципу читай, что дают».

И всё же острое перо автора высвечивает многие животрепещущие проблемы, мешающие развитию свободного гражданского общества в стране, хотя бы в рамках Манифеста 17 октября, принятого после революционных событий 1905 года. Е.Н. Чириков остро критикует известную нашу болезнь — взяточничество, школьную реформу, казённый патриотизм, дискредитацию интеллигенции, методы «успокоения» охранными структурами, отсутствие прокурорского надзора за исполнением законов.

Неудивительно мнение власть предержащих, что «самый вредный и опасный народ в России — писатели». Ибо именно они, писатели, говорят, что «скверно жить без совести, но совесть — дело Божье, а вот как жить без закона?» и «не пора ли перейти к охране закона и жителя от беззакония?». Неужели при свободе слова «законность» предосудительной стала?

И как актуально звучат сегодня слова автора «Успокоения»: «Напугали обывателя до полусмерти. Накормили досыта половыми проблемами. А под прикрытием страхов и проблем легко совершили «отчуждение» непрочных завоеваний».

При всей остроте критики, характерной особенностью публицистики Е.Н. Чирикова является, на мой взгляд, отсутствие призывов к революционному насилию («пусть сильнее грянет буря...»). Не желая быть пророком в своем Отечестве, он считает своим нравственным долгом предупредить: «Будут дни великого смятения... Они уже начались...». Автор «Успокоения» более всего хотел быть услышанным теми, от кого во многом зависит соблюдение законности, разумное законотворчество и успокоение общества (в самом лучшем смысле) для нормального созидания и развития страны.

Созвучие основных мыслей писателя с действительностью наших дней, проявляется в его обращении к народу, который, как и сто лет назад, всё видит, почти всё знает и о многом догадывается. «Плохую услугу оказывает общество стране, когда в моменты духовного разлада её с правительством, оно своим молчанием даёт повод правительству думать, что за ним моральная поддержка страны».

С тех давних пор (1983 г.) эта книга всегда была у меня «в памяти», как и пожелал мой друг в дарственном послании. Прошло уже более 30 лет. За эти

годы в нашей стране произошли немыслимые политические, идеологические и экономические преобразования. В течение этих лет я многократно перечитывал «Успокоение» Е.Н. Чирикова, и, к моему удивлению и сожалению, убеждался в сегодняшней актуальности поднятых в нём проблем.

Но за всё это время я и не думал о переиздании этой книги. Хотя мысли, изложенные в ней писателем, были бы полезны не только простым читателям, но и, может быть, в большей степени, общественным и государственным деятелям нашей страны всех уровней и во все времена.

И лишь спустя тридцать три года после встречи с книгой Евгения Николаевича состоялось моё знакомство с прямыми потомками автора, замечательными и благородными людьми — внучкой Валентиной Георгиевной Чириковой и её сыном, правнуком писателя — Михаилом Александровичем Чириковым.

Девятнадцатого октября 2016 года сестра моего лучшего друга Владимира Дуркина пригласила меня на вечер, посвящённый творчеству Евгения Николаевича Чирикова, состоявшийся в Доме учёных. Нина Николаевна Тюрина была большой почитательницей таланта писателя, тесно общалась с его потомками и передала мне теплоту этого общения. На этом вечере был показан фильм, снятый по сценарию Евгения Чирикова, и выступил с рассказом и авторским исполнением своих песен московский гость, сотрудник Дома Русского Зарубежья Виктор Леонидов, подаривший мне свой диск «Берег русский» с новыми душевными песнями.

В конце этого мероприятия я показал Михаилу Чирикову тот самый подаренный мне в 1983 году экземпляр «Успокоения» и высказал свою идею о его переиздании. К моей великой радости, Михаил с энтузиазмом поддержал моё предложение. Мы договорились о поисках рабочего экземпляра «Успокоения» (мой не годился), выборе издательства, заказе вступительной статьи.

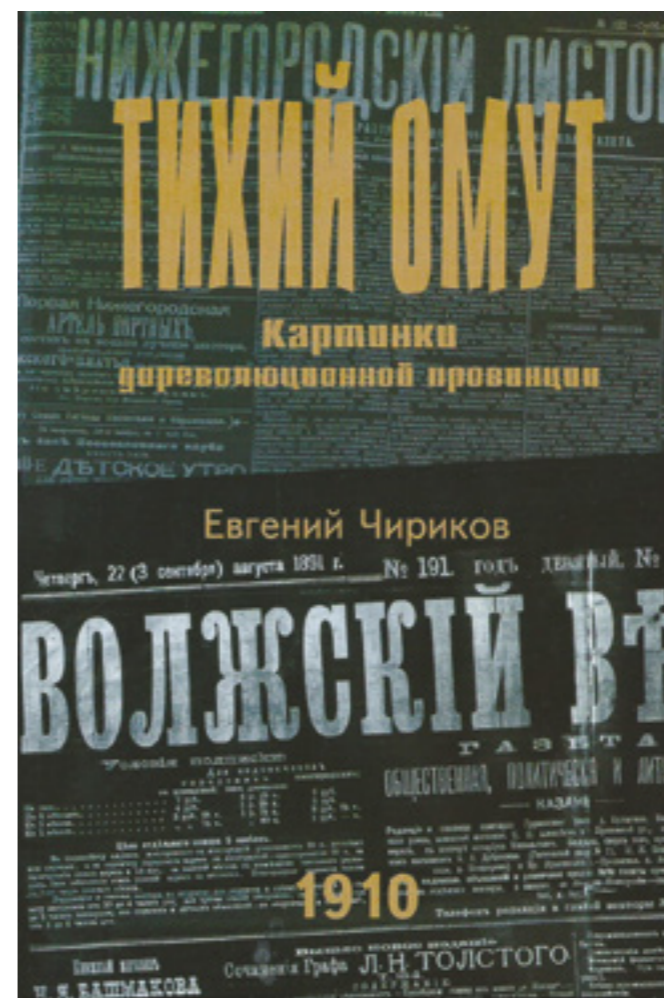
Для переиздания «Успокоения» мы выбрали нижегородское издательство «Книги», руководит которым известный прозаик, поэт, краевед и большой знаток русской литературы Олег Алексеевич Рябов.

При нашей встрече я показал ему подаренный мне экземпляр «Успокоения» в новом самодельном переплёте без титульного листа и попросил «развеять мои сомнения» по поводу авторства этого издания. Раскрыв книгу в двух-трёх местах и прочитав в них по паре строчек, Олег Алексеевич спокойно и уверенно сказал: «Это Евгений Николаевич Чириков». Я с трудом попытался скрыть своё удивление и восхищение такой эрудицией. Ведь и в наше время, к огромному сожалению, мало кто из читающей публики знает широко известного в конце девятнадцатого и начале двадцатого века прозаика, публициста и сценариста Е.Н. Чирикова. Получив принципиальное согласие Олега Алексеевича на переиздание «Успокоения», мы договорились о встрече для подписания договора.

К моменту подписания договора о переиздании и изготовлении тиража я передал О. А. Рябову экземпляр «Успокоения», который предоставил Михаил Чириков. И процесс пошёл... Предстояла большая работа по переизданию. Подготовкой текста, вёрсткой и изготовлением оригинал-макета с большим вниманием, профессионализмом и ответственностью занимались Геннадий Щеглов и Ольга Маркичева.

Вступительную статью для этого издания книги Михаил Чириков попросил написать профессора кафедры журналистики Московского института телевидения и радиовещания, доктора исторических наук, кандидата филологических наук, члена Союза журналистов России Елену Викторовну Курбакову, которая уже многие годы занимается изучением и популяризацией творчества Евгения Николаевича Чирикова. «Почту за честь!», — так она ответила на просьбу Михаила.

И действительно написала высокопрофессиональную, очень глубокую и развёрнутую статью о публицистике Е.Н. Чирикова. И всё было бы хорошо... Но в последний момент перед отправкой для тиражирования книги в типографию в город Чебоксары, благодаря внимательности и ответственности Геннадия Щеглова выяснилось, что эта статья под названием «Карта России в картинках Евгения Чирикова» не к 17-му тому собрания сочинений писателя — «Успокоение» (заметки провинциала) издания 1916 года,

а к 10-му тому — «Тихий омут» издания 1910 года. Почему так получилось, выяснять было поздно и бессмысленно. Надо было срочно, за два-три дня написать вступительную статью к «Успокоению».

Так невольно нам пришлось стать авторами вступительной статьи к лучшему, на мой взгляд, циклу очерков «Успокоение» (заметки провинциала). Эту статью мы успели подготовить. Но на этом нюансы в процессе переиздания не закончились.

Из-за спешки я отдал вступительную статью издателям для отправки в типографию без согласования с Михаилом Чириковым.

А при внимательном чтении уже отправленного текста Михаил нашёл одну не точно указанную дату Балканской войны. Считая эту неточность незначительной, я попытался уговорить его оставить текст без изменений. Но Михаил, как человек принципиальный и ответственный, посчитал это недопустимым и заявил мне, что снимает свою подпись под вступительной статьёй. А текст её уже находился в типографии в Чебоксарах.

Пришлось нам с Геннадием Щегловым срочно исправлять ошибку, связаться с типографией (спасибо прогрессу!), там всё успели скорректировать до начала тиражирования. И так тираж моей любимой книги был изготовлен в отличном качестве и прибыл в Нижний Новгород в согласованные сроки.

Но и на этом не закончились все нюансы с новым, уже изготовленным, тиражом «Успокоения». Московские специалисты, изучающие творчество Е.Н. Чирикова, получив наше новое издание, оказались ещё внимательнее, чем мы и заметили опisku прямо на титульном листе нового издания: вместо «Заметки провинциала» там было написано «Записки провинциала». Но эту неточность мы уже исправим при следующем издании «Успокоения».

Имея очень хороший квалифицированный текст вступительной статьи к «Тихому омуту», подготовленный Еленой Викторовной Курбаковой, мы невольно задумались и о переиздании «Тихого омута». В результате мог получиться полноценный двухтомник публицистики Е.Н. Чирикова.

«Тихий омут» (Картинки дореволюционной провинции) — это сборник фельетонов и очерков, опубликованных в 1899-1901 гг. в журнале «Жизнь» (Санкт-Петербург), объединённых в десятый том собрания сочинений Е.Н. Чирикова, изданный Московским книгоиздательством в 1910 году. Содержание «картинок» созвучно «Успокоению», где писатель также пытается привлечь внимание самой широкой читательской аудитории к провинции и провинциалам. Поэтому мы с Михаилом Чириковым в 2019 году без каких-либо нюансов переиздали и «Тихий омут».

И теперь на всех встречах, посвящённых творчеству Е.Н. Чирикова, его благодарный и неутомимый потомок представляет уже два тома из собрания сочинений своего знаменитого прадеда, возвращая его творчество на любимую им Родину — в современную Россию.

Первая презентация этих двух книг состоялась 4 марта 2019 года на встрече читателей, посвящённой 155-летию со дня рождения Евгения Николаевича Чирикова, в библиотеке имени Юрия Адрианова — известного нижегородского и российского поэта, моего доброго приятеля в молодые наши годы. На этой встрече были представлены не только впервые изданные в России произведения Е.Н. Чирикова «Зверь из бездны» (2000 г) и «Отчий дом» (2010 г), но и многие зарубежные издания из Литературно-мемориального музея Евгения

Николаевича Чирикова, созданного в Нижнем Новгороде по инициативе его правнука — Михаила Александровича Чирикова.

Проникнутый любовью к творениям своего прадеда, Михаил Чириков реализовал ещё один проект по возвращению его литературных трудов к российскому читателю — организовал издание «Волжских рассказов и сказок» (2021 г), в основу которых легли написанные ранее Е.Н. Чириковым рассказы, легенды и предания. Все эти годы он встречается с читателями библиотек Нижнего Новгорода и Нижегородской области, одаривая их изданными книгами и рассказами о творчестве писателя, воспевающего наш Волжский край.

И очень хочется верить, что он донесёт до всех, с кем встречается, основную человеческую позицию Евгения Николаевича Чирикова: «Искренность с другими и с самим собой — это главное, если хочешь сохранить свою душу до конца... Всякая ложь, как ржавчина, оставляет след на душе, и лгущий и пребывающий в сфере лжи, личной или общественной, изнашивается духом и превращается в «живой труп».

«Успокоение» — это книга для тех, кого интересует история России и волнует её судьба.

Питенин В.А. и Чириков М.А.

А.М. Цирульников**ВИКТОР БАЛАШОВ И ИГОРЬ КИРИЛЛОВ**

Один за другим в 2021 году нас навсегда покинули два великих телевизионных диктора — Виктор Иванович Балашов в 96 лет и Игорь Леонидович Кириллов в 89 лет. Я знал их — встречался по работе: с Кирилловым в Москве, с Балашовым — в Москве и в Горьком в местной телестудии. Сейчас, когда перечисляют их славные дела в эфире, говорят про того и про другого, что он первым сообщил о полете в космос Юрия Гагарина. Конечно, из уст Балашова и Кириллова мы восприняли много новейшей и важнейшей информации, но как ни крути, первым о полете Юрия Гагарина сообщил стране и миру Юрий Борисович Левитан. От него мы узнали и о запуске первого искусственного спутника Земли 4 октября 1957 года. Левитан сообщал эти великие новости первым по радио, а Балашов и Кириллов через какое-то время дублировали их по телевидению. И на телеэкране они были первыми в разных выпусках новостей. И тут вряд ли нужно и возможно устанавливать приоритеты. Все равно — после Левитана!

Хотя мастерами своего дела все трое были замечательными и безусловно великими.

Мне никогда не забыть один выпуск теленовостей в 11 часов дня на единственном еще тогда канале, который позже стал Первым, в начале 1970-х годов в исполнении Игоря Леонидовича Кириллова. Термин «в исполнении» здесь самый точный и уникальный. Больше подобного никогда не было. Не знаю, была ли это личная инициатива диктора или он исполнил поручение начальства или режиссуры, но такое случилось. Кириллов своими словами рассказал все новости политики, общественной жизни, городских и сельских забот и дел. Мы были для него не просто зрителями и слушателями, а скорее — со-

Виктор Иванович Балашов

Игорь Леонидович Кириллов

беседниками и «соглядатаями» того, чем он делился просто по-товарищески, по-дружески, по принципу: я узнал и хочу, чтобы вы тоже знали... Я смотрел этот выпуск дома, и Кириллов был у меня в гостях и в гостях у миллионов моих сограждан. Почему-то ничего подобного в Новостях ЦТ больше не было, видимо, кому-то не понравилось, и это прекратили после первого опыта. Нечто похожее повторилось через много лет, когда Кириллов стал сотрудничать со «Взглядом» приходил в свитере, садился на диван и рассказывал новости вместе с Листьевым, Мукусевым, Любимовым, Политковским... Это было в другое время, на другом телевидении и для другой страны...

Как-то при встрече в Останкине я попытался расспросить Кириллова о том выпуске новостей, как он случился и почему остался единственным. Игорь Леонидович мягко улыбнулся:

— Саша, это было так давно, вы, наверное, только один про это помните...

Больше ничего не сказал, но по его лицу и взгляду я понял, что по крайней мере есть еще один человек, который про это знает и помнит, но не хочет говорить...

У Виктора Ивановича Балашова была своя минута вольности в эфире — это «...и о погоде!». Тут он тоже говорил «своими словами», по-своему трактуя данные температуры воздуха, осадков в виде дождя и снега, ветров и атмосферных явлений. Иногда попадал впросак, путал знаки тире и минус. Помню, как в июльский день он сам удивился, какая аномалия грозит температуре воздуха «от 21-го градуса тепла до минус 23 градусов». Удивился и пояснил: «Тут так написано, просто невероятность какая-то!»

Помню, как в октябре 1968 года в пятидесятилетие ВЛКСМ в космос полетел Георгий Тимофеевич Береговой, самый пожилой на то время отечественный космонавт, участник войны, летчик, уже отмеченный за боевые заслуги званием Героя Советского Союза, так что, вернувшись из космоса, он стал дважды Героем страны. Традиционная «Звездная эстафета новостей» пришлась на начало ноября, на преддверие Октябрьского праздника. Я по какому-то поводу был в Москве и благодаря коллегам проник в студию, где готовилась передача... Ко мне подошел Виктор Иванович Балашов со стулом в руках:

— Саша, вы должны мне помочь: найдите и принесите мне сюда любую газету, желательно потолще на каком угодно языке. Не спрашивайте, зачем и почему — так мне надо!

Я вышел из студии, предупредил милиционера, что скоро вернусь, и прямо у лестничного марша на подоконнике обнаружил кем-то забытые «Московские новости» на английском языке.

— Очень хорошо! — встретил меня Балашов — Вы так мне помогли...

Со стулом и с газетой в руках он потоптался у входа в студию, мысленно что-то прикинул, поставил стул на пол, сел и развернул газету. К нему бросился Фокин:

— Витя, ты чего тут делаешь? Здесь сейчас Береговой пойдет...

— Ну и хорошо, мне он и нужен...

Я не знаю, услышал ли эти слова ведущий программы, потому что заиграла музыка, и его смело на рабочее место.

Береговой под овацию вошел в студию и сразу оказался в плену у Виктора Ивановича:

— Дорогой Георгий Тимофеевич, я встречаю и приветствую вас как ветеран войны ветерана войны. Я прошу подойти к нам участников Великой Отечественной войны, которые пришли на эту встречу с первым космонавтом-фронтовиком...

Между прочим, первым участником Великой Отечественной войны среди советских космонавтов был Константин Петрович Феоктистов — бортинженер первого «Восхода» в экипаже с командиром Владимиром Комаровым и врачом Борисом Егоровым. Подростком он был удостоен боевой медали.

И фронтовики пошли к Балашову и Береговому, пожимали руки, обнимали, поздравляли... Надо было видеть побледневшее лицо Юрия Валериановича Фокина, но растерялся он лишь на мгновение, а через мгновение возглавил организованное Балашовым мероприятие, отеснив того в сторону: «Садись и читай газету, не мешай мне работать...».

Балашов потом говорил мне: «Фокин зря сердится, я же просил его: придумай мне мизансцену для участия в передаче... Пришлось действовать на свой страх и риск. Но, согласись, хорошо получилось...»

Помню, как Балашов приезжал к нам в Горький на студию телевидения. Я с ним был знаком благодаря моим репортажам в программе «Время». Иногда я перегонял по релейке «немую» пленку и текст к ней для прочтения московским диктором. В этом случае Балашов звонил мне в Горький: уточнял названия колхозов и заводов, фамилии людей, обязательно — ударения в словах.

Мы попросили его принять участие в эфире «Горьковских новостей» и прочитать их вместе с нашим диктором Женей Новиковой. Он согласился, но попросил заранее никого не предупреждать: пусть я появлюсь у вас в эфире неожиданно и даже пусть пойдут слухи, что я переехал на работу в город Горький.

Он появился в павильоне в отутюженном голубоватом пиджаке, темном галстуке в горошек и светлой переливчатой рубахе.

А внизу — о, ужас! — старые выцветшие джинсы, которые когда-то были голубыми. На ногах растоптанные желтые кроссовки.

— Это мой обычный эфирный прикид! — пояснил он. — Не знаю, как в Горьком, а у нас Останкине дикторам шьют только новые пиджаки. Без брюк. И обувь не покупают. Внизу носите, что хотите, все равно не видно. Моему коллеге Игорю Кириллову к «Песне года» забыли сшить брюки, пиджак сшили, а брюки надел от старого магазинного костюма...

А.М. Цирульников

ВСТРЕЧИ С ВЛАДИМИРОМ ЖИРИНОВСКИМ

... Мы сидели втроем в гостевой комнате на Горьковском телевидении, на первом этаже, недалеко от входа в 450-ю студию. Эти цифры свидетельствуют о ее размерах — 450 кв. метров. И больше ни о чем. Пили чай и очень спокойно разговаривали и совсем не о том, что могло стать темой разговора — о предстоящих президентских выборах и очередном участии в этой избирательной кампании Главы ЛДПР. Жириновский понимал, что журналист, то есть я, как бы настраиваюсь на предстоящий разговор и изучаю собеседника со стороны, пока собеседник тоже самое — изучает меня. Третьим был Александр Курдюмов, нижегородец, депутат государственной Думы от ЛДПР, верный помощник и проводник идей Владимира Вольфовича. Я его давно знал, называл Сашей с тех пор, как мы вместе поддерживали на губернаторских выборах 1997 года Ивана Петровича Складярова, победившего тогда...

Собственно, Курдюмов и попросил меня побеседовать в эфире с Владимиром Вольфовичем.

У меня при этом чаепитии создалось впечатление, что Жириновский очень спокойный или даже тихий человек. Во всяком случае, он так себя вел и держал. Но было это до определенного момента, когда в комнату вошел мой оператор Саша Малов с кинокамерой, которую он держал за ремешок в левой руке у колена. И что-то хотел у меня спросить, но не успел, потому что...

Жириновский резко отодвинул стакан с недопитым чаем, так что он частично выплеснулся на стол и перешел на крик: «Мы всегда были и останемся в оппозиции к нынешней власти. Это пусть Зюганов договаривается с Ельциным! А мы идем побеждать, и народ нас поддержит!»

И вдруг спросил Малова: «Молодой человек! Почему вы нас не снимаете? Почему такое неуважительное поведение?» Тут уж я отреагировал: «А он здесь и не должен снимать! Он пришел задать мне какой-то вопрос, ни чего более! Что, Саша?»

— Когда вы пойдете отсюда в студию, мне эту «проходку» снимать или не надо?

— Снимать! Обязательно снимать! Все снимать! — еще донимал сам себя Жириновский.

— А зачем? Где мы это будем показывать? У нас же прямой эфир из павильона! Мы эти кадры никуда не вставим! — как можно спокойнее произнес я. — Не надо... Во время разговора в студии сделай «подъемку»... На всякий случай...

– Ну, тогда я пойду?..

И Малов ушел. А мы продолжили пить чай...

– Что это было, Владимир Вольфович! — спросил я. — Что вас взволновало?

– Это моя обычная нормальная реакция на появление оператора с камерой. Вдруг он начнет снимать!.. Народ меня должен знать таким — активным, непримиримым, всегда в борьбе с противниками!..

Сама беседа прошла спокойно. Без выкриков и эксцессов...

– Как вам понравилось, как я себя держал во время интервью? — спросил Жириновский, когда мы расставались. — Это тоже моя заготовка — вы задавали серьезные и трудные вопросы. Я должен был выглядеть перед горьковчанами серьезным, вдумчивым политиком... Что скажете?

– Всегда неожиданный Жириновский!..

– Спасибо! Вы уловили суть...

У меня было еще два интервью с Жириновским в прямом эфире в Нижнем Новгороде. Опять же перед очередными выборами Президента России, но ничем особенным они не запомнились...

ЖИРИНОВСКИЙ В НИЖЕГОРОДСКОМ КРЕМЛЕ

Летом 1994 года в Нижний Новгород с большой компанией членов ЛДПР приехал Владимир Вольфович Жириновский. Остановились в нескольких номерах гостиницы «Россия» и всей гурьбой во главе со своим лидером пешком пошли в кремль. По дороге Владимир Вольфович сообщал встречным нижегородцам, что идет свергать с губернаторского поста Бориса Немцова и назначать нового главу области из своих соратников, показывая каждый раз на разных своих людей.

– У нас все могут быть вашими губернаторами! И лучше Немцова! Скоро убедитесь...

У Владимира Вольфовича и Бориса Ефимовича отношения не сложились с самого начала их политической деятельности. Они не терпели друг друга и на людях показывали свою нервную враждебность.

Конечно, Жириновского подогревало, что эту «проходку» снимали несколько телевизионных камер и фоторепортеров.

– Радуйтесь — у вас сегодня много исторической работы, которую вечером будет смотреть вся страна! — обещал он журналистам.

Таким деланно веселым балаганом — с шумом, с выкриками «Вся власть ЛДПР!» пришли к губернаторскому дому и вошли внутрь. Вокруг было тихо и безлюдно, даже охраны на входе-выходе не было. Поселившись в главном кабинете губернии, Немцов убрал пост милиции и вневедомственных дежурных,

чтобы быть демократическим «начальником», доступным для всех. Лифты не работали, и по широким лестницам с ковровыми дорожками «либеральные демократы» поднялись на пятый этаж и вошли в приемную. В этот день дежурила секретарь по имени Таня, миловидная приветливая девушка, с советским еще опытом работы. Была секретарем приемной у первого секретаря обкома КПСС Геннадия Максимовича Ходырева. Забегая вперед на четыре года, скажу, что 1998 году он снова займет свое кресло и встретится с Таней избранным губернатором области.

Таня, чувствуя себя хозяйкой, призвала гостей вести себя тихо и, показав на открытые двери кабинета, сообщила, что Бориса Ефимовича нет и неизвестно, когда будет. Уехал по объектам. Жириновский выглядел обиженным.

– А что он не знал, что я в городе?

– Может быть, и знал, но у губернатора свой распорядок дня. Мне он о вашем визите ничего не говорил...

– Так позвоните ему и сообщите, что мы пришли снимать его с работы...

– Борис Ефимович просил звонить ему только, если он потребуется президенту Борису Николаевичу Ельцину...

– А он требуется мне!

– Но я не могу нарушать указание моего начальника... У него важные дела...

– Ну тогда мы зайдем его кабинет! Пошли все за мной!

Жириновский уселся за стол Немцова, пододвинул к себе поближе городской телефон. Обвел взглядом расположившихся за большим столом и на диване соратников. Они притихли, ожидая инициативы от своего атамана. А он сидел с прижатой к уху трубкой и кричал в открытую дверь в приемную:

– Танечка! У меня к вам просьба — соедините меня с Геннадием Николаевичем Селезневым, председателем Государственной Думы... Спасибо! Геннадий Николаевич! Здравствуйте, это глава фракции ЛДПР Жириновский. Приехал с коллегами в Нижний Новгород, а губернатор Немцов сбежал по объектам и разрешил секретарше соединять с ним только президента Ельцина. То есть, если вы ему позвоните, она соединять с ним не будет... А он вам и не нужен! А Дума по моему запросу может снять его с работы? У меня есть другая кандидатура на это место. И этот человек сейчас здесь... Я знакомил с ним жителей города, пока мы шли к Немцову... Да... понимаю... Губернатор — это креатура президента... Не хотите ввязываться в дискуссию по этому поводу. Но учтите мое мнение... Спасибо...

И отодвинул трубку от уха:

– Жалкий человек Селезнев! Боится конфликта с Ельциным... Совсем не политик!

Когда стану президентом, смещу его и назначу другого председателя Думы — из наших!

И попросил соединить его с председателем ФСБ Степашиным.

– Сергей Вадимович! Это Жириновский. У меня заявление на пока еще нижегородского губернатора Бориса Ефимовича Немцова... Что значит пока еще?.. Так ФСБ и Вы его и уберете!.. Только враг народа может так относиться к членам Государственной Думы...

И изложил все то, о чем говорил Г.Н. Селезневу.

После разговора со Степашиным вышел из-за стола.

– Ну, Ельцину я звонить не буду! Пусть ему Зюганов звонит. Пошли, ребята! Обедать в гостиницу... А прессу с собой не приглашаем, вам надо спешить — готовить к эфиру сегодняшнюю съемку...

Поднялись и, шаркая по паркету, пошли на лестницу.

Я, отстав от них, подошел к Тане.

– Танюша, как это Вы так быстро соединяли его с первыми лицами в Москве?

Она улыбнулась: Так он сам с ними соединялся... Сами посмотрите. И она взглядом показала на розетку внизу у стола. Вилка со шнуром лежали на полу далеко от нее...

– Как Борис уехал, я сразу телефон выключила!..

ТАК ЭТО БЫЛО, ИЛИ СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

Наш город с 2 октября 1932 года по 23 октября 1990 года — то есть 58 лет и 20 дней носил имя Алексея Максимовича Горького и звался Горьким, а окружающий регион вначале назывался Горьковским краем, а потом Горьковской областью.

Первую попытку вернуть городу историческое наименование в 1957 году сделал Н.С. Хрущев. После смерти И.В. Сталина в середине 1950-х годов он занялся переименованием городов, которые носили имя «отца народов», его соратников и современников. Тогда Молотов снова стал Пермью, Ворошиловград — Луганском, Щербаков — Рыбинском, Чкалов — Оренбургом...

Когда весной 1957 года первый секретарь ЦК КПСС приехал в Горький, то встречавших его на Московском вокзале местных начальников приветствовал словами «Здравствуйтесь, товарищи нижегородцы!». И те восприняли это как сигнал к переименованию города. И в речах на встречах и митингах в присутствии Хрущева избегали называть город Горьким, а жителей горьковчанами.

Но Хрущев уехал, попрощавшись с «дорогими товарищами нижегородцами», время шло, но ожидаемого Указа о переименовании не было. Потом выяснилось, что переименованию резко воспротивился министр финансов СССР Арсений Зверев. И вовсе не потому, что преклонялся перед родоначальником советской литературы и метода социалистического реализма, а потому, что страна и так уже много потратила на новые старые названия населенных пунктов. Это же миллионы рублей на замену всех вывесок, бланков с названиями предприятий, паспортов и других документов граждан. Короче говоря, Зверев поставил перед Хрущевым вопрос ребром: или я, или продолжение политики переименований. И Никита Сергеевич предпочел сохранить при себе опытнейшего министра финансов, который смел возражать даже Сталину.

О том, как Сталин считался с мнением Зверева, я сужу по рассказу того же дяди моего — Абрама Иосифовича Цирульникова, старшего брата отца, который однажды был на совещании в кабинете вождя.

В Москве осенью 1946 года всех косил повальный грипп. В главке болели и начальник Воднев, и первый зам. — главный инженер Краснов, и тут позвонили из Кремля и велели срочно прибыть на совещание к товарищу Сталину. Так как мой родственник оставался «на хозяйстве» из руководителей главка один, то пришлось поехать ему.

Кроме Сталина во главе стола был Лазарь Моисеевич Каганович. Речь шла о дополнительных поставках металлолома для оборонных предприятий, чтобы

получить из него сталь высокого качества. В переплавку готовы были пустить отдельные конструкции, крупногабаритные металлоизделия, которые в ближайшее время вряд ли могли быть использованы. Говорили, кстати, о бамовских рельсах, которые были уложены в Сибири перед войной и ржавели в земле без перспектив в ближайшие годы. Дискуссия состояла в том, что все это железо было весьма дорогим само по себе, и представители министерств, которым оно принадлежало, никак не соглашались на утилизацию, газорезку, переплавку.

Сталин сидел молча, спрятав усы и рот в раскрытую ладонь правой руки, на которую опирался всем лицом. Было такое ощущение, что он использует ладонь вместо маски, чтобы не заразиться гриппом. Дискуссией руководил Каганович, который был очень категоричен. Формулировал решения и скашивал при этом глаза на Сталина. Тот слегка кивал. Когда, казалось, все было прояснено, Сталин спросил:

– Где Зверев? Почему его не пригласили?

– У него сильная простуда, товарищ Сталин, — спохватился Каганович, — я ему звонил. У него озноб и высокая температура.

Сталин посмотрел на Кагановича и тихо сказал:

– Надо послать за Зверевым теплую машину... Нехорошо решать без него...

Зверева привезли, и его согласие получено. Проблемы были сняты. Когда уже все закончилось и стали выходить из кабинета, дядю, которому слова не дали, и он было уже решил, что его позвали по ошибке, окликнул Каганович:

– Цирульников, учти, у вас прибавится много срочной работы, которая должна быть сделана. Никакие отговорки и объективные причины во внимание приниматься не будут — от этого зависит оборона страны!..

Каганович стукнул костяшками пальцев по краю стола. Сталин кивнул.

– Мы сделаем все возможное, товарищ Сталин! — отрапортовал дядя Абраша, глядя мимо Кагановича... Повода для обиды у того не должно было быть, ведь он был на этом совещании как бы голосом Сталина...

Вот из-за Зверева Горький при Хрущеве так и не стал Нижним Новгородом...

Остались при своих именах и другие города и села, которые были в списках Хрущева.

Но тема возвращения исторических названий время от времени возникала то тут, то там, но партийные и государственные органы ее не поддерживали. Правда, только после кончины видных деятелей партии и правительства для увековечения их памяти Набережные Челны становились городом Брежневым, Ижевск — Устиновым, Рыбинск (уже побывавший при Сталине Щербаковым) при Черненко стал Андроповым. Потом в Сибири появился городок с именем Черненко. Но все эти имена жили недолго: их смела перестройка и последовавший за ней антикоммунизм в политике.

Но именно тогда уход от советских названий и возвращение старых имен стал активным и массовым явлением. И появление Нижнего Новгорода на карте России было, пожалуй, самым ярким событием в этом движении.

А теперь я снова обращаюсь к тем датам, с которых начал разговор.

Именно эти данные я привел во время прямого включения в утреннюю программу «120 минут» Центрального телевидения СССР 23 октября 1990 года (Сейчас это Первый канал, а программа называется «Доброе утро, Россия»). Включение было внеплановым, срочным, и мой коллега Киселев впервые на всю страну сказал: «Сейчас в нашем эфире Нижний Новгород!»

Теперь я поясню, почему, говоря на нашем профессиональном сленге, этот «выход на Москву» был столь необходим для Главной редакции информации ЦТ СССР.

Потому что накануне в такой же утренней программе я показал большой репортаж о том, как мои земляки ждут от Верховного Совета РСФСР решения о возврате городу Горькому его исторического имени — Нижний Новгород. Мы с кинооператором Юрием Печинкиным сняли адресные видеопланы города — панорамы Волги и Оки, нашего кремля, Откоса, улиц, то есть показали своеобразие одного из старейших городов России, который 711 лет звался Нижним Новгородом и только на 58 лет стал Горьким. Фоном звучала мелодия гимна Нижнему Новгороду Милия Балакирева.

Я говорил, что мы в равной мере гордимся подвигами и славными делами нижегородцев и горьковчан. Вспомнил, как во время дискуссии в Белом зале библиотеки имени В.И. Ленина замечательный фронтовик Герой Советского Союза генерал-танкист Дмитрий Авраамович Аристархов упрекнул сторонников переименования:

– А на Великой Отечественной войне сражались горьковчане, в тылу работали горьковчане, победили врага горьковчане, а вы хотите лишить их родины...

С места поднялся поэт мой друг Юрий Адрианов: «Дорогой Дмитрий Авраамович, вы правы — на фронт они уходили и вернулись домой горьковчанами, но родились-то они нижегородцами. Так что мы хотим вернуть им родину, а не отнять!»

Я рассказал об этом конкретном разговоре в эфире. Сказал, что известный на весь мир Горьковский автозавод с его машинами-ГАЗиками» начинался в 1932 году как автозавод Нижегородский и его автомобили были НАЗиками.

Речь шла о том, что Горьковский городской Совет и Горьковский областной Совет народных депутатов после двух лет дискуссий в сентябре 1990 года проголосовали за Нижний Новгород и Нижегородскую область. Так что камнем преткновения оставался Верховный Совет РСФСР, который никак не принимал Указ о возвращении городу исторического имени.

Напомню, эта передача прозвучала в эфире утром 22 октября 1990 года. А в середине того же дня мне позвонили из ЦТ и сообщили, что сегодня Верховный Совет РСФСР принял Указ о возвращении городу Горькому исторического имени — Нижний Новгород. И, естественно, связали это с нашим утренним эфиром.

Конечно, первому, кому я позвонил об этом — домой Юре Адрианову! «Юра, мы теперь по-настоящему стали нижегородцами!»

Мой друг активно участвовал во всех акциях, которые способствовали этому переименованию. Признаюсь, я не сразу стал сторонником этого движения. Были сомнения, стоит ли это делать, когда у региона не хватает денег на самое необходимое, когда наш «карман России» — дырявый и пустой. А это весьма дорогостоящее действие. На продовольственных магазинных полках был в изобилии только один товар — морская капуста... Все другое считалось дефицитом и отпускалось по талонам. Многие рассуждали так: вот если в Нижнем Новгороде стало жить лучше, чем в Горьком, тогда другое дело, но ведь ничего не изменится! Только зря будут последние деньги потрачены...

После моего звонка Юра Адрианов по обыкновению сел у телефона и стал обзванивать всех наших общих друзей и знакомых, сообщая долгожданную новость. Через какое-то время до меня дозвонился наш товарищ со студенческих лет директор областного архива Виктор Харламов и поделился добрым известием, полученным от Адрианова.

Подробности я узнал позже от Бориса Немцова, который был в Москве на сессии Верховного Совета РСФСР. Он рассказал, как, открывая пленарное заседание в 10 часов утра, заменявший отсутствовавшего Ельцина его зам Руслан Хасбулатов поинтересовался, смотрел ли кто-нибудь из депутатов сегодня утреннюю программу ЦТ, где корреспондент из Горького критиковал Верховный Совет РСФСР за медлительность в принятии решения о том, чтобы город Горький снова стал Нижним Новгородом. И Хасбулатов огласил уже им заготовленный текст Указа и предложил, не откладывая в долгий ящик, проголосовать за него. И после голосования тут же на виду у всего зала подписал его, сказав: «Пусть нижегородцы знают, как мы реагируем на справедливую критику!»

Мои московские коллеги восприняли это как успех программы «120 минут» и поручили мне срочно подготовить внеплановое включение на завтрашнее утро, 23 октября.

Наш студийный художник Гена Мартынов по моей просьбе изготовил синий картонный трафарет с белыми буквами — Нижний Новгород. Мы с кинооператором Юрием Печинкиным и водителем Костей Посылкиным поехали на нашей съемочной «Волге» к въезду в город со стороны Арзамаса и там у поста

ГАИ с помощью дежурных сотрудников милиции перекрыли этим новым картонным трафаретом устаревший металлический трафарет с надписью «Горький». И сняли на киноплёнку для завтрашнего телеэфира, как машины приезжают в Нижний Новгород и уезжают из Нижнего Новгорода. Утром эти кадры показали на всю страну.

СТАРШИЙ БРАТ ОТЦА

Я недавно подсчитал, что за восемь десятилетий жизни в Горьком — Нижнем Новгороде с детства до сегодняшнего дня, в городе, ставшем мне по-настоящему родным, я сменил шесть адресов, мой нынешний — седьмой по счету.

16 сентября 1941 года, на двенадцатый день плавания из Сталинграда, пароход «Анатолий Серов» причалил в Горьком.

В этот день закончилась для меня и мамы эвакуация из Николаева, которая началась 8 августа и проходила на перекладных: на арбе, пешком, на поезде, на пароходе...

В Горьком шел редкий сырой снег. По деревянным сходням мы поднялись к лестнице, а затем по ней к улице, усеянной мокрыми желтыми листьями. Не помню многих деталей, но помню, что мы стали сразу искать адресное бюро. Оно оказалось вроде бы где-то недалеко от улицы с причалами. Там были столы, накрытые толстыми стеклами, под которыми лежали образцы документов, в которых отражались потолочные белые плафоны. Мы искали адрес папиного старшего брата — Цирульникова Абрама Иосифовича, который с супругой — Цилей Марковной и двумя сыновьями Иосифом и Владимиром, по нашим сведениям, с апреля или мая 1941 года проживал в Горьком, переехав сюда из города Запорожье.

Его перевели на Горьковский металлургический завод, чтобы обучал здешних плавильщиков оборонным маркам стали. Миссия видимо была секретной, потому Абрам Иосифович числился замдиректора завода по экономическим вопросам. А насколько успешной — можно судить по тому, что в 1944 году он был награжден орденом Красной Звезды. Так что два моих дяди, брат отца — тыловик Абрам Иосифович и брат мамы фронтовик Абрам Аронович стали кавалерами боевого ордена Красной Звезды...

Поистине, прав был замечательный поэт Михаил Луконин, с которым я был знаком: «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд»...

...Старшего их сына Иосифа, или как его звали в семье, Юзика, в доме по адресу — Московское шоссе, 17-а, мы не застали — он был в армии, учился в военном училище, потом погиб в бою под Сталинградом...

* * *

Я только много лет спустя узнал, что Абрам Иосифович был авторитетным металлургом, организатором производства и видным руководителем на заводах в Днепропетровске и Запорожье. Приведу один только факт. Это было уже после его смерти (он умер в декабре 1971 года), в феврале 1976 года на XXV съезде КПСС. В перерыве я пригласил Константина Михайловича Симонина и космонавта Алексея Архиповича Леонова сфотографироваться с группой делегатов из Дзержинска. И не успел щелкнуть затвором фотоаппарата, как в кадр вбежал худощавый человек и пристроился сбоку со словами: «Хочу с космонавтом и писателем запечатлеться!» Я ему сказал, что это фотографируются химики из города Дзержинска. И услышал в ответ: «Очень хорошо! Я их металлом обеспечу...» Когда я нажал на затвор и все стали расходиться, он подошел ко мне и поинтересовался, как получить снимки. Я сказал, что ничего не гарантирую, потому что я не профессиональный фотограф и не уверен, что у меня все получилось... И потом, я же не знаю, кому и куда высылать снимки. Он махнул рукой: «Это все очень просто: Москва, Минчермет, Брежневу Якову Ильичу, дойдет, я брат Леонида Ильича...» Тут кто-то из наших делегатов окликнул меня по фамилии, мол, что отстал от нас, пошли... Яков Ильич оживился: «Твоя фамилия Цирульников?» — «Да, а что?» — «Был у меня один хороший знакомый в Днепропетровске — Цирульников Абрам Иосифович. Он был замдиректора завода, а я начальником смены в цехе. Хороший был руководитель. Его и Леонид Ильич знал и уважал, он там секретарем обкома партии был. Порой мне от Цирульникова этого доставалось на орехи. Но орехов этих, прямо скажу, я заслуживал... Сколько лет прошло, а до сих пор помню, хотя сам уже заместителем министра работаю...»

Пришлось признать, что мир тесен, и только жаль, что не смогу передать привет от него дяде, хотя ему, наверно, это было бы приятно... Фотографии Якову Ильичу я сделал и выслал. Думаю, что дошли...

Чтобы не возвращаться к этому, раз уж к слову пришлось, расскажу о курьезном эпизоде, связанном с моим знакомством с Яковым Ильичом Брежневым. На съезде и делегаты, и гости, и журналисты в перерывах брали автографы у знаменитых людей страны. Я приспособил для этого одну из записных книжек и попросил Якова Ильича расписаться.

— Я сейчас так тут распишусь, что все, кому покажете, удивятся — как мой брат Леня расписывается. Только первая буква будет «Я», но похожая на «Л».

И расписался. Первым, кто «удивился», был тогдашний министр внутренних дел Николай Щелоков, к которому я подошел за автографом.

— Это как вы ухитрились взять у него автограф? — спросил и озадаченно посмотрел на меня генерал.

— Да, он тут ходил в перерыве, я попросил его расписаться... — я старался быть серьезным, говорил, не выдавая подвоха, придуманного вовсе не мной.

— Тут? Ходил? — в глазах генерала промелькнуло не просто недоумение, а что-то наподобие испуга. — Почему же я не знаю об этом?! Когда это было?!

И тут я «чистосердечно признался»:

— Это же Яков Ильич Брежнев...

У генерала отлегло от сердца:

— Ну, Яшка, ну, плут, как подпись подделал, меня в заблуждение ввел!..

Леонид Ильич Брежнев, между прочим, ни разу в дни работы съезда в перерыве к делегатам в фойе не вышел...

Вспомнил еще один эпизод из жизни старшего брата отца.

Как-то я приехал в командировку в Москву на Центральное телевидение. И остановился на три дня в семье Абрама Иосифовича. Он всегда требовал, чтобы все его племянники, приезжая в столицу жили у него на улице Строителей, дом 17, квартира 41, и обижался, когда кто-то останавливался в гостинице. Однажды за ужином я спросил его, почему приезжая в Горький из Москвы, где он работал заместителем начальника главка в министерстве черной металлургии, он только изредка заходил к нам домой, хотя целые дни проводил рядом на заводе «Вторчермет». «Что-то ваш брат не больно хочет с вами знаться», — говорили наши соседи из заводского дома. Мне слышать это было очень обидно, и через много лет я спросил об этом дядю Абрашу.

— Конечно, ты слышал про «Ленинградское дело», по которому были осуждены и расстреляны видные руководители ЦК партии и правительства — руководитель Госплана Вознесенский, секретарь ЦК партии Кузнецов, председатель Совета министр РСФСР Родионов. А когда меня переводили из Горького на работу в Москву, именно Михаил Иванович Родионов, который еще был тогда первым секретарем Горьковского обкома ВКП(б) подписал рекомендацию на мое трудоустройство в Минчермете. Теперь ты можешь понять, чего я опасался: ведь поднимали все документы, связанные с этими людьми. И тогда обо мне могли сказать, что я ставленник врага народа Родионова и предъявить документ с его личной подписью. Я сказал твоим родителям, что в случае чего вы ничего не знаете, наш московский родственник у нас почти не бывает, связи с ним не поддерживаем. И соседи, и сослуживцы отца тому свидетели... К счастью, все обошлось.

А.М. Цирульников

ХОХЛОМСКАЯ ВАЗА ДЛЯ ЭКИПАЖА «ВОСХОДА»

Мое знакомство с фабрикой хохломской росписи в городе Семенове произошло еще в студенческие годы. Мы ездили туда с поэтическими десантами — на родину выдающегося поэта Бориса Корнилова, погибшего в 1938 году в «ежовских» застенках с клеймом — «враг народа». Ездили еще до его официальной реабилитации...

В пятидесятых годах и в начале шестидесятых электрички до Семенова не ходили, их еще не было, а были поезда на Киров, Котельнич, Шахунью с общими вагонами, вот мы и ехали в них. Борис Пильник, Михаил Шестериков, Нил Бирюков, Михаил Сточик, Александр Люкин, Владимир Автономов, Лазарь Шерешевский — признанные поэты, члены Союза писателей, и мы еще без своих книжек, а только с публикациями в областных газетах — Юра Адрианов, Валера Шамшурин, Коля Рачков, Ира Морозова, Толя Гринес, я...

Выступали в железнодорожном клубе, в районном доме культуры, в техникуме и в цехах самой фабрики, читали стихи — свои и Бориса Корнилова. Образно говоря, мы возвращали его на родину, напоминали о нем землякам, которые о нем забыли, не вспоминали или не знали...

Навещали на Учительской улице, 16 его маму Таисию Михайловну и записывали ее воспоминания о Борисе.

Когда после окончания университета начал работать на телевидении, я стал приезжать в Семенов на съемки для «Горьковских новостей» и для ЦТ СССР об интересных событиях в Семенове и Семеновском районе. У меня установились добрые отношения с первым секретарем райкома партии Доброхотовым, директором Хохломской фабрики Демидовым, редактором газеты Мухиным.

Собственно, «Хохломская роспись» неожиданно оказалась причастной к налаживанию моих знакомств с первыми советскими космонавтами. Правда, к тому времени я уже пообщался с Юрием Алексеевичем Гагариным и Андряном Григорьевичем Николаевым. А сейчас речь об экипаже первого многоместного космического корабля «Восход» — Владимире Комарове, Константине Феоктистове и Борисе Егорове. Они летали в середине октября 1964 года. Случилось так, что стартовали они «при Хрущеве», а возвратились «при Брежнев»: за то время, пока они находились в космосе, в СССР сменилась руководство страны.

На летном поле во Внукове трех новых Героев Советского Союза встречал не один первый секретарь ЦК КПСС, как было во время прилетов Гагарина, Титова, Николаева, Поповича, Быковского и Терешковой, а гурьбой все «кол-

лективное руководство» — президиум ЦК КПСС, где Брежнев был еще первым среди равных...

На Центральном телевидении в Москве готовили так называемую «Звездную эстафету новостей». Вообще-то, обычно «Эстафеты новостей» выходили в эфир раз в неделю каждый четверг как расширенное приложение к выпускам «Новостей». Программы «Время» еще не было. В «Эстафетах» были репортажи, интервью, фрагменты фильмов и спектаклей, музыкальные номера. А когда начались космические полеты, то родилась традиция — чествовать новых героев страны в специальных «Звездных эстафетах новостей». Вел эти программы главный редактор информационных передач Юрий Валерьянович Фокин — пожалуй, самый популярный человек в тогдашнем эфире. Во время полетов именно он поддерживал или делал вид, что поддерживает, связь в прямом эфире с пилотами на космических высотах. Он сидел у монитора с гарнитурой наушников на голове и микрофоном в руке. Правда, коллеги тогда говорили, что провода от этих приборов связи никуда не были подключены. С Шаболовки прямого общения с теми, кто на орбите, еще не было. Это был просто антураж. Фокину принадлежит фраза «Говорит и показывает советское космовидение!».

Так вот во время подготовки «Звездной эстафеты новостей» Юрий Валерианович позвонил в Горький нашему главному редактору Льву Андреевичу Баринину: «Мы просим коллег из Горького подумать и подготовить какой-то оригинальный подарок для экипажа «Восхода» и виртуально вручить его в прямом включении из Горького на всю страну во время «Звездной эстафеты новостей». У вас есть Автозавод, Сормово, другие предприятия — есть, где найти решение!». После разговора Лева вызвал меня: тебе поручение...

И изложил суть беседы с Фокиным. К тому времени у меня уже был небольшой опыт прямых включений в «Эстафету новостей».

Идея пришла с ходу — обратиться на Хохлому и попросить изготовить расписную ракету с тремя иллюминаторами, в которых виднелись бы лица Комарова, Феоктистова и Егорова.

Я тут же позвонил на фабрику Семену Андреевичу Демидову и изложил нашу идею. «Представляете, какая это реклама для вашего предприятия!» — уговаривал его я, честно говоря, мало или ничего тогда не понимая, что такое реклама. В эфире ее еще совсем не было. Семен Андреевич понимал про рекламу куда лучше меня. Единственное, что его смущало — это сроки, все надо было сделать за пять дней — вырезать из липы детали, собрать три ступени и корпус с кабиной для экипажа, расписать, высушить... И успеть доставить к эфиру в студию в Горький.

Я, помню, посочувствовал ему: «У вас же еще и технология!» Он рассмеялся: «Иногда приходится не подчиняться ей, а подчинять технологию себе!»

На Хохломе поступили именно так: великая художница Екатерина Николаевна Доспалова привезла вазу прямо к передаче, которая в Москве уже шла: «Осторожно, держите: еще краска не совсем просохла, чтобы пальцы не отпечатались...»

Космонавтов поздравляла с успешным полетом вся страна, виртуально вручали им самые разные сувениры, характерные для тех или иных городов и поселков. Мы были готовы включиться в разговор в любую секунду. Великолепная высокая ваза стояла передо мной на низком столике. Три огромных телекамеры-циклопа любовно оглядывали ее со всех сторон, сверху вниз и снизу вверх.

Фокин представил меня и спросил, какой подарок подготовили горьковчане. Я с гордостью показал ракету из дерева, выточенную и расписанную хохломскими мастерами. И когда из студии в Горьком это изделие заполнило собой телеэкран, в студии в Москве зааплодировали, и Владимир Михайлович Комаров отреагировал на это словами: «Спасибо горьковчанам, которые нам и деревянную ракету подарили!..»

На следующий день наш постоянный цензор негодовал, как могла такая фраза космонавта прозвучать в эфире. На что я резонно возражали, что это от меня и моих коллег никак не зависело. Мы говорили только про деревянную ракету. Да и по сути дела Комаров никакой другой не тоже не назвал...

Мой собеседник не унимался: «Зачем он сказал — «И»?»

— Надо же, как много значит даже не одно слово, а один звук, одна буква! — отреагировал Алексей Архипович Леонов, когда у нас на телевидении я рассказал ему про этот случай. — Впрочем, вашему цензору вовсе не надо было так сокрушаться, ведь Володя Комаров сработал как раз во благо цензуры: дезинформировал все иностранные разведки и зарубежных шпионов, потому что настоящие «недеревянные» ракеты строились как раз не в Горьком, а в другом большом городе на Волге.

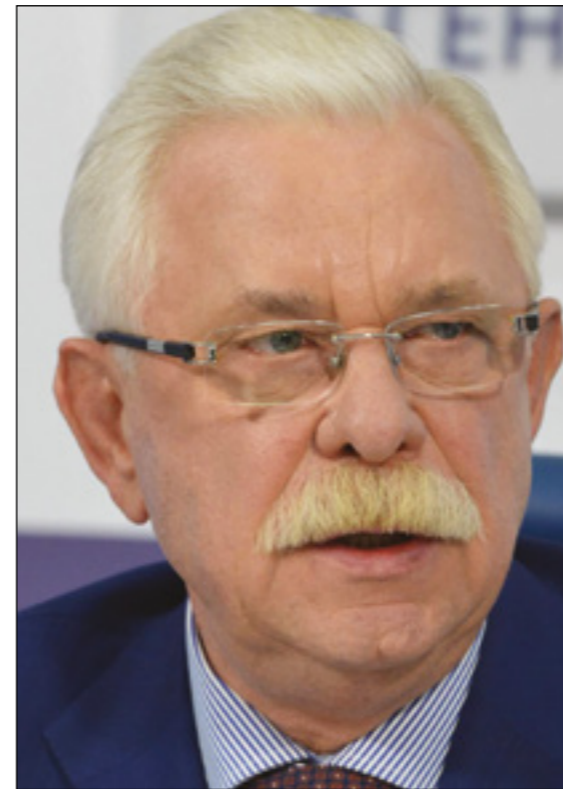
Леонов тогда поостерегся назвать Куйбышев.

Но добавил:

— Хотя для космоса ваш город делает много других необходимых изделий...

А.М. Цирульников

ПОМОГ АЛЕКСАНДР РУЦКОЙ

А.В. Руцкой

В чем разница между моей работой на ТВ и работой моих нынешних молодых коллег?

Ответ просто: мы гонялись за событиями и рассказывали о них. А теперь гоняются за происшествиями и рассказывают о них. Для меня было важно, как на автозаводе готовятся запустить в производство ГАЗели, а для моих нынешних коллег — в каком платье или без платья вышла на эстраду Ольга Бузова.

Отсюда и масштаб информации той и этой. И уровень запросов телезрителей, который воспитывает и определяет телевидение.

Раньше «Новости», «Время» и «Вести» начинались с сообщений о важных делах, а сейчас о ЧП, о которых прежде информировали в конце выпусков.

Упадок начался, когда править ТВ начала коммерция, когда информация стала товаром Березовского, Гусинского, Абрамовича, Прохорова.

До меня это доходило трудно. Помню, узнал, что на наш авиазавод «Сокол» прибыла делегация ВВС Индии, чтобы приобрести наши МиГи-29 и МиГи-31 во главе с их министром обороны. Позвонил в Останкино, рассказал, что ожидаются демонстрационные полеты. Это известие возбудило дежурного редактора Володю Цыганкова:

— Вот на полеты обрати особое внимание, ищи нюансы!

Мы с оператором Сашей Маловым все подробно сняли, побеседовали с индийским министром, с директором завода Владимиром Михайловичем Помоловым, сделали упор на то, какие перспективы возникают у горьковского завода в сотрудничестве с ВВС Индии. Приехали на студию, звоню в Москву, мол, все сняли, кадры отличные интервью очень важные.

— А пробные полеты сняли?

— Конечно!

— И как они прошли?

– Отлично! Индусы были очень довольны. И наши тоже.

– И что, ничего не случилось? Ни один из самолетов не упал?

– Ну, зачем же нам такой репортаж? Это нас сейчас не интересует.

И отказались от материала, который был важен для будущего завода «Сокол» и его коллектива....

Событие состоялось без происшествия! А это было для новых хозяев ЦТ не интересно.

Я видел свою задачу в помощи предприятиям города и области. Информация в «Новостях» и «Времени» помогала найти новые производственные и экономические связи. Ликвидировать сбои в работе.

Приехали на главный грузовой конвейер автозавода, а он стоит, свет горит только дежурный, темно и тихо. Спрашиваю генерального директора Бориса Павловича Видяева, что случилось?

– «Обувки» нет! Не во что одевать колеса, завод в Борисове шины не поставил... Я остановил конвейеры...

Тут же сняли об этом репортаж. В «Новостях» в 11 утра он вышел на всю страну в эфир — в Горьком автозавод прекратил сборку грузовиков. Знаю, что Видяеву сразу же позвонил вице-президент РСФСР Александр Руцкой. Оказалось, что шины в Борисове есть, но не на чем их доставлять в Горький. Руцкой созвонился с маршалом авиации Шапошниковым, и на прорыв были направлены несколько Ил-76-тых, которые доставили шины из Борисова в Горький. В выпуске «Новостей» в 18 часов этого же дня мы показали, что конвейеры ГАЗа работают, шины есть и готовые грузовики выходят из сборочного корпуса...

Потом, осенью 1993 года мы встретились с Руцким в Городце на открытии памятника Александру Невскому и вспомнили, как помогли автозаводу в 1992 году.

Я тогда обратился к Руцкому с новой просьбой. Наш нижегородский путешественник мой друг Валентин Ефремов отправился с оператором и радистом на острова Беннета в Северном Ледовитом океане, чтобы доставить туда отлитый в Выксе огромный крест. И больше месяца от них ни слуху, ни духу. Живы ли? Руцкой тут же по сотовому телефону позвонил командующему полярной авиацией. На поиски вылетели три самолета. Нашли одинокую палатку на дрейфующей льдине и двух человек, которые махали летчику. Третий — больной, был палатке с мертвой рацией, у которой разрядилось питание... Спасли!..

Я обратил внимание на то, что раньше материалы, которые помогали предприятиям жить и выживать, стали теперь не в чести. И как-то редактор по связи с городами Костя Грудкин мне объяснил:

– Березовский, который отслеживает каждую информацию перед эфиром, вовсе не заинтересован в твоих предприятиях, они не его и конкуренты его

ВАЗа. Он будет рад, если ты будешь снимать сюжеты против ГАЗа, не помогать ГАЗу, а ниспровергать ГАЗ, тогда ты будешь ему нужен...

Я сказал, что этого Березовский от меня не дожждется. Я работаю на свой город и ему помогаю, как могу.

– Тогда ты можешь остаться без работы! — предупредил меня Грудкин...

Я несколько раз получал задания сделать репортаж о бесперспективности Горьковского автозавода и его машин в новых условиях жизни и работы. Я избегал это делать или делал так, что доказывал, что ГАЗ нуждается в дополнительном внимании и заботе государства. И обосновывал это, беседуя с руководителями завода и авторитетными рядовыми работниками цехов.

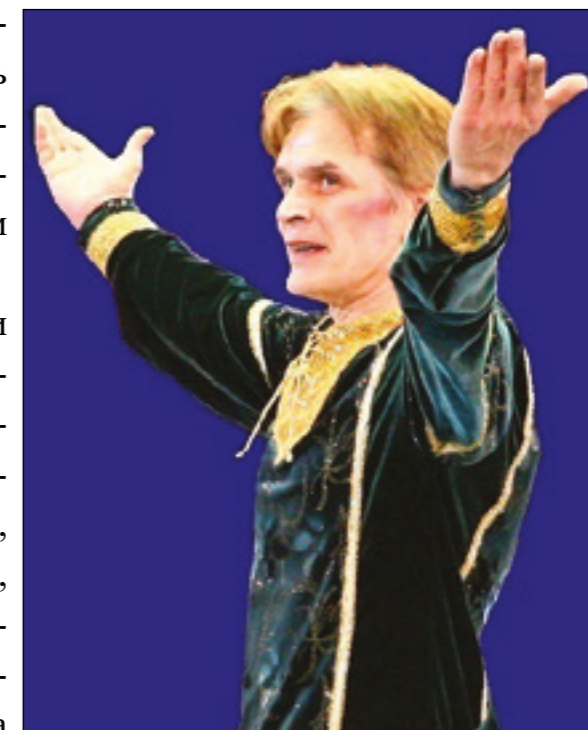
ГОРОД И ГОРОЖАНЕ

- М.А. Чириков. Легенда нижегородского цирка
- А.М. Цирульников. Человек из цирка
- Александр Асеевский (А.П. Пашков). Память о Ветеране
- П.А. Климешов. Поэт от изоискусства
- Н.Г. Кондратьева. К 20-летию танцевального клуба «Вита» им. Н. И. Лещева
- О.В. Куранова. «Из праха земли светоносною сделаться точкой...»
- И.О. Панченко. «Черный пруд» на Черном пруду
- Н.В. Вертлиб, М.В. Шайхутдинова. Памяти Б.С. Извекова

ЛЕГЕНДА НИЖЕГОРОДСКОГО ЦИРКА

Когда речь заходит о выдающихся нижегородских артистах, в первую очередь вспоминают актеров театра и кино, забывая о том, что есть жанр, в котором нашему городу есть кого вспомнить и о ком рассказать. Я имею в виду цирк.

Построенный в XIX веке братьями Никитиными на Нижегородской Ярмарке стационарный цирк был центром внимания публики всех возрастов и сословий. Весной он стоял наполовину в воде, а как только половодье заканчивалось, цирковой флаг взмывал в небо, раздавался призывный голос зазывалы-клоуна, и нижегородская публика наполняла круглый зал с манежем посередине.

Валерий Щербаков

Много лет прошло с тех пор. Цирка на территории Ярмарки уже нет, но стоит на берегу Оки построенный уже в советские годы красавец-цирк, недавно реконструированный и вошедший в число лучших цирковых комплексов мира.

Ему есть что и кого вспомнить. Мы имеем возможность смотреть лучшие программы любой сложности. Звезды циркового искусства со всего мира приезжают сюда, чтобы порадовать нижегородцев. Есть среди них и наши героини-нижегородцы. Когда-то на его арене выступала легендарная дрессировщица, народная артистка СССР Маргарита Назарова, известная не только выступлениями с тиграми на арене цирка, но и съемками в кино. Фильм «Полосатый рейс» с ее участием стал классикой комедийного жанра.

Маргарита Петровна долгое время жила в Нижнем Новгороде, скончалась 25 октября 2005 года, похоронена на Федяковском кладбище.

С 2012 по 2019 год художественным руководителем Нижегородского цирка был другой легендарный дрессировщик, народный артист России Михаил Ашотович Багдасаров. Он привозил в Нижний лучшие цирковые программы, мечтал создать музей истории нижегородского цирка, но не успел. В 2019 году уехал в Москву в генеральную дирекцию Росгосцирка. Скончался 3 мая 2021 года в Москве на 76-м году жизни от последствий коронавирусной инфекции. Прощание прошло 11 мая в Цирке на Цветном бульваре.

Можно вспомнить и других выдающихся артистов, связанных с историей горьковского (нижегородского) цирка. Их имена золотыми буквами вписаны в историю мирового, российского и нижегородского циркового искусства.

Сегодня я хочу рассказать о ныне здравствующем выдающемся цирковом Артисте, вся жизнь которого тесно связана с Нижним Новгородом, но которого с полным правом можно назвать человеком мира — Валерии Щербакове.

Обладатель многочисленных званий и премий в области циркового искусства после 39 лет триумфальных выступлений с уникальными программами по всему миру жонглер и эквилибрист Валерий Щербаков вышел на пенсию и вернулся в родной Нижний Новгород.

Мы познакомились с ним более 10 лет тому назад, когда задумали навещать ребят Сормовского детского дома и устроить для них мастер-класс по жонглированию. Мировая легенда цирка в общении с детьми оказалась до-

Валерий Щербаков с детдомовцами

брым и веселым дядей Валерой, понимающим детскую душу и трудности, с которыми приходится сталкиваться этим ребятам с непростой судьбой.

Валерий рассказал ребятам, как увлёкся цирком в раннем детстве. С самого раннего детства, чуть ли не с трех лет любимым его занятием было подбрасывать предметы. Летало всё, что попадалось под руку — подобранные на улице камешки или кусочки пластилина, которые мгновенно превращались в кругляши и взмывали к потолку. Но лучше всего, конечно же, получалось с небольшими мячиками, которыми он удивлял всех вокруг, ловко перекидывая их из руки в руку. Уже в детстве увлечение Валеры превратилось в стремление стать артистом, жонглером. Он воплотил свою мечту в 8-м классе.

– Тогда директором Горьковского цирка был Иван Панкратьевич Маринин, а главным режиссёром Юрий Владимирович Свирелин, я подошёл к ним и попросил разрешения заниматься в спортзале, они мне разрешили. Это был 1973 год. В тот момент на гастролях в Горьковском цирке работала программа Игоря Кио.

Так Валерий Щербаков попал в цирк. Правда, до выступлений на манеже было еще далеко. Началось постижение азов жанра, и, хотя не всё давалось легко, каждый день приобщения к искусству приносил радость. Сразу после занятий в школе Валера прибегал в зал и часами, забывая о времени, бросал и ловил кольца, пытался постичь закономерность капризного жанра. Репетировал, наблюдал за выступлениями работающих в программе жонглеров, копировал их технику, манеру поведения на арене.

Ребята слушали гостя, затаив дыхание. А Валерий продолжал свой рассказ:

– В 1976 году я познакомился с известным жонглером, уроженцем города Горького Евгением Биляуэром. Круговерть булав, колец в руках мастера завораживала меня своей непостижимостью. Это был тот эталон, к которому я стремился. Я приходил на каждое его выступление, а частенько и на утрен-

ние репетиции, пропуская занятия в школе. Вскоре моя мечта стать артистом сбылась. Работавшая в одной из программ семья Биляуэров пригласила меня в групповой жонглерский номер «Веселые повара». Был успех, аплодисменты — казалось, что еще надо. Но мне хотелось чего-то большего, хотелось получить основательную школу не только жонглирования, но и других цирковых жанров. С этой мечтой в 1983 году я поехал поступать в ГУЦЭИ (Государственное училище эстрадно-циркового искусства, Москва). Номер «Соло-жон-

глер», который я подготовил для вступительного экзамена, увидел Юрий Гаврилович Мандыч. После показа номера Юрий Гаврилович подошел ко мне и сказал: «Зачем тебе училище? Ведь ты уже артист, работаешь на манеже. Есть такой номер — «Жонглеры на стрелах». Там сейчас ищут партнера. Хотел бы стать его участником?». Так Мандыч «сосватал» меня в номер, который, как показало время, стал делом всей моей жизни.

Прежде чем перейти к истории этого легендарного номера, скажу, что после того мастер-класса в детском доме один из мальчиков записался в детскую цирковую студию и несколько лет занимался у Михаила Ашотовича Багдасарова. Но артистом цирка так и не стал. В этом виде искусства мало иметь только желание, способности и талант. Нужны трудолюбие, упорство, терпение и целеустремленность, а порой и самопожертвование, что как раз и отличает Валерия Щербакова. А иначе бы не сложилась история номера на стрелах, о котором лучше всего расскажет историк и эксперт циркового искусства Николай Аракелов:

— Номер «Жонглеры на стрелах», которым руководил Борис Афанасьев, подготовил Юрий Мандыч в 1973 году. Он же сконструировал уникальный аппарат, раскрывающий с необычной стороны возможности жанра. Это действительно было необычно — две пятиметровые стальные стрелы соединяются в центре манежа. А на трех небольших площадках, в месте соединения и на противоположных окончаниях стрел, стоят артисты и перебрасываются булавами. Во время жонглирования неожиданно для зрителей стрелы то синхронно поднимаются, то опускаются, а то и вращаются по кругу... Но еще удивительнее было то, что творили на этом аппарате Борис Афанасьев, Юрий Лобзов, Елена Бубнова и Валерий Щербаков.

Пресса тех лет отмечала уникальные перекидки двенадцатью, шестнадцатью булавами. Это был настоящий миниатюрный цирковой спектакль, которым восхищались и наши, и зарубежные зрители. Тем обиднее, что в самый пик своего расцвета, в 1995 году номер перестал существовать. Основные партнеры ушли из цирка, а подобрать новых артистов такой же квалификации, обучить их специфике работы на аппарате оказалось делом на тот момент невозможным. И Щербаков задумал свой соло-номер «Ритмы метронома». Оттолкнувшись от идеи Мандыча, он изготовил аппарат кардинально иной конструкции — стрелу, которая поднимает артиста и, описав дугу, передвигает его на 180 градусов, от одного края манежа на другой.

— Тогда пришлось основательно повозиться, — вспоминает Валерий. — Вместе с братом мы разрабатывали чертежи, обращались за помощью к специалистам, вытачивали трубы, покупали двигатель. Через четыре месяца стилизованный гигантский метроном был готов. На нем я исполнял различные вариации жонглирования.

Аппарат был, конечно, не идеально совершенен. Подъемы и перемещения по горизонтали происходили не плавно, а с некоторыми толчками, впрочем, зрителю незаметными. Но к работе на такой конструкции надо было привыкнуть.

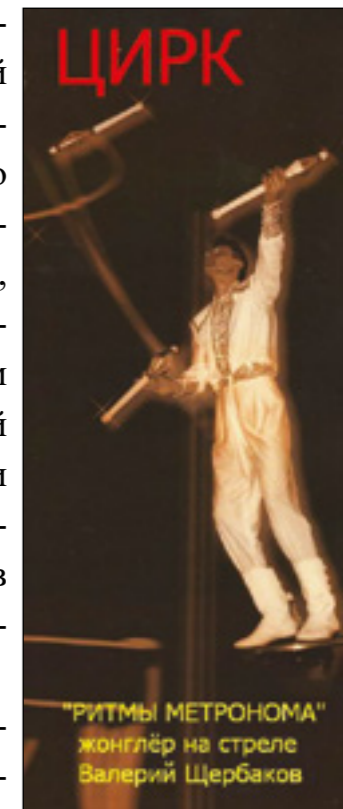
Валерий Щербаков вспоминает:

— Малюсенькая площадка, на которой я стоял, вибрировала и вздрагивала чуть ли не на каждой фазе движения. И приходилось, не прекращая жонглирования, постоянно балансировать, чтобы не сбиться с ритма и не свалиться. Так что жанр, в котором я работал, был сродни почти жонглированию на скачущей лошади.

Николай Аракелов комментирует:

— Те, кто видел этот номер, помнят, как металлическая стрела поднимала артиста на три метра над ареной, а затем опускала уже у противоположного барьера. И Щербаков не только заправски держался на крохотном пяточке — не в этом была основная цель — в руках у него мелькали кольца, булавы. И нельзя было оступиться, сделать и шага в сторону.

Успешные выступления продолжались пять лет. Но не давала покоя мысль о «стрелах» — о номере, который вошел в золотой фонд нашего цирка и, который было бы несправедливо предавать забвению, — так считал Щербаков, отправляя письмо за письмом в Росгосцирк. И в 2001 году мечта его сбылась.

Российская государственная цирковая компания приняла решение восстановить номер. Сделать это поручили Валерию Щербакову. Основной проблемой было найти партнеров, артистов, в которых бы сочетались навыки жонглирования и эквилибристики. Валерий пригласил в номер Михаила Найденова, который осваивал в ГУЦЭИ науку жонглирования, но работал в группе джигитов Бяшима Аннаева. Второго исполнителя Кирилла Капустина нашли в цирковой студии Пензы. Так собрался этот небольшой коллектив. Репетиции проходили в Тульском цирке. Буквально по десять часов в сутки. Партнеры привыкали к аппарату, пробовали жонглировать в разных положениях — на крошечных площадках двух синхронно поднимающихся и вращающихся по кругу стрел. Осваивали новое для себя пространство и специфику работы. Попробуй тут удержаться, да еще и жонглировать в такой круговерти. И надо ли говорить, что перебрасываться предметами на подобной карусели гораздо труднее, чем на просторном манеже, где можно свободно двигаться и гораздо проще поймать брошенную партнером булаву. Площадка на стреле ограничивает движение, диктует свои условия. Поэтому учились при вращении стрел бросать булавы не в руки партнеру, а на несколько метров в сторону, по ходу движения. Учились корректировать направление и силу бросков булав в зависимости от скорости движения и перемещения стрел. Малейшая ошибка — и неизбежен завал трюка. Так заново рождался номер. Начинать приходилось практически с нуля. Первоначальный вариант, в котором работало четыре человека, теперь, в уменьшенном составе, надо было переработать, изменив композицию, перестроив трюковые комбинации, добавив что-то новое, например, необычную перекидку «Фонтан», когда вереница булав, перелетая от партнера к партнеру, образует затейливый узор в воздухе.

По ходу номера движение стрел изменяет положение партнеров по отношению друг к другу, расстояние между ними то увеличивается до десяти метров, то предельно уменьшается. Переходя от одного элемента к другому, артисты не перестают жонглировать восемью, девятью и даже десятью булавами, и это делает всю композицию удивительно цельной, органичной. При этом стиль номера сдержан, без внешних эффектов, комплиментарных пауз, без подчеркивания сложности. Артисты стремятся сосредоточить внимание зрителей, прежде

всего на состоянии свободы и уверенности, легкости исполнения непростых трюков. Номер выгодно отличают исключительная точность, ритмичность и согласованность действий артистов. Это действительно уникальное зрелище, в котором слились скорость и ловкость, внутренняя раскованность, умение увлечь зрителя своим искусством. Всё выступление проходит, словно на одном дыхании. У зрителя невольно создается ощущение, будто все увиденные трюки рождаются тут же, на глазах у всех.

Трудно что-то добавить к этой профессиональной оценке. Но тем более будет важно рассказать, как непросто далась Валерию работа по формированию коллектива и воссозданию этого номера.

В тот период мы с Валерием уже тесно общались, и я видел, как сложно было ему решать сначала технические задачи по созданию новой надежной конструкции, потом проблемы с подбором талантливых ребят и формированием коллектива. В тот момент я увидел, что добрый и улыбчивый дядя Валера может быть жестким и бескомпромиссным, невероятно требовательным и даже конфликтным, когда дело касалось качества номера во всех его деталях.

К этим проблемам добавились серьезные проблемы со здоровьем. Превозмогая боль, он упорно репетировал номер. А молодые ребята, которым порой здорово доставалось от Мастера, все больше привязывались к нему и уже не представляли своей профессиональной жизни и карьеры без него. Особенно я ощутил их любовь и переживание за жизнь Учителя (вопрос действительно стоял о жизни и смерти), когда мы вместе приехали к Валерию в Нижегородский кардиологический центр. Ребята не были многословными, но в каждом из них чувствовалась любовь и готовность сделать все возможное и невозможное для спасения любимого человека.

Валерия поддерживало все цирковое сообщество. Когда врачи вынуждены были все-таки ампутировать ногу, Росгосцирк, Союз цирковых деятелей и кол-

Команда Щербакова с заслуженной наградой за шоу «Гравитация»

леги-артисты собрали деньги на изготовление дорогого немецкого протеза и тем самым продлили артистическую жизнь Валерия. Он как постановщик и руководитель программы еще несколько лет колесил с королевским цирком Гии Эрадзе по России и всему миру, вызывая аплодисменты и признание публики.

За номер «Гравитация» коллектив Валерия Щербакова получил звание лауреата 5-го Международного фестиваля циркового искусства в Китае.

После успеха в Китае был поставлен новый номер под названием «Карусель российских виртуозов». Признанием высочайшего уровня этого номера стало включение его в программу юбилейного спектакля в честь 100-летия Государственного цирка России в московском цирке на Цветном бульваре.

Приз XVIII Московского фестиваля «Бронзовый слон»

Приз международного фестиваля «Золотой слон» в Жироне, 2020 г.

И тогда Николай Аракелов написал:

«Валерий Щербаков смог передать молодым жонглерам свой опыт, обучил их мастерству и сценическому движению. И сегодня номер жонглеров на вращающейся стреле под названием «Карусель Российских виртуозов» радует и восхищает зрителей, в 2020 году он стал бронзовым призером международного фестиваля «Золотой слон» в Жироне.

Пройдут годы, и вновь на ярко освещенном манеже будет появляться легендарный, знакомый уже не одному поколению зрителей необычный аппарат, на котором работают артисты. Будет продолжаться жизнь номера, вошедшего в золотой фонд советского и российского цирка, чтобы вновь удивлять, восхищать и радовать новые поколения зрителей».

Цирковая награда Российского цирка Валерию Щербакову

Сам мастер недавно был удостоен почетного звания «Артист года-2019». Диплом и приз Союза цирковых деятелей России ему вручал народный артист России Евгений Биляуэр, тот самый, с которым начиналась долгая, непростая, но невероятно успешная карьера артиста Валерия Щербакова.

Валерию Щербакову есть чем и кем гордиться. Его ученики — жонглеры на стрелах Николай Бакуненко, Кристина Кожунова и Дмитрий Барышников с честью продолжают дело Мастера.

Выйдя на пенсию, Валерий по-прежнему интересуется цирком и переживает за его будущее, переписывается и перезванивается со своими бывшими коллегами. А когда в гости приезжает Евгений Биляуэр, то воспоминаниям нет конца. На одной из таких встреч мне посчастливилось быть. Мы сидели на крохотной кухне хрущевской квартиры Валеры в Канавинском районе Нижнего Новгорода, я слушал двух легендарных артистов и казалось, что вокруг нет стен, а есть огромное мировое пространство, наполненное воспоминаниями о гастролях, городах и странах, непростых судьбах артистов и цирковом искусстве, в котором сочетаются мастерство и мужество, аплодисменты и травмы, красота и сила и все то, за что мы любим цирк.

Статья в испанской газете

Приз «Артист года-2019»

А.М. Цирульников**ЧЕЛОВЕК ИЗ ЦИРКА**

Случилось так, что о смерти Ивана Панкратьевича Маринина я узнал только в июле 2010 года. А умер он 30 апреля на 85 году. Сами понимаете, газеты ни 1 мая, ни в ближайшие последующие дни не выходили, а появились только ближе к Празднику Победы, к 65-летию, которое отмечалось очень широко, и ему были посвящены все материалы. Короче говоря, ни строчки о смерти Маринина я нигде не прочитал. Ирония судьбы в том, что Иван Панкратьевич покинул нас в дни, которые всегда были для него самыми напряженными и суматошными в работе: целая декада из государственных праздников — 1 Мая, 5-е — День Советской печати, 7-е — День Радио, 9-е — День Победы. И все они в той или иной мере отмечались в здании цирка — в областном, городском или районном масштабе. И торжества всегда завершались представлением, какое было в репертуаре на тот момент.

Иван Панкратович Маринин

Ивана Панкратьевича, как мне кажется, в городе знали все. Во всяком случае, имели представление, что он директор Горьковского цирка. Есть люди, у которых фамилия уходит как бы на второй план, а главным становится имя-отчество. Это чисто русское явление, которое проявляется в отношении замечательных врачей, учителей, продавщиц соседнего магазина, дворников со стажем, и, если хотите, больших начальников...

Когда в июне 1962 года я был принят в штат Горьковской студии телевидения, Маринин уже год был директором цирка-шапито на Московском шоссе у перекидного пешеходного моста через железную дорогу на площадь Челюскинцев у Московского вокзала. Это был большой, вместительный, приметный цирковой шатер, который работал только в теплое время года. На его опилочной арене выступали все самые известные в то время мастера жанра. Особым зрительским ажиотажем пользовались соревнования борцов. Это было, как теперь бы сказали, шоу. Героем был наш земляк Василий Мазенков,

который укладывал на лопатки всех подряд, кроме большого серо-шоколадного негра Фрэнка Гуда, с которым борьба заканчивалась с переменным успехом. Фрэнк Гуд тоже был жителем нашего города, он эмигрировал из США в СССР и проживал в Канавине с женой и дочкой. Жена его была родной сестрой Эсланды Робсон — супруги знаменитого тогда американского чернокожего певца Поля Робсона, коммуниста и друга СССР. Теперь понятно, что поединки Мазенкова и Гуда были обусловленными заранее, но борцы замечательно изображали накал борьбы, остервенело бросали друг друга на ковер, чудом выворачивались из цепких захватов, вызывая неистовство болельщиков. Их рев и свист сотрясали всю округу.

С первых же послевоенных лет в городе ходили разговоры о строительстве стационарного цирка, ссылались даже на какое-то довоенное распоряжение Сталина об открытии в Горьком базовой арены для подготовки программ «Союзгосцирка». И приход Маринина директором в шапито связывали с предстоящим строительством. Исходили из того, что Иван Панкратьевич был фронтовиком, который успел проявить свои организаторские способности в руководстве садом им. 1 Мая в Канавине, на строительстве кинотеатра «Буревестник» в Сормове, начальствуя в службе кинофикации.

Меня с Иваном Панкратьевичем познакомил мой друг и коллега по телевизионным «Горьковским новостям» Геннадий Алексеевич Захаров, который как информационный корреспондент курировал тогда все городские новостройки, в том числе и цирк. Его здание возводили в Канавине на улице Коммунистической на месте бывшей Владимирской церкви. В 1965 году в апреле, в канун дня рождения В.И. Ленина, на арене состоялось первое представление для строителей цирка. Вот тогда Захаров взял меня на эту премьеру и представил Ивану Панкратьевичу, невысокому, худощавому, подвижному, скорому и очень занятому человеку лет сорока. Мы только обменялись рукопожатиями, и он сразу исчез, опираясь на палку и припадая на искаленную ногу. Про себя я решил, что он был ранен на фронте. И только значительно позже узнал, что увечье произошло уже после войны: на Маринина случайно наехал милицейский мотоцикл. И он сделал все, чтобы избежать различных следствий и расследований, не хотел подставлять милиционеров, которые этот наезд совершили, а их было двое. Шло время, Маринин про это ЧП не рассказывал, и с годами сложилось, что в его хромоте виновата война. Все военные годы он служил на Дальнем Востоке в Тихоокеанском флоте. Имел боевые награды.

У Ивана Панкратьевича на первом этаже был большой продолговатый кабинет с двумя входами-выходами. Один был из фойе, а другой из рабочей зоны за кулисами. Как правило, через один к директору приходили зрители и гости, через другой — гастролеры, актеры, служащие манежа.

30 лет ЗАКУЛИСЬЕ

ОТКРЫТИЯ ЦИРКА ОСТАЛОСЬ ЖДАТЬ ЧУТЬ БОЛЬШЕ ГОДА

В советские годы горьковский цирк считался культовым местом. Досчитать билет на представление было просто невозможно. На арене блистали Юрий Никулин, Мстислав Запашный, Маргарита Назарова, Игорь Кио и многие другие знаменитости, чьи имена известны во всем мире. Бывший директор горьковского цирка Иван Маринин рассказал "АиФ-НН" не только о встречах с прославленными артистами, но и о том, кто положил начало цирковому искусству в нашем городе.

«...И недурны клоуны»

ВСЕ началось с известного саратовского цирка Петра Никитина. Еще ребенком он вместе со своим отцом Александром Никитиным выступал в уличных балаганах, изображая Пестро или всем известного Петрушку. Разбогатев и став директором самого крупного провинциального цирка, Петр Александрович получил от нижегородской городской конторы билет на строительство цирка. 28 июля 1883 года состоялось первое представление. В газете "Нижегородская армия" тогда писали: "Ичера открылся цирк братьев Никитиных. Постройка и отделка его весьма недурны. Цирк довольно обширен. Места удобны. Что же касается исполнительской, то они

Когда в Нижнем прозвучит «Парад, алле!»?

Маринин те времена, когда на арене цирка блистала Маргарита Назарова, недавно ушедшая из жизни. Такой самоотдачи и трудолюбия не было ни у кого из артистов. Только она и ее муж Константин могли репетировать чуть ли не каждый день по два раза в сутки - ночью и утром, а вечером выступать со своим номером.

В горьковский цирк приезжали с гастролями известные артисты, например Олег Понев, для которого специально был сооружен вагон-трамвай. Сам цирк тоже выезжал с представлениями по Горьковской области, Советскому Союзу и миру. Особо запомнились Ивану Панкратову совместная поездка вместе с Игорем Кио в колхоз им. Сталина, где им был оказан радужный и теплый прием.

Несмотря на почтенный возраст (а Ивану Панкратову исполнилось 82 года), он пребывает в бойком расном духе. Любит да и сам не прочь написать мемуары, к тому же недавно уже придумано "Не сломить долгого кавала".

Особое внимание директора цирка только одна власть привлекает. Желательно, когда у Ивана Панкратовича был восьмидесятилетний юбилей. Было много поздравлений, телеграмм с пожеланиями долгих лет жизни.

8 ГОСТИНАЯ -РВ-

№ 19 (12 мая) «Российский ВЕСТНИК»

«ЦИРК — ЭТО СМЕЛОСТЬ И СИЛА, РАДОСТЬ И КРАСОТА»

ИВАН МАРИНИН, директор Нижегородского цирка:

Если вам кто-нибудь скажет, что в наши дни цирк, искусство, которое было некогда популярно, стало редкостью, вы можете смело сказать: «Нет, не так! Цирк — это смелость и сила, радость и красота». Иван Маринин, директор Нижегородского цирка, рассказывает о своей работе и о том, как он пытается вернуть цирку былую славу.

«Плес» стал?

Если вам кто-нибудь скажет, что в наши дни цирк, искусство, которое было некогда популярно, стало редкостью, вы можете смело сказать: «Нет, не так! Цирк — это смелость и сила, радость и красота».

Цирк вчера и завтра

История нашего цирка весьма интересна. На протяжении XIX века Нижегородский цирк был одним из лучших в России. Он привлекал зрителей из всех уголков страны. Но в XX веке цирк стал терять популярность. Это произошло из-за появления кинематографа и телевидения. Однако Иван Маринин считает, что цирк должен развиваться и оставаться популярным.

ЯЗЫКОМ ЦИФР

СТРОИТЕЛЬСТВО нового здания цирка началось в 1994 году. К сегодняшнему дню выполнено 80% объема работ.

В будущем

После Великой Отечественной войны в Горьком действовал цирк летнего сезона.

Маринин готов писать мемуары

НОВАЯ жизнь циркового искусства началась в 1961 году с приездом в наш город Ивана Маринина. Этот период в его жизни он считает самым ярким и счастливым. Иностранным коллегам.

Вот таким стоит обновленный Нижегородский цирк.

2 ГОЛОС ВЕТЕРАНА

НАШИ ДАТЧИ

Настоящий директор

Иван Маринин — настоящий директор цирка. Он прошел путь от уличного балагана до одного из лучших провинциальных цирков. Его работа — это постоянная борьба за развитие искусства.

Юрий Никулин тоже реконструировал цирк

31 мая 1981 года в Горьковском цирке дано последнее представление. Это произошло из-за реконструкции здания. Юрий Никулин, один из величайших артистов цирка, вернулся на арену только через несколько лет.

«Вам! Не любил кино, а в тебе не забуду!»

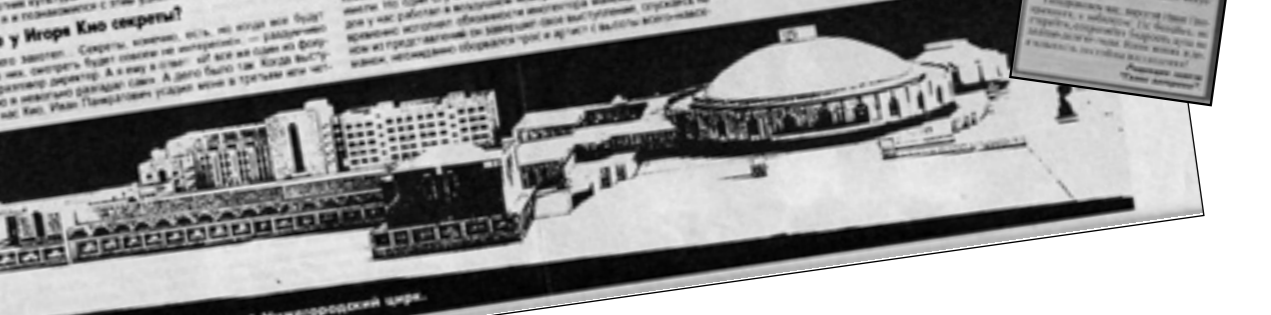
Ю. Никулин, 16.04.72 г.г.

Трус не играет в хоккей

Артисты цирка обычно говорят между собой так: «Сидеть в редакции цирка». Значит, не сидеть, а работать. Иван Маринин, директор цирка, рассказывает о своей работе и о том, как он пытается вернуть цирку былую славу.

Каше у Игоря Кио секрет?

«О, что за каша! Секрет, конечно, есть, но когда вы будете знать о нем, секрет будет открыт и никому...» — ухмыльнулся Иван Маринин, директор цирка. А дело было так. Когда выступал Кио в цирке, Иван Маринин всегда был рядом с ним.

Хозяин никогда не был в одиночестве. В любое время дня и ночи кто-то к нему приходил попить чайку и чего-нибудь покрепче. Маринин был великим хлебосолом и рад был каждому, кто его навещал. Во всяком случае, так виделось.

Помню, году в 1977 весной мы с сыном Аркашей к нему зашли перед представлением, а у него в кабинете кинорежиссер Николай Губенко. Маринин проводил нас в директорскую ложу.

Спрашиваю у Губенко: «Что вас привело в наш цирк?».

– Собираюсь снимать новый фильм, по сюжету нужен клоун. Посоветовали посмотреть того, кто сегодня здесь гастролирует...

Кажется, это был фильм «Из жизни отдыхающих» 1980 года.

Меня порой удивляло, как люди находят дорогу в этот кабинет. И какие люди! Приезжие в наш город. Казалось бы, далекие от цирка! Но как-то «примагничивались» они к Панкратьевичу.

Прочитую несколько строк из своей книги «Космонавты на нижегородской орбите»:

«Я был свидетелем одного такого срыва летом 1978 года на Бору, куда Космонавт-2 приехал на Стеклозавод, чтобы поменять на своей «Волге» светлые стекла на темные. Важно понять, что он всю жизнь переживал, что Гагарин слетал раньше, чем он. Как-то я поздравил его 12 апреля с Днем Космонавтики. Он обиделся: «Это же самый черный день в моей жизни!». Не буду вдаваться в подробности того борского вечера, после чего я понял, что космонавты — самые обычные наши люди со всем, что обычным нашим людям может быть свойственно. И если к космическим перегрузкам они приспособлены, то земные переносят весьма болезненно. Во всяком случае, вернулся я в тот день из Бора в плохом настроении. Никак не мог уснуть. В три часа ночи вскочил из-за неожиданного телефонного звонка. Звонил директор Горьковского цирка мой хороший знакомый Иван Панкратьевич Маринин: «Саша, я сейчас пришло за тобой свою машину, приедешь?».

Я ответил, что еще слишком рано, чтобы в гости ходить. Маринин среагировал:

– Ну, тогда я передаю трубку хорошо знакомому тебе человеку, который и попросил меня тебе позвонить...

– Александр Маркович, можно Саша, это я Герман... Титов! Хочу извиниться за то, что знаю, тебе не понравилось на встрече в Бору... Сейчас я уже в форме, водитель тоже. Едем в Москву, сегодня в 11 буду на докладе у министра обороны...

Я поблагодарил Германа Степановича за звонок и пожелал хорошей дороги... Больше повода с ним, чтобы встретиться не случилось.»

Не случилось мне узнать у Маринина, как судьба свела его с Космонавтом-2...

«Нижегородские новости», 15 октября 2003 года
рубрика Александра Асеевского.

ПАМЯТЬ О ВЕТЕРАНЕ

Директор Горьковского –Нижегородского цирка, Иван Панкратьевич Маринин.

НЕ СЛОМАЮТ КАЗАКА...

Чай с легендарным директором Горьковского цирка
Иваном Панкратьевичем Марининым

Чай наш и разговор с Иваном Панкратьевичем Марининым начался с того, что в его нынешнем небольшом кабинете неожиданно собралось довольно много людей. А сами понимаете, разговор в компании совсем не то, что один на один. Кто-то подхватывает одну реплику, продолжает вторую, ну а третий уводит беседу в такую сторону, что обязательно требуется продолжение темы, но оно никогда не следует, потому что один из собравшихся уже сел на любимого конька. В общем, разбирая записи и пометки своего разговора с Иваном Панкратьевичем и его гостями, я волей-неволей выделил несколько историй и сюжетов, наверное довольно случайных. Но в общем-то, если разобраться, в нашей жизни случай, случайность, нечаянность, ирония судьбы, неожиданность, сюрпризы и преднамеренности имеют место. И даже не малое.

Александр Асеевский (Пашков)

Из кулаков в комсорги

У бабушки Ивана Панкратьевича было четверо сыновей. Один стал начальником милиции, троих других и ещё деда случайно раскулачили. Для начала отправили на поселение. 80 километров от Караганды и степь да степь кругом. Всё бы ничего, но дед читал Библию, а отец увидел, как заболела лошадь, испугался (кругом говорили о сибирской язве), увёл животное куда-то далеко, пристрелил и глубоко закопал. Этим своим поступком он смутил «тройку» — особое совещание, — очень уж поступок напоминал действия врага народа. Словом, случайно, на минуточку, отец и дед загремели под Воркуту.

– Там, — говорит Иван Панкратьевич, — культурно проработали десять лет, до 47-го года. Потом спустя время я на них справки получил, что, мол, за отсутствием состава преступления...реабилитированы.

Случайность всё это.

Ну, а сын раскулаченных «врагов народа» (сын за отца, а тем более за деда, не отвечает) в положенные сроки прибыл на Тихий океан служить в Военно-морском флоте. Конечно, лучше бы в кавалерию, потому что Маринины из донских казаков, и сейчас у Ивана Панкратьевича карта Волгоградской области всегда под рукой. И где стоял родной хутор Марининых, он в любой момент покажет с точностью до двух километров. Но службу не выбирают, попал Иван Маринин в отдельный 67-й тихоокеанский батальон.

Парнишка оказался грамотным и расторопным. Несмотря на кулацкое прошлое, И. П. Маринина назначили комсоргом батальона. Так и проходил в комсоргах лет пять. А когда пришла пора уходить в запас, вызывают в штаб. Там в присутствии офицера СМЕРШа мягко так убеждают написать рапорт — мол, «для Родины ничего не пожалею и прошу зачислить на сверхсрочную службу». Смершевец напомнил, что для сына и внука врагов народа это доверие командования части, комсомола и в их лице даже лично товарища... Как откажешься от такого? Но позднее И. П. Маринин о сверхсрочной не пожалел, потому что благодаря ей случайно встретил свою будущую жену, только что закончившую Горьковский педагогический институт и приехавшую в Находку по распределению, послужил на разных должностях, например начальником библиотеки клуба офицеров.

В общем, в 1948 году в Горький после демобилизации приехал бравый молодец и, что с ним случится в дальнейшем, мало кто мог знать и предполагать. Судьба, одним словом.

Зашёл в цирк на минуточку...

Сначала его вывел из трамвая какой-то служащий из Сталинского райсовета. Послушал-послушал он, что рассказывает своему знакомому бывший краснофлотец, да и пригласил сойти на ближайшей остановке, где сейчас же предложил работу в своём районе. Потом было много всего. Был Иван Панкратьевич директором парка им. 1 Мая. Какой-то комиссии понравилось, как он вёл дела, и его перебросили в Сормово достраивать кинотеатр «Буревестник». Здесь у него тоже всё получилось, и стал он директорствовать в городской кинофикации. Пока однажды знакомый партийный туз не вызвал его к себе и подобающим торжественно-доверительным голосом не объявил:

– Мы тут посоветовались, будешь директором цирка... Вчера на бюро обкома партии утвердили...

– С этим утверждением случайно оказалась одна морока, — говорит Иван Панкратьевич. — Позднее стали просматривать документы, и выяснилось, что я ещё не утверждён ни райкомом, ни горкомом партии. Пришёл я в цирк в 1961-м году, а спустя восемь лет меня утверждали в райкоме, спустя десять лет — в горкоме.

Хотя наверное, И. П. Маринину это было без разницы. Во-первых, он-то думал, что зашёл в цирк на минуточку, во-вторых, просто был занят делом. Сначала цирк-шапито, что стоял на гордеевском пяточке у Московского вокзала, заменили более внушительным сооружением на территории нынешнего Канавинского рынка. Это было деревянное строение, обложенное кирпичом, и представления в нём шли уже круглый год. Но мало того, оказывается, существовало давнее распоряжение, подписанное ещё самим И. В. Сталиным, о строительстве в Горьком стационарного цирка, который ещё должен стать постановочным, то есть в его недрах готовились бы новые программы и номера. Даже появился проект нового цирка, но тогдашнему руководству обкома он не нравился. Вдруг меняется первый секретарь обкома, и случайно за строительство нового цирка принимаются с небывалым усердием, хотя и не без волюнтаристического начала. Секретарю обкома и новому главному архитектору города не нравилось, что главный цирковой вход на проекте развёрнут на улицу Коммунистическую, а сзади, вплоть до улицы Марата, запроектированы служебные помещения-артистические и прочее. Проект развернули, сооружение подсобных сооружений сократили, а новый цирк торжественно открыли 20 апреля 1964 года.

– Мы сразу же стали мучиться, — говорит Иван Панкратьевич, — ни подобающих артистических, ни мало-мальской вентиляции, ни подходящих условий для содержания животных... Вот почему мы настаивали на доработке проекта, на капитальном ремонте цирковых сооружений и закрылись-таки 30 мая 1984 года, случайно торжественно пообещав всем открыться ровно через два года.

Народный директор

Мы подошли, может быть, к самому главному в сегодняшних заметках. В этой истории есть и неслучайные события. Более сорока лет директорствовал в Горьковском цирке И.П. Маринин. Перелистывая его коллекции-снимки, программки, письма и записки, видишь, что он жил, работал среди самых легендарных имён советского циркового искусства. Нет такой цирковой знаменитости, с которой не был бы знаком, не дружил Иван Панкратьевич. Более того, он сам стал знаменитостью и легендой цирка. Будучи человеком коммуникабельным, добросердечным, доброжелательным (не зря ещё в армии его заметили и назначили комсоргом), он всегда умел найти общий язык с вла-

стью, хозяевами города. Цирк ведь — это огромная машинерия. Сейчас почему-то стало модным рассказывать, например о секретах фокусов Копперфильда. Посмотрите сколько тонн аппаратуры «тянется» за каждым превращением этого фокусника. И так было всегда. И всегда цирковые артисты мучились, где взять, где достать, где изготовить. В Горький к Маринину любили приезжать, потому что он много помогал. Благодаря всегдашней своей доброжелательности, он умел «зарядить» на изготовление оборудования для цирковых номеров крупнейшие заводы Горького, в том числе и оборонные. Он был, как бывают народные артисты, народным директором. Явление уникальное и неповторимое. Подобное случается редко. В театральной среде из уст в уста передаются рассказы о замечательных директорах. Иван Панкратьевич Маринин из тех, он тоже легенда советского цирка...

В самом конце 2001 года, чтобы оформить себе как участнику Великой Отечественной повышенную пенсию, он написал заявление об уходе с работы, предварительно договорившись с Росгосцирком, что сразу после оформления документов снова попросится на службу. О договорённости случайно забыли.

Как партвласть боролась с «оборотнями»

(вполне правдивое отступление)

Не хотелось, чтобы мы в конце концов вырулили на грустное: и цирка в Нижнем нет, и его знаменитый директор вроде не у дел. Уверяю вас, Иван Панкратьевич — человек весёлый... В те легендарные дни, когда министр Грызлов предстал перед Российскими телезрителями и объявил, что обезврежена группа «оборотней» в погонах, журналисты одного телеканала пробилась к даче одного из арестованных. Вышла на крыльцо бабушка, перепуганная, расстроенная — оказалось, тёща. В сердцах она высказала телегруппе:

— Да вы посмотрите вокруг, какие оборотни?.. Все ведь так живут...

Панорама оператора почти на 360 градусов подтвердила скромное обаяние тех, кто может себе позволить дачку в стиле «новых русских»

Случайно сыщикам Грызлова это долго не удавалось разглядеть. Зато у КПСС на этот счёт был определённый порядок.

Ехал как-то И.П. Маринин из Москвы на машине. Дело было летом. Стояла жара, и хотелось выкупаться. Да вот, где? Уже и Клязьму проскочили, а места подходящего не попадалось. Вдруг откуда-то с грунтовой дороги выскочил на шоссе легковой автомобиль явно с дачниками.

— Стоп, — командует И.П. Маринин, сворачиваем и по следу легковушки.

И точно. Через пару сотен метров речка Сейма делала замечательный вилок, а рядом ещё и озерцо какое-то. Да что там, кто-то позаботился и сколотил столик и лавку. Курорт!

После купания И. П. Маринин известил: «Это моя дача будет». И в цирке стал говорить: «Вот у меня на Сейме такая замечательная дача».

— А вскоре меня вызвали в горком, — говорит Иван Панкратьевич, — и очень известный теперь в городе человек потребовал объяснить, откуда у меня средства на сооружение дачи. Потом ездили ещё посмотреть мою дачу. Случайно история тянулась долго...

А я вспомнил рассказ известного в Нижнем журналиста В.И. Королёва, к сожалению ныне покойного, о том, как его, молодого партийного работника, однажды командировали на Бор проверять сигнал: секретарь тамошнего горкома всё повторял: «Моё хозяйство, мои угодья». Когда проверяемый узнал, в чём суть дела, то даже изменился в лице. Привёз В. И. Королёва в какое-то красивое лесное место и сказал: «Вот здесь я хожу, думаю, отдыхаю...»

Вот такая случайность. При всех колоссальных знакомствах и связях, сын И. П. Маринина закончил мехмат МГУ и работает просто учителем в школе. Внук поступил в лингвистический без конкурса, потому что стал победителем олимпиады. Раскулачивать И. П. Маринина во второй раз случайно не придётся-нечего брать, разве что дачу на Сейме, но, возможно, её уже присмотрел какойнибудь «новый русский».

Волшебное слово «цирк»

(совершенно правдивая история)

Маринин продолжал возить своих знакомых на сеймовскую дачу, когда однажды... Тогда цирку дали новую машину, а Иван Панкратьевич был чем-то недоволен в приобретении. Когда гости плескались в Сейме, он сел за руль и попробовал подняться на ближайший взгорок. Попытка удалась, но затем автомобиль заглох и как-то самостоятельно покотился вниз. Анализируя ситуацию, И.П. Маринин заметил, что машина уже в озерце и лучше её покинуть. Тёмные воды сомкнулись над «Волгой», а директор растерянно смотрел на гостей. Один из них предпринял решительные меры. Выскочил на Московское шоссе и через какое-то время радостно обнаружил, что по дороге движется колонна военной техники. Гость буквально кинулся под колёса «газика». Из него вылез раздражённый генерал и, не используя ни одного общепринятого слова, только с помощью отборного русского мата объяснил, что случайно попадать под колёса и гусеницы бронетехники в тот момент, когда она выполняет боевую задачу, нехорошо.

— Да, — согласился страждущий, — но там утонула машина директора цирка, того самого цирка, который дарит радость детям и взрослым любимой советской страны.

Генерал задумался. При слове «цирк» что-то его озадачило. И взявшийся как будто из-под земли какой-то старший лейтенант продолжил с помощью слов «хреновень» и ряда других необщепотребительных убеждать, что надо помочь. Машину вытащили удивительно быстро, минут через пятнадцать. Она даже своим ходом вернулась обратно в город. Это история (кому непонятно) о том, как любили в своё время цирк. Это абсолютно неслучайно.

О характере и привязанностях

Маринин прихрамывает. Это случилось давно. Провожал воскресным вечером знакомую семью, которая была в гостях. Усадил в такси, помахал рукой, и отъезжающие гости в заднее стекло заметили, что на Ивана Панкратьевича наезжает милицейский мотоцикл с коляской. Дело было при немногочисленных свидетелях, милиционеры были не правы, и в больницу к И. П. Маринину зачастил следователь.

— А я так подумал, — говорит Иван Панкратьевич, — у наехавших на меня наверняка есть дети, а я всё же жив, да гори всё синим пламенем — не буду никаких претензий предъявлять. Меня и к прокурору несколько раз вызывали, но я на своём стоял: никто не виноват. Чистая случайность.

В молодости в руки Ивана Панкратьевича попала книжка Циолковского, изданная в 1928 году. Она произвела на него ошеломляющее впечатление: он с помощью неё догадался, что человеческие, разумные существа не одиноки во Вселенной. Сегодня одно из любимейших чтений Ивана Панкратьевича — книги, журналы, статьи об НЛО.

Ещё Иван Панкратьевич может присесть 150 раз. Попробуйте, сколько у вас получится... А вообще И.П. Маринин убеждён, что возраст человек делает себе сам.

Он поведёт нас в музей

Если 41 год отдать цирку, стать в нём фигурой заметной и знаменитой, то... В общем, случайно у И.П. Маринина собрался уникальный архив истории цирка: фотографии, бутафория... Это он хранил многие годы знаменитые клоунские башмаки Юрия Никулина. Уходя на пенсию, разумеется, сдал их на склад. Недавно обнаружили, что никулинских башмаков нет. Человек, ответственный за их хранение, припоминает, что отдал кому-то на новогодние праздники, да вот, кому именно, случайно запомнил. Но и без никулинских башмаков И.П. Маринин собрал редкостную цирковую коллекцию. То ли она растает в пространстве, как башмаки Ю. Никулина, то ли ей уготовано нечто лучшее, трудно сказать. В характере И.П. Маринина — не сдаваться. Сейчас он вынашивает новую мечту-идею: в одном из ближайших к цирку зданий, там

была когда-то школа, организовать музей циркового искусства. Наверное, это реально, и кто-кто, а И. П. Маринин может добиться своего.

Направляясь к Ивану Панкратьевичу на беседу, я убеждал себя не спрашивать его ничего о цирковом долгострое. Тема не просто трудная, но болезненная. Сидя в отпуске на даче, я увидел в программе нижегородского телеканала министра культуры М. Швыдкого, который на фоне цирковых построек убеждал телезрителей, что дел осталось всего чуть-чуть — на 250-280 миллионов рублей, и вот уже их обязательно разыщут к 2006 году. Почему не к 2008-му, например, или 2005-му, для меня лично осталось тайной. Пытаясь её разрешить, я обратился к одному нижегородскому чиновнику, который тут же запретил упоминать его имя в печати, но всё же выдал прогноз: и в 2006 году нижегородский цирк открыт не будет. Стройку, по его мнению, настигнет передел собственности.

Я не удержался и попросил комментария у Ивана Панкратьевича. Он был более сдержан:

— Цирк — федеральная собственность, и пока нет признаков её передела или подобных намерений. А 250 миллионов найти можно и не дожидаясь 2006 года... В кабинете директора цирка на Цветном бульваре Юрия Никулина висел портрет Лужкова. Вы думаете, это случайно?..

Мы попили чай и рассматривали разные редкости из папок Ивана Панкратьевича. Далеко он их не прятал... Может, нам всем повезёт, и мы пройдемся по залам музея с экскурсоводом И.П. Марининым? Не спрашивайте как. В хорошее надо верить.

Павел Климешов

член Союза писателей России

ПОЭТ ОТ ИЗОИСКУССТВА

Николай Павлович Мидов, широко известный нижегородский художник-график, — дитя предвоенного поколения. Он родился в 1932 году на рабочей окраине Горького, а значит «золотая» пора детства пришлась на годы страшной войны. Суровые, полуголодные мальчишеские бдения, прерываемые укромными вылазами на близлежащую военную часть, где, рискуя, пацаны искали патронные гильзы, исследовали разрушенный вражеский танк и ещё кое-что полузапретное...

Потом последовала рабочая юность: напряжённые смены на заводе «Красный Якорь», срочное восполнение знаний в школе рабочей молодёжи... и неотступные мечты об искусстве. Николай уже азартно рисовал портреты матери и старшего брата, окрестные виды, успевал делать зарисовки в заводской обеденный перерыв. Мечты никак не отпускали! Вскоре он поступил в Горьковское художественное училище. В 50-х годах прошлого века наше училище высоко котировалось в стране: в нём был сильный преподавательский состав, резко для тех времён эрудированный. В стенах тогдашнего училища студенты познакомились с зарубежным искусством — репродукциями работ Сезанна, Матисса, Пикассо и французских импрессионистов; а западное искусство в хрущёвские времена было под запретом и выжигалось калёным железом. Но в училище царил «опасная» свобода мнений, отчего наиболее рьяные «революционеры» подвергались умеренным репрессиям — перевод в иногороднее «правильное» учреждение или срочная отправка в армию.

К счастью, Николай Мидов миновал их и благополучно закончил курс обучения. Впереди — неизвестная творческая дорога, одиночество и только от

тебя, от воли твоей зависит достигнешь ли манящих, лучезарных высот. За долгие творческие годы пройден многотрудный путь. По словам самого художника, методом проб и ошибок он освоил-таки тонкости сложнейшего графического ремесла — офорта, монотипии, гравюры на дереве и линолеуме. Это требует особой собранности, «снайперского» глаза и твёрдой руки, когда на избранном материале тонкими резцами или штихелями проводишь штрихи, меняя их толщину или сплетения, чтобы в чёрно-белом варианте передать на бумаге бетонную плотность здания, трепетную крону растения, небесную лёгкость или текучую зыбь воды.

Но это всего лишь внешняя техническая сторона. Главное — в духовной насыщенности работы, в том сокровенном, что волновало художника...

В жанре графики Николай Павлович начал работать с 1964 года, а с начала 1980-х годов безраздельно посвятил себя родному Нижнему Новгороду — пытался передать его прошлое, настоящее и будущее. А это потребовало яркого новаторского подхода. Понятно, он хорошо помнил город довоенный, а чтобы «увидеть» его века восемнадцатого или девятнадцатого, пришлось прибегнуть к фотоархивам того же Дмитриева. И таким образом рядом с общеизвестными зданиями на мидовских листах стали возникать соборы и часовни, некогда безжалостно разрушенные революционными властями. И город преобразился! Он стал как бы выше, величественней и всеохватней. Более того,

Церковь Георгия Победоносца, 2005, линография

Николай Павлович «осенил» его православной аурой: на листах полноценно присутствуют наши национальные святые, Христос и пречистая Дева Мария, рядом с изображёнными прохожими шагают или возлетают ангелы в эфирном одеянии.

Сам человек православный, художник одухотворил родной город, поместив его во всеобъемлющее святое пространство. Это уникальнейший случай в истории нижегородского изобразительного искусства, именно в этом удивительное своеобразие мидовской личности.

Так что не случайно он был почитаем как верующий график. К этому добавились особые личные качества. Истинно православный, Николай Павлович веровал в Провидение господне равно как и в дьявольские козни, коих на пути художника с опасным преизбытком. Какие незыблемые убеждения надо выработать в себе, чтобы не соблазниться лёгкими путями лести, карьерных ухищрений, чёрной зависти или соперничества не на жизнь, на смерть.

Николай Павлович отвергал всё это, будучи чрезвычайно строгим к себе. Он откровенно признавался: «Какую отрадную стезю даровал нам Господь! Шесть десятков лет рисую и не могу научиться рисовать... Как новую работу делать — так азбуку изучать. Истинно труд наш — путь на Голгофу, а душе — великая радость». Это не пустая рисовка. Готов поклясться перед Господом в том, что это выстраданная правда. Я больше полувека дружил с

Покровка после дождя, 1998, офорт

Речной вокзал, 1993, офорт

Николаем Павловичем, очень уважал его как художника и человека. К несчастью, приходится говорить об этом в прошедшем времени: на мою и, уверен, общую беду, мой дорогой друг скончался в 2022 году на пороге своего девяностолетия.

Но была большая жизнь, были яркие открытия и крупные заслуги перед нашим великим городом. Вечная ему память!

Наталья Кондратьева

К 20-ЛЕТИЮ ТАНЦЕВАЛЬНОГО КЛУБА «ВИТА» ИМ. Н. И. ЛЕЩЕВА.

В 1964 г. студенты из Риги Рудите Биша и Гунтис Озолиньш, учившиеся в Горьковском институте иностранных языков, организовали кружок по изучению современных бальных танцев, как они тогда назывались.

Летом 1965 г. Дом работников просвещения (ДРП) и Дом офицеров объявили набор на курсы бального танца, по окончании которых отобранные по конкурсу лучшие пары в сентябре того же года объединились в первую в городе студию современного (впоследствии спортивного) бального танца. В студии совершенствовались в исполнении танцев стандартной (медленный вальс, венский вальс, медленный и быстрый фокстроты, танго) и латиноамериканской (самба, ча-ча-ча, кубинская румба, пасадобль, джайв) программ.

В числе первых танцевальных пар студии (первый набор 1965 года) были студенты горьковских вузов Владимир Ушаков, Надя Кошелева, выпускница ГГУ Нина Зезина-Носкова, школьница Наталья Струц, инженер ГНИПИ Николай Лещев, единодушно выбранный старостой студии, и дру-

Конкурс в ДК ГАЗ: Наталья и Геннадий Кондратьевы исполняют «русский лирический». 70-е годы

Судьи Лещев, Попов, Сиверс

Конкурс в ДК УВД: в центре Мария и Сергей Пенины, справа Наталья и Геннадий Кондратьевы

гие. В этот первый танцевальный сезон во Дворце культуры Горьковского автозавода был проведен первый показательный конкурс, собравший много зрителей. Первое место заняла тогда пара студии ДРП.

В 1966 г. пара Н. Лещев — Н. Струц удачно выступила в гг. Риге и Ленинграде на городских конкурсах по классам «Д» и «С», заняв в Риге призовое третье место, а в Ленинграде выйдя в полуфинал. Участники студии проводили много показательных выступлений в школах, вузах, Домах культуры и других площадках как в городе Горьком, так и в области. Поэтому число поклонников бального танца неуклонно возрастало. В студии появились новые танцоры: Вячеслав Башулин, Евгений Балаев, Бэлла Тишкова, Валерий Рак, Владислав Козьмовский.

В ноябре 1966 г. по инициативе Горьковского областного комитета ВЛКСМ был проведен первый межгородской турнир по классу «Д», в котором кроме горьковских пар приняли участие танцоры из Минска и Таганрога. С показательными выступлениями в Горький была приглашена из Прибалтики пара международного класса супруги Петрейкисы. Конкурс судили руководитель студии Гунтис Озолиньш, Рудите Биша, судьи международной категории Г. Петрейкис и Я. Паситис (Рига), преподаватель бальных танцев из г. Горького В. Фисикина. Музыкальное сопровождение конкурса было доверено инструментальному ансамблю под управлением В. Белякова. Победителями турнира

по программе стандартных танцев стала танцевальная пара студии при ДРП В. Башулин — Н. Струц.

Танцевальный конкурс «Горьковская осень-66» вызвал огромный интерес горьковчан. На Горьковском телевидении была организована встреча с победителями конкурса, большую статью с фотографиями о конкурсе поместила газета «Ленинская смена», которая на протяжении многих лет была помощником студии в пропаганде бального танца.

После окончания в 1968 г. Горьковского института иностранных языков Гунтис и Рудите Озолиньши, которые к тому времени уже стали семейной парой, покинули наш город и вернулись в родную Ригу. Руководителем студии после отъезда Озолиньшей стал по единодушному решению студийцев ее бесменный староста Николай Иванович Лещев.

К этому времени студия пополнилась новыми танцорами, в ее составе появились Злата Гусева, Ольга Стронская, Татьяна Васильева-Мишутина, Игорь Князев, Владимир Носков, Татьяна Куницына, супруги Воротынцевы, Крупени, Сиверс, Ефремовы, Широковы, Дмитриевы, Ирина Иноземцева, Владимир Гладышев, братья Чевардины, сестры Воскресенские и многие другие.

В начале семидесятых годов в студии началось освоение программы отечественных бальных танцев, которые по распоряжению Министерства культуры включались в турниры по международной программе. «Сударушка» и «Вальс-гавот», «Рилё» и «Вару-вару», «Русский лирический» и «Вальс-мазурка» соседствовали на тренировках с фокстротом и танго, румбой и ча-ча-ча.

В студии появились новые пары, среди них были Сергей Зорин, Юрий Мишутин, Джая Чарыева, Елена Лафер-Погодина, Евгений Борисов, Василий Казаков, Николай Преображенский, Галина Горохова, Галя Тихонова, Володя Виноградов, будущие супруги Кондратьевы и Саватины, Некрахи и многие другие, кто делал первые шаги на паркете Дома офицеров. Впоследствии курсы были организованы и при ДРП. С начинающими танцорами занимались как Н. И. Лещев и его партнерша Татьяна Куницына, так и ведущие танцоры студии. Среди их учеников, успешно выступивших на отборочном конкурсе и попавших в студию, были супруги Жемчуговы.

В 1970 по инициативе Н. И. Лещева во Дворце пионеров им. Чкалова была организована первая танцевальная группа детей — учащихся школ города (до этого бальными танцами занимались исключительно взрослые). С ними начала работать ученица Лещева Наталья Струц. Впоследствии эту группу возглавили Татьяна и Юрий Сиверсы, организовав первую детскую студию современного бального танца «Юность», которая в 2020 г. отметила свое 50-летие. Среди тех, кто начинал тогда танцевать в группе, организованной Лещевым, были Мария и Сергей Пенины — организаторы и руководители танцклуба при

Конкурс бального танца в Доме работников просвещения (70е годы): справа Наталья и Геннадий Кондратьевы, слева Злата Гурьянова и Юрий Тамнатов, в центре Зинаида и Евгений Балаевы.

Доме культуры работников торговли. Появились студии бального танца в городах Горьковской области: Дзержинске в ДК химиков (руководитель Юрий Тамнатов) и в ДК ЧХК (Злата Гурьянова, затем Елена Лафер), в городе Кстово (Валерий Рак), в Арзамасе, на Бору и в других городах. Общее количество молодежи, занимавшейся одновременно в танцевальных студиях и курсах, достигало 300 человек ежегодно.

Студийцы в течение 70-х — 80-х годов регулярно выступали на конкурсах в Горьком и в других городах Советского Союза: Клайпеда и Свердловск, Челябинск и Тольятти, Таганрог и Саратов, Таллин и Куйбышев — вот далеко не полный список городов, рукоплескавших танцорам студии. С 80х годов, когда стали проводиться первые международные конкурсы и чемпионаты, горьковские танцоры стали их участниками.

Студийцы активно участвовали в общественно-политической жизни города, в показательных выступлениях на БАМе, в районах Горьковской области, в различных организациях города, на праздничных концертах.

За годы существования студии бального танца были подготовлены:

- 1 пара международного класса — Николай и Полина Ефремовы;
- пары класса «А» — Кондратьевы, Сиверсы, Балаевы, Саватины, Пенины, Жемчуговы и др.;

- судьи международного класса — Татьяна и Юрий Сиверсы;
- судьи — Н. И. Лещев, Кондратьевы, Жемчуговы, Саватины, Ефремовы, Балаевы и др.

В середине восьмидесятых годов студия временно прекратила свое существование. Многие из бывших танцоров к этому времени уже имели свои студии, кто-то, оставив танцы, целиком отдался основной работе. Однако бывшие студийцы время от времени встречались на танцевальных турнирах областного, межгородского и международного масштаба, дружили семьями.

29 августа 1992 г. танцоров студии постигла тяжелая утрата — скоропостижно скончался Николай Иванович Лещев. К сожалению, в рядах танцоров этого поколения потом были новые потери: Толя Крупеня, Джая Чарыева, Юра Мишутин, Женя Балаев, Анатолий Дмитриев, Злата Гурьянова, Юрий Сиверс, Николай Ефремов — они всегда будут жить в наших сердцах.

2-3 декабря 1995 г. в Гербовом зале Нижегородской ярмарки проводился первый конкурс памяти Н. И. Лещева, посвященный 30-летию студии, которой он руководил более 20 лет, а также 30-летию бального танцевания в нашем городе. Этот конкурс теперь стал ежегодным.

В нашем городе нет теперь почти ни одной школы, клуба или Дома культуры, где бы не был создан танцевальный клуб или школа современного танца. Наиболее известными руководили ученики Лещева: Сиверсы (танцклуб «Юность»), Ефремовы (танцклуб «Риша»), Кондратьевы (танцклуб Арго), Жемчуговы (танцклуб «Ника»), или их ученики: Пенины, Саватины, Бузынины, Громы, Буслаев, Рукавишников и др.

Юрий Сиверс много лет являлся президентом федерации танцевального спорта в Нижегородской области, вице-президентом федерации танцевального спорта России. В настоящее время президентом федерации является Владислав Сламчинский.

В ноябре 2002 г. по инициативе Татьяны Мишутиной, в дальнейшем, избранной президентом ТК «Вита», произошло то, на что никто почти уже не надеялся — в Доме Учителя вновь, после долгого перерыва, собрались те, кто стоял когда-то у истоков бального танцевания в нашем городе. В результате в городе появился новый-старый танцевальный клуб «Вита». Исполнилась мечта многих из нас — снова встать в пары, снова услышать знакомые ритмы, снова, как раньше, повторять вновь и вновь связки шагов, композиции, как будто и не было этих двадцати с лишним лет. И как тогда, в далеких семидесятых, снова к нам потянулись люди, очень молодые и не очень, те, которым в молодости по каким-либо причинам не удалось реализовать свою любовь к танцам.

За время существования вновь создавшегося танцклуба «Вита» его посетили около восьмидесяти нижегородцев. В настоящее время танцклуб «Вита»

насчитывает 45 членов клуба. Педагогом ветеранов бального танца являлась Злата Александровна Гурьянова (Гусева), которая ушла из жизни в 2015 году, а педагогом начинающих танцоров был — Анатолий Витальевич Дмитриев (ушел из жизни в 2013 году). В первые годы существования ТЦ «Вита» педагогами «начинашек» были Елена Погодина и Евгений Борисов.

В настоящее время педагогом ТК «Вита» является Владимир Виноградов. Помимо бальных танцев члены танцклуба «Вита» изучают аргентинское танго, социальные танцы, а также историко-бытовые танцы.

Студия Николая Ивановича Лещева и в дальнейшем ТК «Вита» на протяжении многих лет вносили и вносят большой вклад в развитие культурной жизни города и области.

В 2022 году танцклубу «Вита» исполнилось 20 лет.

Члены клуба Вита

О.В. Куранова
литературный редактор

«ИЗ ПРАХА ЗЕМЛИ СВЕТОНОСНОЮ СДЕЛАТЬСЯ ТОЧКОЙ...»

А.Н. Юрков в Юрковке, 2009 г.

Двадцать пять назад в Нижнем Новгороде, на улице Большой Покровской, открылась необычная галерея художника Александра Николаевича Юркова. В живописных полотнах уникального собрания его работ, в то время пополнявшегося, не использовались привычные материалы. Частицы высушенных листьев, из тех, что по осени облетают с деревьев, — это и были «краски» Юркова. После ухода из жизни в 2014 году автора этих неповторимых картин галерея бережно сохранялась и некоторое время экспонировалась в Выставочном комплексе.

Ныне «Юрковка» — такое название ей дал когда-то сам художник — стала полноценным музеем,

благодаря энтузиазму и самоотверженности Гели Александровны Деулиной и её семьи, а также многочисленных друзей Александра Николаевича. Музей «Юрковка» находится ныне по адресу: Нижний Новгород, ул. Сергиевская, 12.

Об Александре Николаевиче Юркове, его жизни и его уникальном творчестве написан этот очерк.

...Времена не выбирают, и родился Саша Юрков в 1935-м, в таёжной ссылке, куда были сосланы «раскулаченные» родители — крепкие молодые крестьяне — неутомимые труженики и созидатели. Они и будучи переселенцами «поднялись» за несколько лет на пустом месте; да что там на пустом — в глухой тайге, на болоте! И всё-таки отца Юркова и остальных мужчин посёлка вновь арестовали в 1937-м; и из новой ссылки, в СевДвинлаг, он уже не вернулся...

Сыну же предстояла долгая жизнь — жизнь в искусстве, в постоянном труде, в творческих и просто человеческих муках и радостях. Подростком Александр Николаевич Юрков покорила приёмную комиссию Красноярской

А.Н. Юрков У дочной недвижимости 2009 г.

А.Н. Юрков Дуй, ветер, дуй... 2011г.

художественной школы имени Сурикова своими выразительными рисунками. Углём — на обёрточной бумаге. Шёл 1947-й год. Мать будущего художника сама, особым способом, умела пережигать уголь именно для рисовального дела (в юности работала на строительстве храма и научилась у «богомазов»). Для живописных работ вместо отсутствовавших красок шли в ход сажа, глина, синька, мел и даже свекольный сок. Сюжеты были незамысловаты — например, старый стоптанный башмак.

Спустя годы состоявшийся театральный художник Александр Николаевич Юрков оформил за сорок с лишним творческих лет сотни спектаклей в театрах страны — столичных и провинциальных. В 1976 году он приехал в город Горький создавать эскизы для театрального спектакля. И остался в нашем городе навсегда. Десять лет проработал главным художником Нижегородского академического театра драмы. А когда пришло время отойти от дел, понял, что тихая унылая старость — совсем не для него! Настало время раскрытия его дара живописца.

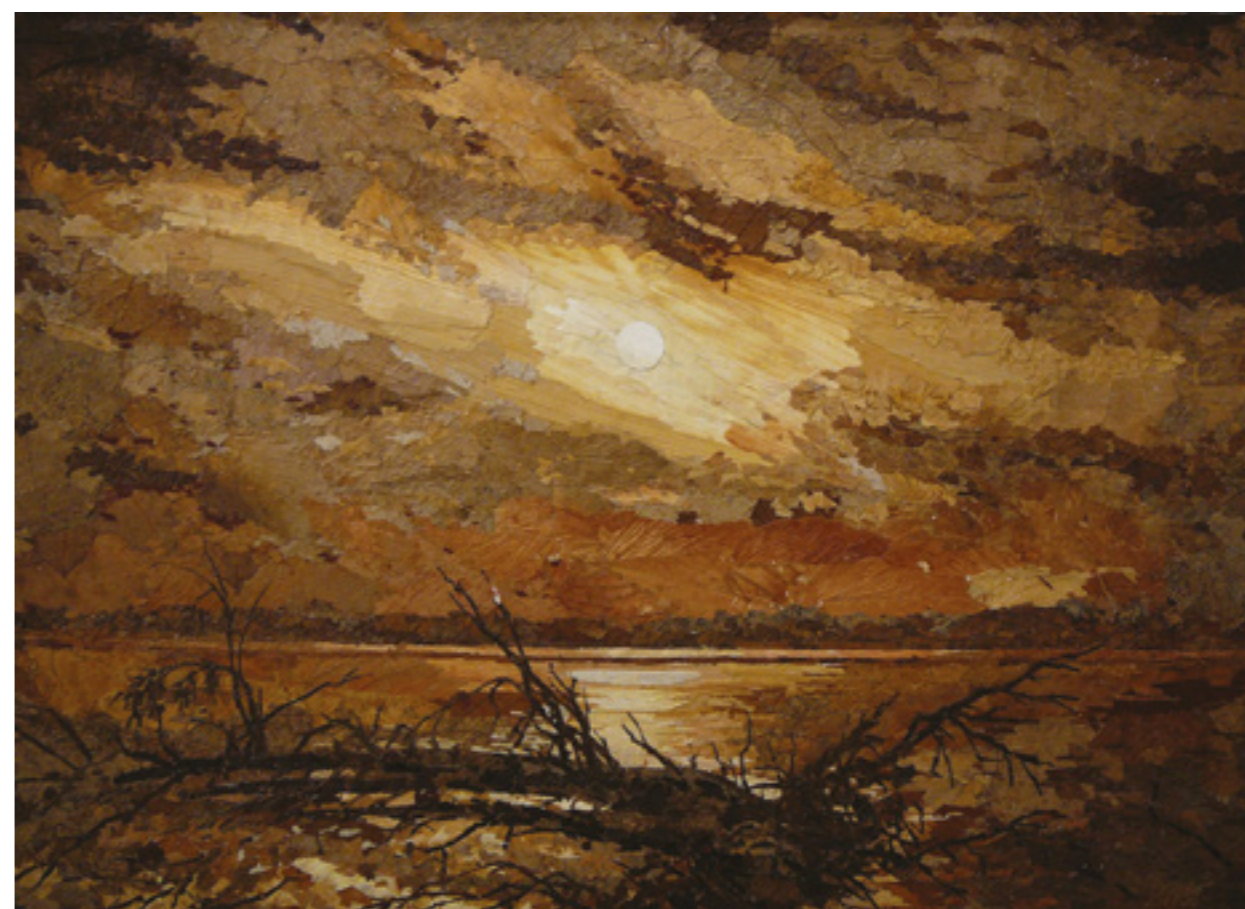
Природный порядок для всех един. Всё проходит: и рощи «отговорят весёлым языком», неизменно теряя своё трепетное одеяние. Но в картинах художника Юркова опавшая листва стала обретать новую удивительную судьбу. Здесь вновь зазвучала её тихая речь — лесная, речная, небесная...

В «Юрковке» (это название так и закрепилось за художественной галереей Александра Николаевича) посетителей ждала встреча с подлинной, но необычной живописью, где не использовались ни акварель, ни масло, ни гуашь, ни темпера. Мельчайшие частички высушенных листьев — это и были «краски» художника Юркова. Сотни тысяч кусочков, виртуозно подогнанных и наклеенных на картон. Каждый — словно движение кисти живописца, то лёгкое, то напористое. Словом — всё как с красками, только... без красок. В итоге — рождение света и тени, глубокого плана, гармонии, неповторимого колорита.

Неповторимые работы Юркова талантливо именно написаны, а не просто умело составлены из природного подручного материала, как в прикладной флористике. Такой технике исполнения трудно найти наименование. Сам художник назвал её «флорийской мозаикой» (мозаикой «из флоры»). Позже нашёлся более точный термин — флорийская живопись — родом из Нижнего, из стен «Юрковки», с горьковатым осенним запахом её картин.

При очевидной тактичности, неброскости красок, работы Александра Николаевича покоряют незабываемым колоритом, погружая в цветовую гамму душевного равновесия и покоя.

Тончайшей гаммой оттенков переданы в его картинах и водная гладь лесного озера, и новизна первого выпавшего снега, и узнаваемые черты лица любимого человека.

Особая тема в творчестве художника — родные места, родительский дом. Простые, но близкие каждому сердцу сюжеты: деревеньки, храмы, дороги, люди в своих привычных трудах и заботах, сельская живность. Беззаветно любя свой город, Юрков сберёг в своих картинах для нашей памяти и прежний Нижний — старые городские дворики, на удивление сохранившиеся в глубинах современного мегаполиса, воротца, уютные дома с деревянными эркерами над входами. Запечатлел неповторимые виды нашего кремля, монастырей над великими реками. Как печалился он об этом — чтобы не утратили, не растеряли наследия — всего лучшего, что оставлено нам предками...

Притяжение картин Александра Николаевича сродни природному. Вспомним, как трудно бывает оторвать взор от излучины реки, от разнотравья поля... Вот так же обаятельны естественные краски лиственных полотен «Юрковки». Неповторимые картины талантливого художника щедро одевают нас волшебством золотых осенних дней. И этот дар — поистине «очей очарованье».

В «Юрковку» всегда хотелось возвращаться: не только к картинам — к хозяину галереи, человеку удивительной душевной теплоты и расположенности к людям.

До своего восьмидесятилетия Александр Николаевич Юрков не дожил года... Оставил своему городу уникальную летопись, где по-прежнему трепещет листва, и осенний ветер обнажает родные улочки и улицы, а затем приходит утешительное время снегов...

«Ветер осыплет листву злато-рунным дождём,
Солнечный луч взрежет небо кровавою строчкой...
Дело не в том, хорошо или плохо живём,
Но как из праха земли светоносною сделаться точкой».
(Елена Тахо-Годи, 2013)

Ирина Панченко

«ЧЕРНЫЙ ПРУД» НА ЧЕРНОМ ПРУДУ

Художники творческого объединения "Черный пруд". Слева направо: Алексей Сахаров, Сергей Сорокин, Галина Каковкина, Николай Сметанин, Наталья Панкова, Сергей Суворов, Алексей Акилов, 2007 г., фото Галины Каковкиной

Свое 35-летие отметило объединение горьковских (нижегородских) художников «Черный пруд».

Вспоминаю мой 1987 год. В стране перестройка, борьба за трезвость, а моя реальность — это пустые магазины и очереди буквально за всем. «Очередь» — это, вообще, главное слово, описывающее нашу тогдашнюю жизнь. В НИИ ПМК, где я работаю, не бывает продуктовых заказов, но иногда привозят кур по рубль 75 и распределяют по штуке на брата. Когда через год я буду искать семилетнему сыну учительницу английского, подруги с искренним недоумением начнут спрашивать: «Зачем ему английский в закрытом городе?».

Чем мы жили? Все же не очередями! Уже был наш поток свободы — ММК, Музыкальный молодежный клуб в ДК Орджоникидзе, где звучал джаз, предваряемый умными разговорами с выдающимся культурологом Леонидом Переверзевым или блистательным Владимиром Фейертагом. Был слышен подержанный гитарой голос городского КСП — клуба самодеятельной песни. Мы много читали, с трудом доставая толстые журналы, передавая их из рук

Слева направо: Яков Васильченко, Алексей Сахаров, Сергей Сорокин, Галина Каковкина, Николай Опытин, Николай Сметанин, Сергей Суворов, Алексей Акилов, Геннадий Урлин, 1987 г., фото Алексея Сахарова

в руки: «На вечер, завтра вернешь». Ходили на все премьеры в драму и в ТЮЗ Наравцевича, в филармонию на Антонину Кузнецову и в оперный на балеты с Миклиным, на все нечастые выставки в художественный на Откосе и в зал на Минина. Мы были голодные до всего нового и свежего, мы ловили тот невесомый еще ветер перемен.

Зимой 1987-го до института дошли слухи о какой-то новой выставке молодых горьковских художников, открывшейся в «Рекорде». Тогда никому в голову не приходило считать памятником архитектуры этот старенький кинотеатр

под общагой водного. Это было место «для своих», куда ходили на фильмы, которые больше не показывали нигде. Именно в «Рекорде» я студенткой смотрела «Школьный вальс» и «Осень», особо не подозревая, что в его ротонде можно подняться на второй этаж. Здесь было просто и свободно, сюда и пришел «Черный пруд», в эту ротонду.

Впрочем, что это «Черный пруд», я узнала гораздо позже. А тогда, помню, удивилась новой живописи и неизвестным мне именам: Галина Каковкина, Алексей Акилов, Алексей Сахаров, Яков Васильченко, Николай Сметанин... Позже присоединились Сергей Сорокин, Наташа Панкова.

Это был не привычный бодрый соцреализм или идеологически нейтральные родные просторы, что раза четыре в год показывали в Выставочном зале на Минина (на всякий случай — я очень люблю и Жемерикина, и Шихова, и Сайкину, и Занogu, и вообще детство мое прошло в художественном музее). Тут была просто жизнь — без перевыполнения плана и повышенных обязательств, словом, Черный пруд как конечная первого трамвая. Был символизм и что-то от иконописи — очень востребованное, как оказалось. Тогда был очевидный неудовлетворенный запрос на православное и славянофильское в искусстве, помню, на морозе отстояла часовую очередь на привозную выставку Константина Васильева, а тут свои могут, да еще как!

Вообще «Черный пруд» возник как-то очень вовремя. Нам были созвучны тревожные краски Гали Каковкиной, сейчас-то в ее работах гораздо больше света и веры в лучшее. А картины Наташи Панковой неизменно давали надежду, заражали витальностью и чуть кружили голову. Западал в душу Сергей Сорокин с его узнаваемыми городскими окраинами и их обитателями — мужиками в майках-алкоголичках. Получалось, что живопись, искусство — это не только канонически красивое и правильное, зовущее к победам и свершениям, это разное.

Объединения художников редко живут долго, уж очень это интимный процесс — творчество. Но я очень рада, что к своим юбилеям «Черный пруд» собирает выставки — чтобы помянуть ушедших собратьев, вспомнить нашу молодость и то переломное время, чтобы радовать новыми работами. Жизнь продолжается!

Фотографии предоставлены Наталией Панковой

Наталья Вертлиб

ПАМЯТИ БОРИСА СТЕПАНОВИЧА ИЗВЕКОВА

Б.С. Извеков, фото А. Чепелы

Друзья, нижегородское краеведение понесло тяжелую утрату. 20 мая 2022 года скончался краевед, писатель, один из старейших членов общества, «Нижегородский краевед» Борис Степанович Извеков. Мы были знакомы.

В 2014 году, когда я еще была начинающим экскурсоводом и собирала группу на экскурсию «Вечерний Нижний», он тоже захотел поехать.... Взял с собой штатив, профессиональную фототехнику, на всех остановках делал вечерние кадры города... Об экскурсии оставил очень хороший отзыв. Потом мы нечасто, но общались.

Несмотря на далеко не юный возраст, он был пользователем соцсетей. Любил краеведческие дискуссии, любил задавать острые вопросы, выслушивать разные мнения... Иногда мы встречались на краеведческих мероприятиях или случайно, на улице. Он всегда был с фототехникой, у него всегда горели глаза, он был из тех, о ком говорят «молод душой». Всегда был полон творческих планов, делился, как съездил в архив в Санкт-Петербурге или как собирает материал для очередной книги...Его интересовало все, что связано с Нижним Новгородом — от визита Дюма до легенды о Феде Литвиче, он на все имел свое, особенное мнение, часто отличающееся от общепринятого. Присылал мне свои статьи, книги, щедро делился информацией...

Он дружил с Альбertiной Васильевной Кессель, известным в городе краеведом, многие годы служившей специалистом по охране памятников истории и культуры. Шутил, что им на двоих 175 лет... В соавторстве они в 2013 году выпустили книгу «Нижний Новгород. Историческое и культурное наследие», за которую были удостоены Премии Нижнего Новгорода. Кессель скончалась в 2020-м году...

Однажды он исчез из соцсетей, я забеспокоилась, оказывается, восстанавливался после ковида. И вот, к сожалению, его не стало... Оторвался тромб.

Пусть земля будет вам пухом, Борис Степанович!

От редколлегии:

Наш альманах «Памятные записки» на протяжении многих лет сотрудничал с Борисом Степановичем. Он был постоянным поставщиком фотографий. У него был богатейший фотоархив. Всегда охотно делился своими снимками, никогда не отказывал, не чванился, не капризничал, ссылаясь на занятость. Иногда, если не находил нужного снимка в своем компьютере, то брал фотоаппарат и снова отправлялся в то место города, откуда необходим был материал, говорил, что ему «легче снова съездить и сфотографировать, чем отыскать у себя в многолетних залежах». Такой отзывчивый и заинтересованный сотрудник — настоящий клад для любого издания. А уж для нашего журнала, существующего на общественных началах, и подавно! В этом смысле он будет для нас незаменим.

У Бориса Степановича всегда было много новых творческих идей, нередко предложения о сотрудничестве исходили от него. Некоторые задумки нам с ним удалось воплотить в жизнь. Например, в стенах Музея А. Д. Сахарова к 150-летию юбилею писателя А. М. Горького экспонировалась замечательная выставка фотографий и документов, где были собраны все без исключения изображения памятников и памятных знаков в нашем городе, посвященных великому пролетарскому писателю Архивные документы рассказывали об истории создания и существования того или иного монумента. (см. ПЗ, том 42-43, 2017-2018 гг.)

Причем весь материал — это многолетний кропотливый исследовательский труд самого Бориса Степановича, и ему очень нравилось удивлять окружающих своими краеведческими находками. Потом выставка демонстрировалась в кабинете истории школы №44, он приходил на открытие и с увлечением делился с ребятами секретами поисковой работы.

У нас ним осталась одна неосуществленная мечта — подготовить выставку фотографий маскарон на старинных зданиях города, рассказать об истории этого вида скульптурных украшений. Ну вот не успели...

Благодарная память об этом творческом, интеллектуальном и бескорыстном человеке надолго останется в наших сердцах.

М.В. Шайхутдинова, сотрудник Музея А.Д. Сахарова с 2002 по 2021гг.

Т.И. Глухова
к.и.н., преподаватель

К ГОДУ ПЕДАГОГА И НАСТАВНИКА

- Т.И. Глухова. Элеонора Васильевна Никифорова — педагог-наставник
- Э.А. Моторова. Воспоминания о Ю.И. Неймарке
- И.О. Панченко. Моя школа
- И.О. Панченко. Железная леди нижегородской науки
- М.Б. Александровская, О Добровольском
- Ю.В. Клиценко. «Там вспышки романтизма и даже экстаз экспедиций»: Енисейская ссылка скаута Коневского

ЭЛЕОНОРА ВАСИЛЬЕВНА НИКИФОРОВА — ПЕДАГОГ-НАСТАВНИК

Э. В. Никифорова у своей коллекции

Школа № 179 была открыта на Автозаводе в 1963 г., а с 1965 г. Элеонора Васильевна Никифорова начала работать в ней учителем музыки. Она и по сей день здесь работает. С этой школой связана самая большая и значительная часть ее жизни. Именно общению с детьми и своей профессии отдаёт Элеонора Васильевна все силы своей души и жизненную энергию. За время работы школе она преподавала не только музыку, но и вела уроки краеведения, мировой художественной культуры и другие дисциплины. Многие годы руководила кружками дополнительного образования: для учеников 5-х классов — «Юные краеведы-экскурсоводы», для учащихся 6-х классов — «История развития флота в России», ребята постарше — 7-9 классов — познакомились с основами музеологии в кружке «Музейное дело».

Элеонора Васильевна всегда была очень инициативным и активным человеком, огромное внимание в своей педагогической деятельности она уделяла

Встреча с ветеранами, школа № 179

внеклассной и воспитательной работе. И после уроков организовывала и проводила со школьниками мероприятия, имеющие важное значение для общественной жизни школы. Важной вехой её работы в школе стало создание «Музея боевой славы горьковчан-черноморцев и истории Российского флота», который был

открыт 19 февраля 1968 года. Бессменным руководителем музея Э. В. Никифорова является с этого момента и до настоящего времени. Некоторое время Элеонора Васильевна была и завучем по воспитательной работе.

За время работы в одной школе она воспитала несколько поколений учеников. Теперь уже учиться к ней приходят дети и внуки первых выпускников! И что особо отрадно, некоторые выпускники стали ее коллегами.

За заслуги в воспитании подрастающего поколения учитель Э.В. Никифорова награждена Почётным знаком «Благодарность от главы города» (2008). А в 2021 г. она награждена юбилейной медалью «В память 800-летия Нижнего Новгорода». За профессионализм и творчество в педагогической работе отмечена знаком «Отличник народного просвещения» и удостоена звания «Заслуженный учитель РФ».

Встреча и общение с Элеонорой Васильевной надолго остаются в памяти. Многие выпускники школы спустя десятилетия с теплотой и благодарностью о ней вспоминают. Ольга Твердова, экскурсовод, выпускница 1973 года, рассказывает: «Где только ни побывали мы всем классом! В театрах и на выставках; в походах по местам сражений наших земляков-горьковчан — в Севастополе, Феодосии, Керчи, Одессе, Бресте. Какие великолепные вечера, душевные беседы после школьных занятий дарила нам эта мудрая, хорошо знающая жизнь и людей учительница».

Одним из любимых учеников Элеоноры Васильевны стал всемирно известный оперный певец Сергей Ларин, окончивший школу в 1972 году. В 1998 г. в интервью газете «Автозаводец» он сказал: «Горжусь, что я автозаводец, выпускник школы №179! Наша школа не была, как принято говорить, «престижной». Это самая обычная школа, но она и детство неразделимы... Э.В. Никифорова — учитель пения. Она всех заряжала своей энергией так, что самому хотелось тут же вскочить и сделать что-то хорошее и важное. Она не делила

Коллекция значков (фрагмент)

ребят на «способных» и «неспособных». Способными были все. Все пели под её знаменитый баян». [1]

Кроме уроков пения бывшие выпускники с удовольствием делятся воспоминаниями об участии в тех внеклассных мероприятиях, на которые их воодушевляла Элеонора Васильевна. Они всегда были массовыми, увлекательными и запоминающимися как в начале ее педагогической деятельности, так и в настоящее время.

Сейчас Элеонора Васильевна занята сбором и систематизацией материала к выставке, посвященной 60-летию МБОУ «Школа № 179», активно привлекает к этому бывших и настоящих своих учеников.

Из особо запомнившихся событий последних лет можно отметить «Ночь музеев», проведенную в школе в 2021 г., инициатором которой выступил школьный музей. Это мероприятие было приурочено к юбилейной дате — 800-летию Нижнего Новгорода. В качестве экскурсоводов выступали ученики школы, которые смогли прочувствовать всю ответственность такой работы. Волнениям и переживаниям не было конца, благодаря чему, хочется верить, это событие надолго останется в их сердцах.

В 2018 году Элеонора Васильевна провела общешкольное мероприятие, посвященное 100-летию ВЛКСМ. Это событие было грандиозным в масшта-

В школьном музее, ученица Никифоровой - Кабаева И.К.

Э.В. Никифорова и ее ученик Данила Пузанов

бах школы. В нём участвовали практически все ученики. История комсомольской организации была показана на фоне всех исторических событий страны. Такие мероприятия не проходят бесследно, они имеют большой воспитательный результат, погружая ребят в знания о героических достижениях нескольких поколений.

Важным звеном в работе Э.В. Никифоровой является сотрудничество с Детским (юношеским) дворцом творчества им. В.П.Чкалова. Через конкурсы, организуемые ДДТ, постоянно поддерживается творческая и интеллектуальная активность учителей и учеников. И именно эта деятельность позволила реализовать значительный творческий потенциал в педагогической работе Элеоноры Васильевны. Большое количество юных экскурсоводов появилось именно после участия школьников в конкурсах ДДТ и проведению экскурсий в «Музее боевой славы горьковчан-черноморцев и истории Российского флота».

Среди многочисленных музейных выставок, подготовленных Элеонорой Васильевной, одна вызвала особый интерес и восхищение и в школе, и в музейном сообществе города. Выставка демонстрировалась в рамках конкурса ДДТ им. В.П. Чкалова «История обычных вещей» и называлась «Значки и отличительные знаки Советского времени». В сборе значков на выставку участвовал весь школьный коллектив, эта творческая инициатива объединила всех от мала

до велика. Это была деятельность, направленная на формирование интереса к истории страны и жизни общества. Потрясающим стало открытие, что личная коллекция значков самой Элеоноры Васильевны не могла быть превзойдена даже коллективными усилиями учеников школы! Она насчитывает более 2700 значков! Все они систематизированы. Среди разделов коллекции можно отметить такие, как «Города СССР», «Лениниана», «Общественные организации», «Туризм и спорт», «Города-герои в Великой Отечественной войне», «Космонавтика», «Музеи страны» и др. Цель выставки состояла в том, чтобы показать, как стремительно развивается страна, как быстро идут общественные процессы, как много событий происходит в жизни. Историю страны нужно знать на каждом этапе, потому что человек, который не знает истории своей страны, никогда не будет её настоящим гражданином.

Рассказывая об учителе Э.В.Никифоровой, хочется с чувством искренней благодарности уделить внимание главному предмету ее творческой деятельности — «Музею боевой славы горьковчан-черноморцев и истории Российского флота». Музей собирает, хранит и экспонирует мемориальные предметы, опираясь на которые можно убедительно и ярко рассказывать учащимся о событиях Великой Отечественной войны и об истории флота. Возможность прикоснуться к предметам из прошлого вызывает у ребят особые чувства сопереживания и участия. Началу истории создания музея предшествовала большая поисковая и исследовательская работа. Отправной точкой стал классный час, на который был приглашен ветеран Великой Отечественной войны Федор Андреевич Куприянов. Он рассказал ученикам об участии в обороне города Севастополя и попросил разыскать однополчан. Э.В. Никифорова стала организовывать встречи с ветеранами-черноморцами, а учащиеся записывали их воспоминания. Вот так и начал работу школьный «Музей обороны и освобождения города-героя Севастополя». В результате этой работы ученики-поисковики разыскали 114 горьковчан — участников обороны Севастополя. Э.В. Никифорова организовала 17 походов-экспедиций по местам боёв, в которых вместе с учениками участвовали ветераны. До сих пор выпускники школы вспоминают слеты-встречи (их прошло 15), на которых присутствовало от 40 до 50 ветеранов. После перевода в другое помещение и расширения экспозиции музей получил новое название «Музей боевой славы горьковчан-черноморцев и истории Российского флота». Музею уже более 50 лет, но он функционирует не только как хранилище экспонатов, а как живой организм. В музее хранится более 1,5 тыс. экспонатов. За время работы школьного музея его посетило более 70 тысяч человек — и взрослых и детей. Благодаря научно-техническому прогрессу, формы научно-просветительской и массовой работы музея постоянно совершенствуются, появилась возмож-

ность создавать презентации, видеофильмы для демонстрации их во время проведения экскурсий.

На протяжении всей своей педагогической деятельности Элеонора Васильевна не только обучала детей музыке и прививала любовь к духовной культуре, но также занималась и гражданско-патриотическим воспитанием подрастающего поколения. А именно эта деятельность позволяет формировать в каждом ученике такие важные качества, как гражданственность и патриотизм, которые всегда считались высшей моральной ценностью в обществе.

Являясь человеком социально активным и разносторонне увлеченным, Э.В. Никифорова выработала и накопила большой набор разнообразных педагогических практик. Опыт её педагогической работы достоин исследования и тиражирования. Среди выпускников школы нет человека, который бы не вспомнил своего педагога добрыми словами. «Дети меня выделяют, относятся ко мне с уважением» — отмечает и сама Элеонора Васильевна в интервью в сборнике «Лица гражданского Нижнего». [2]

Список использованной литературы

1. Ларин. С. А. Краткие биографические сведения// Центральная библиотечная система Автозаводского района г. Нижнего Новгорода. 2014. URL: <https://lib-avt.ru/kraevedenie/texts/s-larin-kratkie-biograficheskie-svedeniya> (дата обращения: 07.07.23)
2. Лица гражданского Нижнего (интервью с известными нижегородцами). 2019. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012313489/ (дата обращения: 07.07.23)

Э.А. Моторова

ВОСПОМИНАНИЯ О Ю.И. НЕЙМАРКЕ

Я благодарна судьбе, что свела меня с Юрием Исааковичем Неймарком — человеком замечательным, талантливым, известным во всем мире ученым и очень интересным и доброжелательным в общении. Многим своим успехам и достижениям я обязана общению Юрием Исааковичем и потому хочу поделиться своими воспоминаниями о нём.

Чем больше проходит лет, тем больше меня вдохновляет образ Юрия Исааковича, тем больше хочется рассказывать о нём.

С 1963 по 1994 год я работала вместе с мужем — выпускником радиофака ГГУ Борисом Ивановичем Моторовым в конструкторском бюро машиностроения им. И.И. Африкантова. Там проектировался атомный подводный флот. Первая задача, порученная мне как молодому специалисту, легла в основу статьи для журнала «Атомная энергия», написанную в соавторстве с Фёдором Михайловичем Митенковым, который был тогда начальником отдела. Впоследствии оказалось, что я была первой женщиной, защитившей диссертацию по данной тематике в ОКБМ. Меня поздравили стихами: «В нашей фирме

В Юрковке: слева направо А.Ю. Неймарк, А.Н. Юрков, Ю.И. Неймарк, 24.11.2009 г.

кандидаты зачастую бородаты... Но теперь мужей науки потеснили в дальний ряд. Потирают жёны руки: нынче Эля кандидат!»

Этим своим успехом я обязана Юрию Исааковичу Неймарку, к которому в 1967 году я поступила в заочную аспирантуру.

...Помню, пришла в институт прикладной математики и кибернетики (ПМК). Очередь к Юрию Исааковичу — не менее 10 человек. Ждать — нет времени: работа и маленький ребенок. Спасибо моему однокурснику Мише Федоткину (впоследствии профессор Михаил Андреевич Федоткин, зав.кафедрой теории вероятностей), он меня без очереди провел.

Юрий Исаакович легко согласился взять меня в заочную аспирантуру при условии, что задача будет от ОКБМ. Этот вопрос был решен, и началась моя научная работа под руководством Ю.И. Неймарка.

Я была очень увлечена этой работой и многому научилась у Юрия Исааковича не только в сфере науки. Он был очень мудрым человеком. Разговор с ним на любую тему был всегда интересным и познавательным.

Он был очень тактичным и внимательным к людям. Помню, жду своей очереди у кабинета Неймарка и беспокоюсь, что опоздаю на работу. Вдруг Юрий Исаакович выходит из кабинета. Взглянул на меня, все понял и говорит: «Эля, вам удобно подойти завтра вечером к институту? Я всех отпущу, и мы с вами спокойно поработаем».

Юрий Исаакович поставил передо мной задачу: написать статью в журнал «Автоматика и телемеханика», для чего следовало сократить уже написанный довольно объемистый текст до пяти страниц. У меня никак не получалось меньше 10 страниц. Тогда Юрий Исаакович говорит: «Хорошо, я сам это сделаю». Он начал писать и произносить вслух написанные фразы. Он как бы телепатировал мне, как это должно выглядеть. Я вдруг все поняла и говорю: «Юрий Исаакович, не пишите дальше... Я сама... Теперь все получится».

После защиты диссертации я продолжала работать в ОКБМ и редко встречалась с Неймарком. Иногда заходила в университет на его лекции или поздравить его с днем рождения.

Однажды осенью 2006 года я встретила Юрия Исааковича возле здания пединститута, где читала лекции своим студентам. Он выглядел утомленным и опечаленным. Рассказывал, что жена его, Валентина Васильевна парализована, в основном лежит, что ему приходится тяжело.

Я предложила свою помощь, и после своих лекций стала заходить домой к Юрию Исааковичу и Валентине Васильевне. Я помогала ухаживать за Валентиной Васильевной, первые дни даже кормила её с ложечки. Иногда приносила лекарства по просьбе Юрия Исааковича, оздоровительные средства или что-то к чаю.

Юрий Исаакович нежно заботился о больной Валентине Васильевне, следил, чтобы она пила нужные лекарства. Но, даже будучи больной и лежа на диване, она оставалась хозяйкой и распорядительницей в доме. Когда Юрий Исаакович растерянно начинал что-то искать в квартире, Валентина Васильевна подсказывала ему, где что лежит. Она всё это помнила.

Часто вечерами мы сидели у дивана, где лежала Валентина Васильевна, и вели беседы-воспоминания. Иногда Юрий Исаакович читал свои стихи. Иногда — по просьбе его или Валентины Васильевны, я читала свои стихи, которые тогда еще не были изданы.

Это были дружеские душевные беседы, о которых хочется рассказывать.

Расскажу кое-что о себе, поскольку Юрий Исаакович всегда внимательно, с интересом слушал мои рассказы и говорил: «Эля, у тебя очень интересная жизнь».

Я родилась в марте 1941 года в Алма-Ате, куда из Москвы со студенческой скамьи в качестве топографов направили моих родителей делать карты казахстанской степи. В июле 1941 года отец надел военную форму и уехал по месту назначения, но вскоре вернулся, так как было приказано преподавать военную топографию новобранцам.

Мама во время войны стала работать в Алма-атинском колхозном саду, откуда приносила домой полученные за трудодни замечательные яблоки, которые мы сушили на зиму. Меня водили в колхозный ясли-сад.

Как-то за чаем Юрий Исаакович спросил меня

– А что ты помнишь из раннего детства?

– Чудесный вкус алма-атинских яблок. И ещё. Сажу перед кучей компасов (папа брал меня на работу). Подбегают молодые весёлые парни в военных одеждах и спрашивают: «Девочка, а где север»? Я открываю компас и показываю в направлении стрелки. Ребята весело смеются.

Юрий Исаакович улыбается и рассказывает о своем детстве, о жизни в детском доме и о том, как ему помогали добрые люди.

Много и нежно говорил о своей маме. Говорил, что она была человеком очень сильным духом, стойко переносила все беды, выпавшие на её долю. Говорил, что она никого и ничего не боялась.

Юрий Исаакович рассказывал о своей феноменальной детской памяти, которой удивлял своего отца, подробно пересказывая ему эпизоды раннего детства.

Я рассказывала, как я помню настоящий день Победы 9 мая 1945 года.

В этот день мы приехали в город Наманган, куда командировали моего отца. Утром 9 мая 1945 года выходим из вагона. Слышим репродуктор, торжественный голос Левитана. Пассажиры поздравляют друг друга, обнимаются. Отовсюду звучит: «День Победы!», «Ура-а-а!».

По платформе бегут непонятные чёрные мешки, что-то кричат. Я прижалась к маме, она говорит: «Не бойся, это узбеки. У них одежда такая — паранджа называется. Они тоже радуются. День Победы!».

Я спрашиваю:

– Что такое День Победы?

– Войны больше нет.

– А что есть? (всю мою короткую жизнь была война)

– Мир. Жизнь будет хорошая.

...Папа к нам подошёл: «Экспедиция уже готова, только нас ждали. Погружаемся в машины и едем в горы, на Памир».

...Была опасная дорога. Транспорт — списанные с фронта грузовики. Дорога — узкие горные серпантины, с одной стороны отвесные скалы, с другой — пропасть. Случались жертвы. У нашей машины тоже отказали тормоза, и она бы угодила в пропасть, но шофёр сумел поставить её на ребро. Пассажиры выбросило на дорогу и до перевала мы шли пешком.

Юрий Исаакович даже вскрикнул и схватился за сердце, когда я рассказывала, что машина ползла к пропасти.

– Ты, наверное, сильно испугалась?

– Я не успела испугаться. Видела бледные лица родителей, слышала крик мамы, когда папа схватил меня на руки и хотел прыгать из машины, но страха у меня не было. Я почему-то чувствовала, что со мной ничего плохого просто не может произойти.

...А когда мы поднялись на перевал, и меня папа похвалил, что я как взрослая без жалоб на усталость поднялась на высоту, когда сказал: «Посмотри вниз. Это дорога, которую мы прошли. Ты молодец!» — я чувствовала большую радость, чувствовала себя победителем.

– А ты испытывала потом такое же чувство?

– Да. Когда сдавала экзамен на «отлично». И когда поступила в Горьковский университет.

Юрий Исаакович и Валентина Васильевна весело смеялись.

Когда зашел разговор, почему я решила заниматься математикой, я рассказала про своего школьного учителя, Петра Петровича Лойко.

Это был пожилой, очень мягкий, добрый человек. Дисциплина у него на уроках была неважная, и справлялся он с этим так: давал классу решать много примеров, а тем ученикам, кто быстро всё решил, рассказывал что-то интересное из области математики. Слово бесконечность он произносил с каким-то трепетным восторгом. При этом всегда делал паузу и задумчиво-печально смотрел в окно, как будто сожалел о том, что не может достать эту прекрасную бесконечность. Это завораживало. Казалось, все тайны Вселенной заключены

в этой математической бесконечности. Казалось, что изучив математику, увидишь что-то невообразимо прекрасное, прекрасней всех волшебных сказок на свете. Я ведь до этого хотела стать врачом, но тут почувствовала, что математика — это ключ ко всему, ко всем наукам и тайнам Вселенной.

Когда я пыталась изобразить Петра Петровича, Юрий Исаакович улыбался и тихо посмеивался, а Валентина Васильевна весело смеялась.

Я чувствовала, что развлекаю их, поднимаю настроение, хотя не собиралась это делать. Всё получалось само собой. Когда я уходила, Юрий Исаакович всегда спрашивал, когда смогу придти в следующий раз.

Как-то вечером за чаем зашла речь о преподавателях нашего университета, которые уехали в Америку и там хорошо живут.

Юрий Исаакович спросил, хотела бы я жить в Америке.

– Нет, не хочу.

– А почему?

– Я расскажу про Наманган, и Вы всё поймёте.

Послевоенный Наманган — зелёный оазис, расположенный в сейсмоопасной зоне Ферганской долины. Никогда не забуду, как в канун землетрясения слышался жуткий ревущий гул под землёй, от которого панически кричали животные и птицы, звенели в окнах стёкла. Один из узбекских небольших городов был полностью сметён землетрясением с лица земли и географических карт.

Наманган был многонациональным городом: здесь жили депортированные крымские татары и немцы из Поволжья, эвакуированные во время войны русские, а местное население составляли узбеки, таджики, киргизы и туркмены. Помню долгие женские и отдельно мужские очереди за хлебом, так принято было в узбекском городе. Всей семьёй стояли за продуктами, потому что отпускали их по норме на каждого человека.

Каждую осень взрослые ездили собирать хлопок. Мои родители всегда брали меня с собой. В конце трудового дня узбеки угощали нас замечательным пловом. С приходом дождей нераскрытые коробочки хлопка-сырца бортовыми машинами привозили на сырой школьный двор, школьников снимали с занятий, и хлопок чистили мокрые детские ручки.

Семьям военнослужащих было разрешено держать кур на территории военного городка, и мои родители сразу же купили цыплят.

Мама подкармливала моих подруг. Часто к нам приходила в гости крымская татарка Люда Юсупова и подруга моя, узбечка Деля Захидова со своим младшим братиком. Я ходила в музыкальную школу, где подружилась с Элей Нейверт, приехавшей из Поволжья. Их семья с троими малышами жила в одной небольшой комнате, где размещалось пианино. Мы играли в четыре руки. У Эли это получалось превосходно, она была лучшей в нашей музыкальной школе.

Пережившие войну взрослые понимали ценность доброты и взаимовыручки. Никто ни разу не обмолвился о депортированных народах, не посеял рознь среди нас. В день поступления в пионеры мы обменялись с Людой Юсуповой красными галстуками.

Мы хорошо и дружно жили в Намангане, но я чувствовала, что я здесь в гостях у хороших друзей, а дом мой — та страна, где растут березки, о которых пишут в букваре, но которых я никогда не видела. Та страна, где растут настоящие ели, а не туя, которую папа ставил на окно под Новый год и называл ёлкой. Та страна, о которой каждый день вспоминают и мама, и папа. Я чувствовала, что когда вместе со всеми одноклассниками говорю «Мой Узбекистан», то это неправда. Да, здесь хорошие друзья, но это не моя страна. Я здесь в гостях, а хочу жить дома.

Мечта моя сбылась. В 1951 году отца перевели на службу в подмосковный Ногинск. Я дорожу этим подарком судьбы и не хочу его потерять.

Я жалею этих людей, которые сейчас хорошо живут в Америке, потому что пройдёт время, и они почувствуют, что они в гостях, всю жизнь в гостях и в гостях. А своей страны, своего дома у них нет, он безвозвратно потерян.

Юрий Исаакович задумчиво произнёс: «Я тебя понимаю. Ты знаешь, я тоже никогда не хотел уехать за границу».

Стоят внучка Ю.И. Неймарка - Елена, правнук Алексей, правнучка Алина. З.С. Баталова, сидят Ю.И. Неймарк, сын А.Ю. Неймарк

Я рассказывала Юрию Исааковичу о своей педагогической работе в филиале РГГУ. В частности, о том, как нам внедряли болонскую систему.

Приехал представитель министерства, презентовал болонскую систему, всячески её расхваливал перед обширной аудиторией преподавателей и студентов, осыпая аудиторию массой непонятных терминов. Я даже не выдержала, и во время прений говорила о защите русского языка и вреде непонятных слов.

Юрия Исааковича очень огорчало и возмущало состояние дел в образовании. Он говорил: «Развалили школьное образование и принялись разваливать высшее».

Иногда мы говорили об эзотерических вещах. Например, о том, как мысль формирует реальность. Как мысль может передаваться без всяких слов другим людям. Когда я приводила такие примеры, Юрий Исаакович говорил: «Я всё это знаю и понимаю. Для меня это не ново».

И выводы делались такие: для обучения и воспитания нужно непосредственное общение учителя и ученика. Восприниматься должна не только идея, но и сам процесс мышления, состояние души мыслителя, его эмоции, увлеченность, эстетика мысли. Поэтому никогда компьютер и интернет не заменят живого общения учителя и ученика.

Главное в обучении — создать интерес к науке, энергию творчества, увлеченность, даже — в терминах Гумилева — «пассионарность». Этот эффект возникает только при непосредственном общении. Более того, в этот процесс творчества непременно должна быть включена любовь.

Юрий Исаакович говорил: «Мужчина только тогда может преуспеть в науке, когда он посвящает свое дело жизни любимой женщине. Если ему некому посвятить свой потенциальный успех — у него ничего не получится».

Однажды я рассказала Юрию Исааковичу, что мы с сыном Виктором написали статью, где приводится доказательство и обобщение Великой теоремы Ферма. Юрий Исаакович живо заинтересовался, спросил

– Как это ты вышла на теорему Ферма, когда всегда занималась устойчивостью динамических систем?

– Это Виктор. Он предложил свой метод. В дальнейшем мы с ним пришли к выводу, что метод этот годится только для частных случаев, но я заинтересовалась и увлеченно стала этим заниматься.

Юрий Исаакович предложил свою помощь — попросил профессора Жислина Григория Моисеевича, которого когда-то интересовала эта задача, прочитать нашу работу.

Григорий Моисеевич очень скоро прочитал работу и справедливо отметил, что для ряда частных случаев этот метод не проходит, и теорему нельзя считать доказанной.

После этого я переделывала работу несколько раз, и всякий раз Григорий Моисеевич находил неточности, ошибки, опечатки, за что я ему очень благодарна. Это лишь подогревало мою увлеченность этой работой. Виктор тоже участвовал, проверял результаты. После тщательной проверки мы опубликовали работу, и я принесла её на прочтение Григорию Моисеевичу. Но он читать отказался до тех пор, пока мы не найдём хорошего математика, который бы прочитал работу и сказал бы, что ошибок нет. Я нашла несколько таких хороших математиков, которые прочитали работу, сказали мне, что ошибок не нашли, но сказать об этом официально Григорию Моисеевичу отказались. Одним из таких математиков был ныне покойный профессор Николай Васильевич Дерендяев. Он прочитал эту статью, не увидел никаких ошибок, даже сказал об этом Григорию Моисеевичу, но добавил, что он не специалист в этой области, и поэтому официально утверждать, что ошибок нет, не может.

Николай Васильевич сказал мне, что я никогда не смогу найти такого человека, который бы официально заявил, что здесь нет ошибок, т.к. люди не хотят рисковать своей репутацией. Я все-таки попытаюсь найти такого человека, который бы или указал на ошибку, или сказал, что ошибок не нашел. Для этого создаю свой сайт и помещаю туда статью, опубликованную в 2013 году в немецком журнале, электронный адрес <https://elibrary.ru/item.asp?id=20435802>

...Юрий Исаакович был очень музыкальным человеком, умел играть на фортепиано. Очень негативно отзывался о современных музыкальных ритмах, которые слышны на улице. «Как будто сваи вбивают. Никакой мелодии и в помине нет», — говорил он.

Когда он спросил, как и где я училась музыке, я рассказала о своей замечательной учительнице по имени Ия Николаевна Невельская.

Она была праправнучкой адмирала Геннадия Ивановича Невельского, исследователя Дальнего Востока. Из бесед с Ией Николаевной я многое узнала о дореволюционной эпохе — событиях, людях, делах, мнениях — того, о чем не прочитать в книгах.

В каком-то смысле она была пророчицей. Помню 1 мая 1953 года. Ия Николаевна показывает мне первомайскую газету, где фото правительства на Мавзолее и спрашивает:

– Что ты здесь видишь?

– Ну просто праздник, 1 мая.

– А кто сейчас стоит на месте Сталина?

– Не знаю, я не помню это место.

– А я тебе скажу. Стоит Хрущев. И я уверена, что скоро он встанет во главе страны. Не нравится он мне, — сказала Ия Николаевна и так посмотрела, будто ожидала какой-то беды.

— Как все это интересно, — сказал Юрий Исаакович. — Она учила тебя по мелким деталям видеть суть вещей и предвидеть будущее. Благодарю судьбу, что встретила такого человека.

Иногда в квартире Неймарков я встречала Сашу, сына Юрия Исааковича и Валентины Васильевны. Юрий Исаакович и Валентина Васильевна всегда радовались появлению Саши и говорили, что он далеко живет, очень загружен педагогической работой, поэтому часто у них бывать не может. Глаза Юрия Исааковича и Валентины Васильевны всегда светились радостью, когда был Саша. Он всегда им приносил что-то вкусное, разогревал, угощал, а потом тщательно мыл плиту. Когда приходила внучка Леночка, тоже была радость. Юрий Исаакович и Валентина Васильевна очень любили Леночку. Валентина Васильевна отзывалась о ней так: «Леночка наша — просто сказка. У неё двое детей, и она всё успевает. И детей прекрасно воспитывает, и аспирантуру закончила». Когда у Лены была первая лекция в университете, Валентина Васильевна очень волновалась, переживала за неё, говорила: «Хоть бы у Лены всё сложилось хорошо». А Юрий Исаакович говорил: «Мамочка, перестань волноваться, тебе это вредно». При этом рассказывал мне, как Лена везла его на машине на его лекцию в университет, как умело

маневрировала, чтобы не попасть в пробку (тогда ведь не было навигаторов).

И с удовольствием демонстрировал мне книжный шкаф, который им подарила Лена.

Однажды вечером, открывая мне дверь, Юрий Исаакович сказал, что состояние здоровья Валентины Васильевны сильно ухудшилось, что она чувствует себя совсем больной. Сам он выглядел растерянным и очень печальным. Я подошла к В.В и спросила

— Приболела немного, Валентина Васильевна?

— Не немного, — ответила она и, обращаясь к Юрию Исааковичу, сказала:

— Пока Эля здесь, помогите мне лечь в мою кровать в моей комнате.

З.С. Баталова, 24.11.2009 г.

Это был последний вечер, когда я видела живую Валентину Васильевну. Вскоре после этого Юрий Исаакович позвонил мне, сказал, что Валентина Васильевна умерла и пригласил попрощаться с ней.

После ухода из жизни Валентины Васильевны заботу о постаревшем Юрии Исааковиче взяла на себя Зинаида Семёновна Баталова, которую Юрий Исаакович называл первой программисткой нашего города. Когда я была студенткой, Зинаида Семёновна читала нам курс программирования.

Я стала реже бывать в гостях у Юрия Исааковича.

Позже, когда вышел мой стихотворный сборник, я зашла к Юрию Исааковичу, чтобы подарить ему этот сборник.

...Мы сидели за чайным столиком втроем с Юрием Исааковичем и Зинаидой Семёновной. Юрий Исаакович попросил меня почитать стихи из сборника. Я читала «Сказки Памирских гор». Вдруг на глазах у Юрия Исааковича появились слезы. Он склонил голову мне на плечо и сказал: «Как это возможно, Элечка? Как ты смогла такое написать? Благодарю Бога, что он дал тебе интеллект и душу».

Я часто вспоминаю Юрия Исааковича и никогда не забуду этих слов. Они вдохновляют меня, дают силы, помогают справиться с трудными ситуациями.

Я когда-то слышала утверждение, что наградой за жизнь является не нажитое богатство, не ордена и регалии, а тот уровень и тот круг общения, на который вывела человека его жизнь. Несомненно, общение с Юрием Исааковичем — это награда мне за мою жизнь.

Я часто вспоминаю этого замечательного человека, стараюсь передать своим студентам интерес к науке, увлеченность, энергию творчества. Далеко не всегда это получается, но когда получается, это очень радует. Благодарность своих студентов я всегда мысленно передаю своему Учителю — Юрию Исааковичу Неймарку.

Ирина Панченко

МОЯ ШКОЛА

Не знаю, существует ли сейчас журнал «Семья и школа». Уж очень у него название хорошее, правильное. Эти два слова — семья и школа — самые главные в жизни человека, я уверена. Все оттуда — из семьи и школы. Но семью дети не выбирают, а школу — могут.

Мне повезло и семьей, и со школой, особенно с той, которую я выбрала после долгих раздумий.

Летом 1973 года я пришла в 82-ую сормовскую физматшколу подавать заявление о приеме в девятый класс. Думаю, это было одно из самых важных и правильных решений в моей жизни. Потому что два учебных года — всего-то с сентября 1973 по июнь 1975 — это, как оказалось, мое самое главное образование, хотя я много где потом училась. Так, как учили в нашей школе, не учили нигде. Наш одноклассник Димка Бабанский, у которого дети имели опыт дорожкой закрытой швейцарской школы, не сомневался: «С нашей 82-й и близко не стояло».

Про 82-ю в семидесятых ходили легенды: спецшкола с физматуклоном, учатся сплошные вундеркинды, учителя строгие-престрогие, задают столько, что вовек не выучить. Обычных учебников не признают, есть спецпрограмма — 10 часов математики в неделю, еженедельные опросы на шести досках и даже программирование на ЭВМ. При этом там учились мои двоюродные брат с сестрой, вовсе не производившее впечатление заучек, и любимая соседка по лестничной площадке Любаша Подтесова, старше меня на два года. Она закончила 82-ю с медалью, как и ее одноклассник Саша Блудышев.

Вообще школа №82 — это знаковое место не только для Сормова, но и для всего Нижнего. Это гнездо формирования интеллигенции, сормовской, горьковской, российской, мировой — сужу по выпускникам.

14 января 2020 года 82-я отметила 135-летие. Судя по всему, это одна из старейших школ города. Архивы подтверждают: с неё началось народное образование в Сормове. В январе 1885 года при сормовском храме была открыта церковно-приходская школа — заводу нужны были работники, умеющие считать, читать, расписываться. Сначала принимали только мальчиков, через два года классы открыли для девочек — готовить учительниц грамотности. Храмовое помещение было маловато, появилось своё, деревянное. А потом попечительский совет заказал проект каменной школы тому же архитектору Малиновскому, который отстроил большой сормовский собор. И в начале двадцатого века школа уже размещалась в здании красного кирпича — да, это та са-

мая школа Баррикад. Свой нынешний номер 82-я получила в конце тридцатых, когда вводилась сквозная нумерация учебных заведений.

В здание в центре Сормова школа переехала в 1960 году, но, как утверждают очевидцы, первым учебным годом стал 1961-й. Уверена, что много сил для получения современного здания приложил тогдашний директор Александр Андреевич Рудов, который руководил школой с 1941 по 1968 годы. Все его в Сормове знали: маленький, сухонький, у него был горб, из-за этого и на фронт не взяли.

К слову, история школы была восстановлена по газетным подшивкам тоже благодаря Рудову. Он поручил заняться этим учителю Зинаиде Васильевне Строкиной. В архивы тогда не допускали, и ей пришлось работать с дореволюционными и советскими газетными хрониками. Это рассказал Алексей Волков, мой двоюродный брат и большой знаток сормовской истории. Рудов был соседом Волковых — тоже жил в Доме стахановцев.

И педагогов Рудов умел подбирать. Физику после войны преподавал Вячеслав Степанович Пермитин, дедушка нынешнего директора Нины Германовны Говоровой. Когда МГУ в 1947 году провёл физико-математическую олимпиаду школьников, победили в ней семь учеников Пермитина, а сам учитель был включён в состав жюри.

В 1970 году, когда директором уже была Елизавета Михайловна Раввина, школа получила статус «с углубленным изучением», то есть специализированной физико-математической. Тогда так и говорили: спецшкола. Что любопытно, при школе была квартира с отдельным входом — это крылечко справа. Оно служило общежитием для учителей. Когда мы учились, там с семьей жил наш трудовик, а сейчас это кабинет директора.

На самом деле, нас, учеников, история школы очень мало занимала. У подростков свои интересы. У нас было всего два года — новые учителя, новый класс, новый режим, новые подходы. Историю школы я прочитала гораздо позже на ее сайте, в публикациях «Красного сормовича».

Итак, два моих прекрасных и важных года. В наших параллелях старших классов было 6 девятых и 6 десятых! Мы, понаехавшие, попали в «д» класс. 39 человек! И нам очень повезло, потому что достался фантастический состав учителей: математика — Нина Павловна Бакушева, физика — Владимир Иванович Островский, классная — англичанка Валентина Ивановна Малышева, химия — Екатерина Васильевна Пospelова, история — Елизавета Михайловна Раввина... И началось счастье учения!

В 82-ой все было другим. К нам обращались исключительно на вы, к доске, вернее, к шести доскам, вызывали на регулярных опросах каждого, за урок успевал ответить весь класс. Лыжи на физру с собой приносить не требова-

лось, их выдавали в школе. Изначально нам разрешили ходить не в форме. Тогда у мальчишек ее как таковой не было, а девочкам предписывались коричневое или синее платье с белым воротником и манжетами и фартуки — белый в праздники, чёрный в будни. Соседка-портниха сшила мне два костюма из тонкой коричневой шерсти — жакеты и юбки в складку. Но продлилась эта «бесформенная» жизнь недолго: в первый день учебы после зимних каникул у выхода из раздевалки стояла сама Елизавета Михайловна Раввина с линейкой. Тех, у кого юбка была короче, чем 10 см от коленки, она отправляла домой переодеться во что-то более скромное. И всем девочкам назавтра велено было явиться в фартуках. Я нашла свой старый и надевала его поверх костюма.

Главным чудом была Нина Павловна, наша Нинон. Миниатюрная, очень красивая женщина. Помню ее красное платье под горло, думаю, везде ее принимали за француженку. Школу она закончила в 1949 году с золотой медалью. Потом пединститут. Как-то на уроке она мимоходом рассказала, что колебалась между физматом и инязом. Отработка по распределению в сельской школе, потом советская школа в ГДР и 40 лет работы в 82-й. Моя двоюродная сестра Маша Горбунова, сейчас завкафедрой в университете, училась в последнем выпуске Нины Павловны.

После уроков Бакушевой треть нашего класса поступила на математические факультеты — так мы любили математику. Вообще из 39 человек сразу в вузы из нашего класса поступили 37. Непоступившие и не поступали: Колюха Кирюшов накануне вступительных экзаменов потерял паспорт, а Веста Спицына вышла замуж. 10 уроков математики в неделю в 15-ом кабинете на третьем этаже — ежедневно, кроме четверга. На доске столбик обязательных заданий и рядом — для желающих. Мне кажется, желающими оказывались все! Математика в изложении Нины Павловны была изящной, красивой, логичной, строгой и понятной, как она сама. Как у неё получалось так объяснять? Она была гениальным методистом. Алгебраические кривые, дифференциалы и интегралы, комплексные числа, что уж говорить о логарифмах — все казалось таким простым! И хотелось рисовать все эти кардиоиды и решать задачи по терверу. Задачник Сканава был прорешен весь и не без удовольствия.

Как-то я пришла в свою прежнюю школу и попросилась посидеть на уроке. Строгая математичка, которая считалась сильным учителем и потом стала директором, меня любила и разрешила. Я попала на первый урок по логарифмам. Помню, еле сдержала себя: ну что ж так сложно-то, давайте объясню, чтобы все поняли, это же просто. Да что школа, я и в университете на своём ВМК три года не понимала, зачем ходить на семинары — мы все это уже прошли в школе, причём объясняли нам гораздо доступнее. Когда поступала, мне как золотой медалистке надо было сдать один экзамен — устную математику. Достался

вопрос «Площадь треугольника». Я сразу пошла отвечать, сказав экзаменатору: знаю 13 способов вывода формулы площади. Меня прервали вопросом: вы из сороковой? Нет, из 82-ой! Тогда в Горьком было три физматшколы — 36-я автозаводская, 40-я Векслера и наша 82-я.

Нинон была уникальной. И не только потому, что умела так объяснять. Но и потому, что ее уроки — это абсолютная свобода познания, это растущие крылья, чувство полёта, потому что получалось абсолютно все. Математика вообще замечательно строит мозги, приучает мыслить логично и системно, заставляет думать, анализировать, сопоставлять. А когда этому учила Нина Павловна, то результат был блестящий! Вот поэтому я уверена, что мои главные университеты — это родительский дом и эти два года у лучших учителей.

И мы совсем не удивились, когда летом 1978 года ей присвоили звание Героя Социалистического труда — а кого же ещё награждать, если не нашу Нину Павловну. Осенью мы пришли к ней и примеряли эту звезду.

Награда хранится в школе, директор как-то при встрече достала ее мне из сейфа, а я забыла сфотографировать.

Нины Павловны не стало 10 августа 2001. Наш класс пришел на похороны. А в год ее 90-летия, в 2021-ом, мы помогли установить в память о ней мраморную доску у входа в школу. И очень здорово, что в школе проводится олимпиада имени Пермитина –Бакушевой.

Физик Владимир Иванович Островский — высоченный, успевший 18-летним повоевать с Японией. У него была любимая присказка: «Все надо делать быстро... и хорошо». Вообще нас учили все делать хорошо — тщательно, точно, системно, прикладывая голову, разбираясь в источниках. И по возможности быстро. Забавно, но спустя много лет я узнавала выпускников 82-й по фразе «Как учили» в ответ на похвалу за хорошую работу. Ее не раз при мне произносил Саша Блудышев, Миша Теодорович, которые выпускались раньше.

Прекрасная Екатерина Васильевна Поспелова, которая спокойно и убедительно объясняла свихнутым на математике подросткам, что и в ее химии без математики не обойтись. Ее сына Диму — чемпиона по штанге, страдавшего карликовостью, знало все Сормово. Последний раз видела его на похоронах Екатерины Васильевны.

Елизавета Михайловна Раввина, крошечная женщина с железной волей, вела у нас историю. Это про неё фраза, которую приписывают Черчиллю: «У директора школы больше власти, чем у премьер-министра». Думаю, боялись Раввину не только сормовские хулиганы, но и все родители и даже районное начальство.

В этой школе мы как-то обходились без учебников. Учителя давали материал в том объеме и последовательности, как считали необходимым. Елизавета Михайловна, к примеру, открыла нам имя Фёдора Раскольниковова и рассказывала о Волжской военной флотилии. Однажды на уроке сказала, что всегда надо сделать все, что в твоих силах. Поделилась, что до сих пор корит себя за то, что не лечила пиявками недавно скончавшегося мужа, вдруг бы спасла. Я уже закончила школу, когда в «Горьковском рабочем» появилась заметка о том, что ей

присвоено звание заслуженного учителя РСФСР. И только там было написано ее настоящее имя — Лея Мошковна. Даже на надгробии она Елизавета Михайловна. Позже узнала о том, что ее дочь очень тяжело болела.

Наша классная, англичанка Валентина Ивановна Малышева. Мы проводили политинформации на английском, я до сих пор помню свою про «fascist junta» в Чили. Вот умели они учить, наши учителя, ни разу не бывавшие в Англии. В университете на английском преподавательница поинтересовалась, не в английской ли школе я училась. Нет, в английской, тринадцатой, учился мой троюродный брат Павлик Жилин. И позже — все мои дети.

Валентина Ивановна Малышева, учитель английского языка

У «немцев» язык вела Искра Константиновна Музыкава, которая обращалась к ученикам «геноссе», что забавляло: по телевизору только что показали «17 мгновений весны».

После девятого класса мы ездили в школьный трудовой лагерь в Чкаловский район. Жили в заброшенной церкви на высоком берегу Горьковского моря, умывались, стоя в нем по колено, никаких умывальников. Учителя готовили обед на кострах, пока мы пололи льняное поле, голубое-голубое. Был ли передовиком член Совета Федерации Женья Бушмин, учившийся в «б»? Но точно это было лето 1974 года. О том, что по Горькому прошёл ураган, свернувший в штопор кресты на Строгановской церкви, мы узнали, только когда вернулись домой.

Каждый день у нас был по семь уроков, которые заканчивались в половине третьего. И мы всем классом шли на сормовский пятак — поболтать, проводить на автобусы и электричку тех, кто жил в Лукино, Козино, Гастелке, 13 и 17 кварталах. Есть уже хотелось страшно, поэтому в киоске (его убрали с пятака не так давно) в любой мороз и слякоть покупали мороженое. И я его переела так, что снова начала есть совсем недавно, может, пару лет назад. Домой возвращалась в половине четвёртого, ела, ложилась спать, а с половины седьмого до полпервого ночи делала уроки.

Интересно — это самое точное слово, которое описывает мое отношение к учебе.

Усердие и прилежание вознаграждались, так же, как и талант. Одаренность поддерживалась. Школьную золотую медаль я считаю самой дорогой своей наградой, просто так ее не давали. Ты и все окружающие знали — заслуженно.

При всей увлеченности учебной мы были обычными подростками с влюбленностями, сложным выяснением сложных отношений, выездами на Дрязгу с бутылкой «Плиски» за шесть рублей.

У меня хранится тетрадка с нашими школьными стихами, мы писали их то по строчке друг за другом, то это были творения признанных наших поэтов — Игоря Широкова, например, который ушел в отставку в немалом звании.

Это, похоже, коллективное творчество:

Как-то на военном деле мы сидели и балдели.

Светит солнце за окном, в окошко виден Ольгин дом,

Смех с последней парты.

Обсуждают там кино и играют в карты.

Бедный наш Иосиф Зиновьевич Фабрикант, учитель НВП. Когда собирали-разбирали автомат или накладывали повязку-шапочку, было интересно. А когда записывали, что делать в случае атомного взрыва, рядом в тетрадке появлялись строчки: «Хоронися за пеньком иль беги под горку, а сидишь в укрытии — жуй сухую корку». Ну или в карты играли на камчатке.

82-я — наша фамильная школа. Здесь учились мои старшие кузены Лёша и Катя Волковы, я, младшие кузены Миша и Маша Горбуновы. И я не одна Горбунова на золотой доске медалистов. Эта славная доска размещена в рекреации второго этажа. И как очень много там фамилий, которыми гордится Сормово, Горький, Нижний, Россия.

Ирина Панченко

ЖЕЛЕЗНАЯ ЛЕДИ НИЖЕГОРОДСКОЙ НАУКИ

Нижний Новгород — город научный. Я хочу вспомнить женщину, бесконечно преданную науке.

Людмила Николаевна Белюстина — доктор технических наук, лауреат Государственной премии СССР, первый директор НИИ института прикладной математики и кибернетики (ПМК) при Горьковском государственном университете им. Н.И. Лобачевского, была настоящим большим ученым, незаурядным человеком, и — так получилось — моим первым начальником.

Факты из википедии переписывать не стану, кому надо, посмотрит. Просто вспомню эту выдающуюся женщину.

Во второй, Неймарковский, отдел НИИ ПМК меня распределили в 1980 году, после окончания ВМК, первого в стране факультета вычислительной математики и кибернетики. Точнее, распределение было в лабораторию систем фазовой синхронизации, которой заведовала Белюстина. В свои 60 (родилась она в 19 октября 1919 года) она была статной красивой дамой со старорежимным высоким пучком, безукоризненными манерами, негромким голосом и, как поняла потом, стальным (раньше бы сказали мужским) характером, которым очень напоминала Маргарет Тэтчер. Я тогда и знать не знала про ее дворянские корни и деда-адмирала, прочитала об этом гораздо позже.

Л.Н. Белюстина и сотрудники ее лаборатории

Дипломница Майера, аспирантка Брайцева, после вынужденного перерыва в науке — в войну Людмила Николаевна ради куска хлеба работала бухгалтером где-то на Бору, она вернулась в университет в 1945 году. Стала ассистентом на кафедре академика Андропова. К слову, на бывшем первом корпусе бывшего НИИ ПМК на Ульянова, 10 висит доска в его честь. Кандидатскую защищала под руководством Евгении Александровны Леонтович-Андроновой. Сфера интересов — качественные методы нелинейной динамики. В 1963-64 годах приложила немало усилий к созданию НИИ ПМК, сколько-то побывала его директором, а потом, сдав административные полномочия (полагаю, радостно), глубоко погрузилась в любимую теорию систем фазовой синхронизации, которые широко применялись в радиосвязи, радиолокации, радиотехнике.

В своей лаборатории Людмила Николаевна, без преувеличения, царила, окружённая учениками-соратниками, каждый из которых — имя: Белых, Шалфеев, Пономаренко, Некоркин, Максаков, Матросов, Осипов, все лауреаты, кандидаты, доктора, профессора. Про каждого надо рассказывать отдельно, но сейчас — о Белюстиной, которая сумела собрать этих неординарных людей в мощный коллектив-лидер.

В начале восьмидесятых она дописывала докторскую диссертацию, которую защитит в 64 года. В 66 получит Госпремию СССР в области науки и техники. При этом ежегодно к Дню связи организует большую профильную конференцию вместе с обществом Попова: по очереди ученых принимают Горький, Москва, Одесса, Львов. Сейчас я понимаю, как это непросто даже просто физически. А тогда — феерические поездки, в президиуме роскошный красавец Ваган Ваганыч Шахгильдян, позже ставший ректором МИСИ, авторы учебников — живьём, рядом, веселые.

Почему так поздно стала доктором? А она никогда никуда не торопилась. Все делала тщательно и основательно. Не спеша, досконально разбиралась со сроками и ошибками, идеями и вычислениями. Слова «невозможно» для неё не существовало. Разговор, если была недовольна, заканчивала жестко: «У меня к вам вопросов нет». Была очень дотошна. Журналист Галина Шагиева, работавшая тогда в «Горьковской правде», делала интервью с Белюстиной, наверное, месяц: вычищали, уточняли, вели борьбу, каждая со своей стороны, одна — за точность, другая — за доступность. Людмила Николаевна в сотый раз терпеливо объясняла Галке про странный аттрактор и не позволяла упрощать. Найти бы тот текст за 14 января 1987 года, может, и я чего-то вспомню и пойму.

Когда Людмила Николаевна болела и лежала в третьей больнице, у нее в палате непременно был телефон — невероятная редкость по тем временам. Она всегда была на связи, всегда была нужна.

По четвергам в лаборатории проводился философский семинар, где мы пару лет обсуждали идеи Римского клуба. Книгу Аурелио Печчеи, его создателя и первого президента, Людмила Николаевна изучила с нами от и до. Помню, мой средний ребёнок был изумлён тем обстоятельством, что я не только знаю, кто такой Печчеи, но и способна его процитировать.

Ее муж долго заведовал кафедрой кристаллографии на физфаке университета. Причём у него была фамилия Беллюстин, с двумя л. О своём Алексее Всеволодовиче Людмила Николаевна говорила с огромным уважением.

В нашей лаборатории работала ее старшая дочь, Людмила Алексеевна. Мила порой разрушала идеальный образ нашей начальницы — рассказывала, как Людмила Николаевна, вдруг выбравшись на родительское собрание, не могла вспомнить, в каком классе учатся дочери.

Людмила Николаевна совсем немного не дожила до 79. Помню сентябрьский день, толпу народа у ее дома на Чёрном пруду — пришли проводить железную леди нижегородской науки.

М.Б. Александровская

О ДОБРОВОЛЬСКОМ

Рассказ о жизни нижегородского скаута Владимира Дмитриевича Добровольского подготовила одна из его благодарных учениц Марина Борисовна Александровская, которая спустя несколько десятилетий после окончания школы сумела собрать документы и фотографии о такой непростой — «типичной, трагичной, прекрасной» судьбе своего учителя.

В.Д. Добровольский с женой и матерью, предпол. 1933 г.

«Подчиняясь насилию, не примиряюсь с ним»

Владимир Добровольский, 26-летний нижегородец, один из лидеров скаутской организации «Арго», в 1926 году был заключен в Бутырскую тюрьму по делу борьбы с «буржуазным» скаутингом и 3 февраля 1927 года получил приговор: 3 года концлагеря. Местом ссылки стал Соловецкий лагерь. Свои размышления, связанные с арестом и ссылкой не только его одного, но и его друзей-активистов скаутской организации, он изложил в письме, которое из тюрьмы направил напрямую высшему (в его понимании) органу Советской власти — Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету.

Молодой человек, как видно из письма, пытается разобраться с тем, что произошло, и искренне не понимает, в чем его вина и в чем его общественная деятельность угрожает новому общественному строю, который позиционирует себя как «форма общественной жизни, направленная к благу всего человечества».

Владимир надеется, что это недоразумение разрешится и приговор будет отменен, ведь абсолютно ничего «контрреволюционного» в деятельности российских скаутов нет!

Он приводит основные аргументы: «вы хотите создать условия для свободной и творческой жизни человека — и мы хотим, чтобы человек не был мертвым винтиком в общественном механизме. Организованная на началах солидарности и доверия деятельность скаутской организации — разве не перекликается это с идеями свободы, равенства и братства, этими идеалами всеобщего счастья?»

Совершенно непонятным и необоснованным Владимиру кажется и сам факт расправы с активистами, и избранная государством форма — заключение в концлагерь. Он указывает власти на ее лицемерие, когда та возмущается случаями административного произвола по отношению к протестующим в буржуазных странах и в то же самое время творит произвол в отношении собственных граждан, выступающих с критикой некоторых сторон деятельности власти.

«Чего вы хотите достигнуть, посылая нас в концлагерь?» — задается вопросом молодой человек. Для него очевидно, что невозможно переубедить человека насилием, невозможно убить мысль, невозможно заставить отказаться от своих убеждений, а для того, чтобы просто научить работать, совершенно не обязательно лишать человека свободы. У Владимира искренне не укладывается в голове, что его считают врагом отечества, что для него нет места в общественной жизни. Он допускает мысль, что скаутинг — это не единственный путь, ведущий человечество к лучшей жизни, но и не признает, что таким единственным путем является коммунизм.

Далее Владимир пишет, что понимает, что в условиях тюрьмы он не сможет продолжать заниматься своей любимой деятельностью — скаутингом. И он открыто предупреждает власть, что ему не остается ничего другого, как

встать на путь борьбы против власти. «Подчиняясь насилию — не примиряюсь с ним», — такими словами заканчивает он свое письмо.

Владимир написал письмо в 1927 году, он еще молод, у него нет пока собственной семьи, он еще только получил приговор и к своему будущему сроку относится даже с некоторым любопытством, как к некому необычному приключению с проверкой на прочность, к такого рода «квесту».

И, как показало время, Владимир не мог предположить, на что оказалась способна советская власть, как она обошлась с ним и его друзьями впоследствии.

Владимир отбывал заключение в Соловецком лагере, через 3 года — был сослан на 3 года в Сибирь, бежал из ссылки. 8 мая 1930 года был вновь арестован и приговорен к 3 годам концлагеря, в этот раз он отбывал срок на строительстве Беломоро-Балтийского канала в п. Май-Губа (ныне территория Карелии). После окончания срока был сослан в Саратов, где пережил голод (и где применил скаутские навыки выживания в экстремальных условиях), затем в Вятку. В середине 30-х годов вернулся на родину, в Нижний Новгород. С этого времени, как рассказывает его дочь, он прекратил публично высказываться на политические темы, убедившись на своем личном опыте, как власть поступает с теми, кто ее критикует. Он занимался работой, семьей, до конца дней сохранил дружбу с «братвой» — с друзьями своего детства и юности, бывшими нижегородскими скаутами.

Владимир Дмитриевич Добровольский прожил долгую жизнь. Во время одной из ссылок он познакомился со своей будущей женой — активисткой московской скаутской организации, также репрессированной по делу скаутов, воспитал дочь, внука, дождался правнучку. Работал на инженерной должности, был руководителем в одной из электромонтажных организаций. После выхода на пенсию пригодился его опыт скаутского вожатого. Владимир Дмитриевич водил в походы своего внука и его друзей-одноклассников, учил кататься на лыжах и коньках, организовал кружок «Умелые руки» в классе своего внука и бесценно вел его с 1 по 8 класс.

Он научил нас работать с разными инструментами, с разными материалами — с деревом, с тканью, с металлом, с природными материалами. И никто из нас, его учеников, не знал, что он был репрессирован. И сам он никогда об этом не рассказывал. Наше детство пришлось на годы брежневского застоя.

В начале 90-х годов началась работа с архивами ФСБ. Следственное дело В.Д.Добровольского сохранилось, этот документ времени не пропал. Письмо, написанное Владимиром Добровольским из Бутырской тюрьмы в 1927 году, содержит такие вопросы к власти, которые и сегодня дорого обойдутся тем, кто их осмелится озвучить.

Сидит Муля (Самуил) Гурвич, за ним стоит в белой сорочке Владимир Добровольский, Вера Ивановна Шульгина, стоит Володя Гуревич, рядом стоит Борис Зеленов, сидит Тихомирова Екатерина Александровна, крайний справа сидит Борис Соколовски (фото из дела НКВД)

Архив ФСБ. Арх. следственное дело № Р-28397.

Листы 421, об.- 422 + об.

Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету.

3 февраля 1927 года я получил приговор по своему делу № 41624. Посылая это письмо, я не задаюсь никакой практической целью. Я не уверен в том, что его прочтут. Я не надеюсь нисколько, что его содержание будет принято к сведению, но я могу, тем не менее, высказать мысли, которые возникли у меня в связи с арестом и ссылкой меня и моих друзей.

Скаутинг надо рассматривать как прогрессивное общественное движение. Если Вы, изменяя форму общественной жизни, стремитесь к благу человечества, хотите создать условия для свободной творческой жизни, то и мы подходим к этой же задаче, хотя с другой стороны: мы задаемся целью воспитать людей, способных к организованной на началах солидарности и доверия трудовой жизни, и братство у нас в организации не пустой звук.

Мы хотим, чтобы человек был не мертвым винтиком в механизме общества, а творцом жизни.

Вы инкриминировали нам работу подпольного, контрреволюционного характера.

Но кто загнал нас в подполье? И в чем выражалась контрреволюционность?

Если в идейном расхождении с Вами, то не было бы надобности, раз Вы уверены в своей правоте, прибегать к репрессиям — нас так немного.

Если в том, что кто-либо из нас допустил в своих статьях, в журнале, предназначенном для узкого круга людей, резкие порицания некоторых сторон Вашей деятельности, то Вам, лучше чем кому либо известно наличие этих внутренних противоречий в линии Вашего поведения. Мне странно наблюдать, как вы, отбывшие в прошлом свой тюремный и каторжный стаж, протестующие в настоящем против административного произвола, если он (как это происходит в буржуазных странах) направлен против Ваших единомышленников, можете применять те же, не достигающие цели, меры воздействия административной расправы. Неужели Ваш личный опыт не говорит, что насилием можно угнетать и ожесточить, но не убеждать, и что репрессией не убить мысли и убеждения? Чего Вы хотите достигнуть, ссылая нас в концлагерь? Научить нас работать? Но мы умеем работать. Наказать нас? Но мы не можем отказаться от права самим строить свою жизнь, по своему плану. Я не думаю, что мы абсолютно правы, и что скаутинг — единственный путь, ведущий человечество к лучшему будущему; но я не могу признать и того, что единственным путем является коммунизм. Каждая личность имеет право на свой жизненный путь и наказывать за осуществление этого права — несправедливо. Неужели Вы искренно считаете нас врагами отечества, которым места в жизни — нет, творческая энергия которых должна погаснуть в концлагере? Но она не погаснет и там.

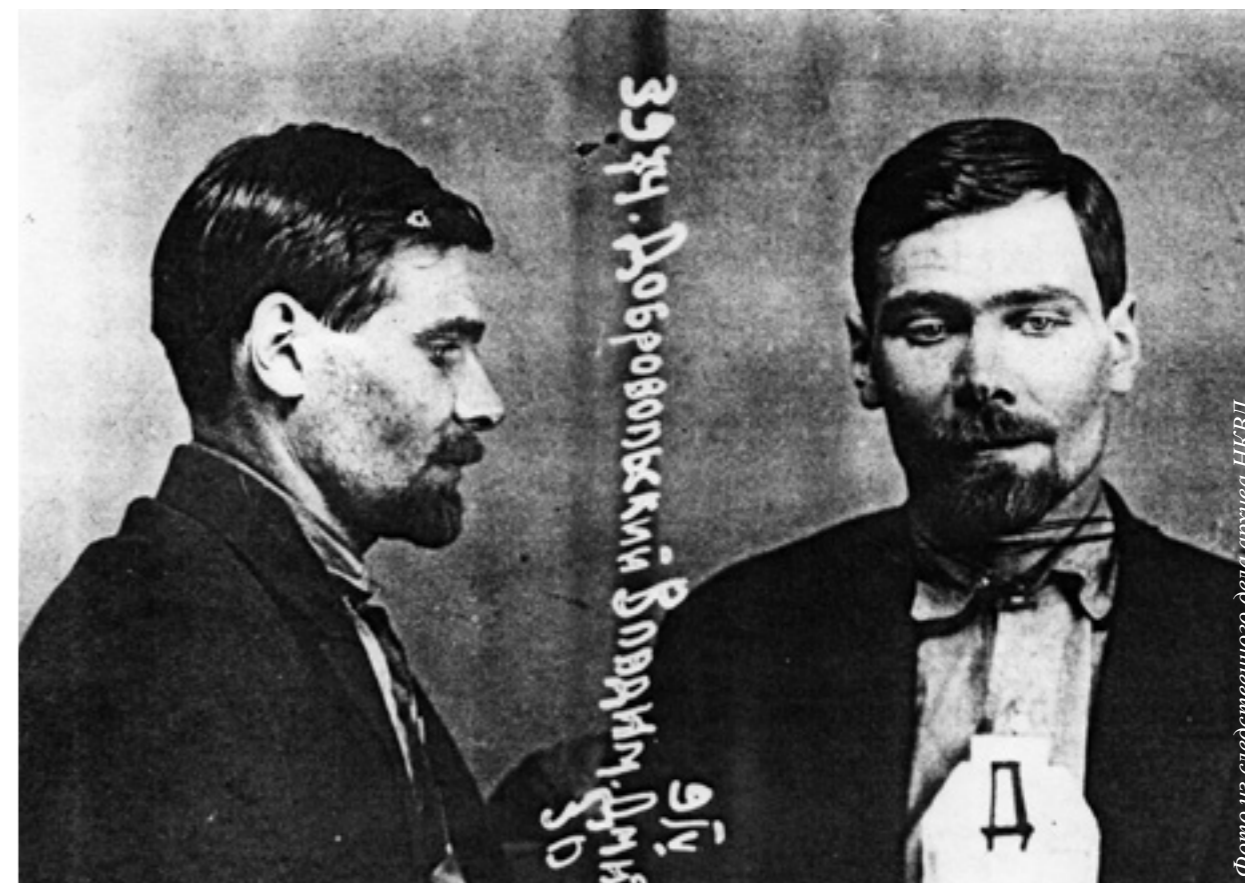
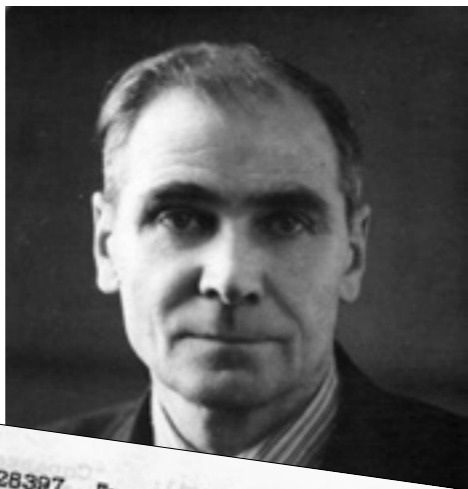

Фото из следственного дела архива НКВД

Архив ФСБ. Арх. следственное дело No P-28397. Листы 421, об.- 422 + об. Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету.

3 февраля 1927 года я получил приговор по своему делу No 41624. Посылая это письмо, я не задаюсь никакой практической целью. Я не уверен в том, что его прочтут. Я не надеюсь несколько, что его содержание будет принято к сведению, но я могу, тем не менее, высказать мысли, которые возникли у меня в связи с арестом и ссылкой меня и моих друзей.

Скаутинг надо рассматривать как прогрессивное общественное движение. Если Вы, изменяя форму общественной жизни, стремитесь к благу человечества, хотите создать условия для свободной творческой жизни, то и мы подходим к этой же задаче, хотя с другой стороны: мы задаемся целью воспитать людей, способных к организованной на началах солидарности и доверия, трудовой жизни, и братство у нас в организации не пустой звук.

Мы хотим, чтобы человек был не мертвым винтиком в механизме общества, а творцом жизни.

Вы инкриминировали нам работу подпольного, контрреволюционного характера. Но кто загнал нас в подполье? И в чем выразилась контрреволюционность? Если в идейном расхождении с Вами, то не было бы надобности, раз Вы уверены в своей правоте, прибегать к репрессиям - нас так немного.

Если в том, что кто либо из нас допустил в своих статьях, в журнале, предназначенном для узкого круга людей резкие порицания некоторых сторон Вашей деятельности, - то Вам, лучше чем кому либо известно наличие этих внутренних противоречий в линии Вашего поведения. Мне странно наблюдать, как вы, отбывшие в прошлом свой тюремный и каторжный стаж, протестующие в настоящем против административного произвола, если он (как это происходит в буржуазных странах) направлен против Ваших единомышленников, можете применять те же, не достигавшие цели, меры воздействия административной расправы. Неужели Ваш личный опыт не говорит, что репрессией можно угнетать и охотничьи, но не убеждать, и что репрессией не убить мысли и убеждения? Чего Вы хотите достигнуть, ссылая нас в концлагерь? Научить нас работать? Но мы умеем работать. Наказывать нас? Но мы не можем отказаться от права самим строить свою жизнь, по своему плану. Я не думаю, что мы абсолютно правы, и что скаутинг - единственный путь, ведущий человечество к лучшему будущему; но я не могу признать и того, что единственным путем является коммунизм. Каждая личность имеет право на свой жизненный путь и наказывать за осуществление этого права - несправедливо. Неужели Вы искренно считаете нас врагами отечества, которым места в жизни - нет, творческая энергия которых должна погаснуть в концлагере? Но она не погаснет и там.

Уже тюрьма, мне лично, дала многое, а в концлагере, я надеюсь, оформятся и те выводы, к которым я подошел. Сейчас мне смешно, когда меня ссылают, как активного контрреволюционера, но я не могу не отдавать себе отчета в том, что стены тюрьмы поколебали во мне уверенность в осуществлении, при данных условиях, творческой, скаутской работы. Что же тогда остается делать? Я думаю, что если, вступив в скаутскую организацию, я буду стоять в рядах борцов против власти, - Вы будете вправе гордиться своим действием, потому что это будет делом Ваших рук.

Я бы просил Вас не подумывать, что я забочусь о смягчении своей участи: наборот, я с некоторым интересом ознакомлюсь с жизнью концлагеря. Неверно также было бы рассматривать последнюю часть моего письма, как "угрозу": просто я, подчиняясь насилью, не примеряюсь с ним и не вижу причин к тому, чтобы не высказать Вам того, что думаю.

Извиняюсь, что отвлек Ваше внимание от более серьезных дел. 4 февраля 1927 г. В.Добровольский Бутырская тюрьма

Дорогие ребята! Следуйте, добрые люди, про то, что свершилось когда-то. Древним сказаниям внимая, - последуйте верным примерам: Каждый, рожденный для жизни, быть не жет или смелым ив трусом. Зло от добра отлетает - научитесь, должны мы с вами. Каждый, кто в мире рождается - свой подвиг исполнив обязан. В жизни и вв помыслах, как плечи в морях Аргонавты. Пусть же попутные ветры несут вас к намеченной цели? Работе жь иогурими веслами синюю грядь, Аргонавты! Множество гордых волею ваших пугам потешит. Любч в туманную даль никогда не устанут пускаться. Как за рудом золотым, - за золотым мечетью.

то ни было - именно Ю.А. был бром принятой дружиной имени символика Аргонавты. контакты - разбегали новых путей в мире справедливости и человетности. то может быть организовано армонично и перестройки нагнаться с орденами кирк-их объединений - ск. отрядов. и об организации скаутская в Коммерческой училищц распространялась и в Намам вступать училищц - зам и красных училищц. Некоб магазин, а. Витит Кисель был отряд Сер. Скаутов, разливали бурно, нарастаюжно и в урках 1917 года. некого в качестве. Несколько т-о ал. Заручились в дружины

Городец в вопросах и ответах. еще послужит. Как-то очень тихо и спокойно без шума и скандала ушел из жизни нижегородский филиал Восток Инвестбанка, оставив после себя тысячи нижегородцев. Что взять с банка. У банка «Восток Инвестбанк», чей филиал ушел из жизни в нашей области, 25 мая 1996 года адресованному «АиФ-НН» заместителю начальника Главного управления ЦБ РФ по Нижегородской области Валентино Золотых. Сейчас в банке пытаются посылать всем кредиторам - владельцам этого банка извещения с подкрепленным наименованием себе и написать по адресу: 600091, Владимирская, ул. Алаустская, 45 а.

Аргументы и факты - Нижегород №12 март 1997.

Уже тюрьма мне лично дала многое, а в концлагере, я надеюсь, оформятся и те выводы, к которым я подошел. Сейчас мне смешно, когда меня ссылают как активного контрреволюционера, но я не могу не отдавать себе отчета в том, что стены тюрьмы поколебали во мне уверенность в осуществимости, при данных условиях, творческой, скаутской работы. Что же тогда остается делать? Я думаю, что если, вступив в скаутскую организацию, я буду стоять в рядах борцов против власти, Вы будете вправе гордиться своим действием, потому что это будет делом Ваших рук.

Я бы просил Вас не подумать, что я забочусь о смягчении своей участи: наоборот, я с некоторым интересом ознакомлюсь с жизнью концлагеря. Неверно также было бы рассматривать последнюю часть моего письма, как «угрозу»: просто я, подчиняясь насилию, не примиряюсь с ним и не вижу причин к тому, чтобы не высказать Вам того, что думаю.

Извиняюсь, что отвлек Ваше внимание от более серьезных дел.

4 февраля 1927 г. В.Добровольский Бутырская тюрьма

кор.14 кам.60 [Штамп]: «Справка.

Арестованный Добровольский В. числится за 5 СО.

Осужден на 3 лет концлагеря Постановлением Особого Сопещения от 28/1 27 г.

Делопроизводитель Бут. тюрьмы»

Гуренок (Добровольская) Мария Васильевна
(1908-1964).

Родилась в Москве, московская герл-скаут ОПСО, патруль Собак. Окончила школу в 1925, состояла на бирже труда. Арестована в Москве 04.11.1926, под следствием в Бутырской тюрьме. Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 28.01.1927 лишена права проживания в 6 населенных пунктах сроком на 3 года. В Н.Новгороде (с 1927). Арестована в Н.Новгороде 31.03.1928, вскоре освобождена. Окончила нижегородское медицинское училище (1930). После освобождения (23.05.1930), жила в Вятке у Зеленовых, затем в Москве. Вышла замуж за Добровольского В.Д. (1932), жили в Вятке, Саратове (1933), затем в Вятке (с 1934). Умерла в Горьком.

Добровольский Владимир Дмитриевич
(1900-1989).

Родился в Москве. Один из организаторов нижегородской скаутской дружины «Арго». Окончил Нижегородское коммерческое училище (1918). Работал электромонтером в Н. Новгороде, препаратором в лаборатории университета, на военной службе (1919-1921); механик в 1 Приволжском тракторном отряде (1921- 1922); старший мастер, электромонтер в Нижшвейпроме (1922-1925); имел механическую мастерскую с Гуревичем В.М. в Ленинграде (1925-1926); затем электротехник артели Коллекстрой в Москве (с 06.1926). Арестован 29.09.1926 в Н.Новгороде во время прохождения военных сборов, этапирован в Москву, под следствием в Бутырской тюрьме. Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 28.01.1927 осужден на 3 года концлагеря. В заключении в Соловецком лагере. Этапирован в Москву на новое следствие по обвинению в подготовке побега, с 28.05.1928 под следствием в Бутырской тюрьме. Постановлением Особого совещания при КОГПУ от 22.10.1928 отправлен «обратно для отбывания наказания на Соловки». Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 11.10.1927 осужден на 3 года высылки в Сибирь через ПП ОГПУ. В ссылке в д.Толмачево Парабельского окр. Нарымского края. Бежал из ссылки (07.04.1930), дошел пешком до Томска, с документами на имя Бороздина Акима Васильевича жил в Вятке у сосланных туда Б.И. Зеленова и Чешихиной Н.В. Арестован на вокзале в Москве по дороге в Н.Новгород (08.05.1930). Постановлением Особого совещания при КОГПУ от 18.07.1930 осужден на 3 года концлагеря. В заключении на ББК, ст. Май-Губа: электромонтер на фибролитовом заводе (с 09. 1930). Освобожден в 1932, женился на Гуренок М.В. В ссылке в Саратове (1933), затем в Вятке (1934). После освобождения жил в Горьком, главный механик треста Верхневолгоэлектромонтаж. Умер в Горьком.

Декларация скаут-мастеров г.Москвы по вопросу о создании детского движения в Р.С.Ф.С.Р.

Вопросы социального воспитания принимают сейчас чрезвычайно острую форму в связи с новой экономической политикой, вызвавшей сокращение сети государственных учреждений, обслуживающих детей, и толкающей их, вследствие этого, под разлагающее влияние улицы.

Распущенность, хулиганство, спекуляция и физическое вырождение огромной массы детей являются в настоящее время настолько очевидным фактом, что пройти мимо него — значит, закрыть глаза на печальное будущее подрастающего поколения.

В то же время современная постановка дела воспитания в детских домах, интернатах в школах, не говоря уже о т. н. неорганизованных детях (дети улицы), в силу как общехозяйственной разрухи, так и отсутствия достаточного кадра педагогов, могущих воспринять и провести в жизнь принципы трудовой педагогики, не отвечает возложенным на нее задачам.

Мы, практические работники педагогической системы «скаутинг», не раз уже указывали, что эта система, вызывая широкое детское движение, построенное на началах самоорганизации и самостоятельности при незначительной поддержке государства, может оказать весьма существенную помощь в решении сложной задачи социального воспитания детей и физического оздоровления. Но достаточно серьезных попыток в этом направлении со стороны заинтересованных ведомств и организаций до сих пор еще не было.

Резолюция пятого губсъезда Московской организации Р.К.С.М., выдвигая вопрос о применении «скаутинга» в деле организации детского движения, создает реальную почву для работы в указанном направлении.

Принимая во внимание это решение съезда и учитывая уже проделанную нами по приглашению М.К.Р.К.С.М. работу по проведению «скаутинга» среди пролетарских детей в районах Москвы, мы считаем необходимым выставить следующие условия для успешности начатой работы:

1. В основу организации детских групп должна быть положена система «скаутинг», освобожденная от ее буржуазного налета и наполненная новым общественно-трудовым содержанием.

2. Применяя эту систему к организации детского движения, надо суметь отбросить не только те характерные черты ее, которые культивировались буржуазией, как например, милитаризм, религиозность, мещанская мораль, но и показную «аполитичность», вроде рассуждения о том, что бережливостью можно уничтожить бедность, а трудолюбием безработицу, а также внешние атрибуты ее, связанные с капиталистическим прошлым, не нарушая, однако, атрибутов символики, подражательности, свойственных детскому возрасту.

3. Отвергая пресловутую «аполитичность», проводимую лидерами заграничного скаутинга, и не ставя, в свою очередь, задачей партийно-политическое воспитание, мы кладем в основу своей воспитательной работы развитие в детях со-

циальной активности, тяги к общественно-трудовой деятельности и укрепление в них духа солидарности, взаимопомощи и т.д. Человек, как гармонически развитая личность, одухотворенная идеей счастья трудящегося человечества, соединяющая и проявляющая свою трудовую волю с волей могучего прогрессивного коллектива коммунистического общества, — вот конечная цель такого воспитания.

4. Организационные формы этого движения должны быть таковы, чтобы не убивать инициативы, самостоятельности самих детей и их руководителей и в то же время, чтобы была обеспечена не опека, а ближайшее сотрудничество с РКСМ, как с организацией революционной молодежи.

Формы могут быть следующими:

В местах, где предположена организация детских групп, создаются советы, избираемые практическими работниками этого движения, в которые на основе тесного сотрудничества входят также представители местной организации РКСМ и которые (советы) руководят всем делом организации, стремясь найти активное содействие и заинтересованность у местных органов народного образования.

5. Старое скаутское движение, покоящееся на отвергнутых уже нами выше буржуазных принципах, является естественно-противоположным новому детскому движению и потому не может вызвать с нашей стороны ничего иного, как борьбу за победу именно «освобожденного скаутинга». Название «скаут», поскольку оно является синонимом движения со старым содержанием, может быть заменено новым, причем лучшим и наиболее ярко отражающим сущность движения было бы название «юные пионеры».

Основываясь на успехе уже начатой на территории Москвы работы, мы твердо верим, что общим творческим порывом всего молодого и революционного среди работников волонтерно-трудового воспитания, при общей поддержке и участии в этом деле рабоче-крестьянской молодежи, детское движение станет надежным фундаментом для строительства нового трудового общества.

В заключение московские скаут-мастера обращаются с призывом ко всем практическим работникам системы «скаутинг» в Р.С.Ф.С.Р. объединяться с Российским Коммунистическим Союзом Молодежи для совместной работы на основах настоящей декларации.

Будьте готовы!

Н.Фатьянов, В.Зорин, А.Брюшков, Я.Смоляров, В.Федосеев, А.Самцов, Е.Сморозин, Г.Гильгендорф, Н.Шамет, Г.Егоров, К.Карра, С.Гуревич, Б.Карнеев, С.Левина, Н.Эльбе, М.Стремяков, Е.Герасимова, Н.Крутова.

Москва 17 мая 1922 г.

// Вестник скаута. Областной скаутский орган. Архангельск, [август] 1922, NoNo 8-9, с.1.

А.Л. Агафонова

О НИЖЕГОРОДСКИХ СКАУТАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

*Посвящается Юрию Алексеевичу Ульянову
и Дмитрию Викентьевичу Добровольскому —
руководителям Нижегородской скаутской дружины «Арго»*

В 1916 году в Нижнем Новгороде при Коммерческом училище была создана первая скаутская организация. Молодой учитель географии Юрий Алексеевич Ульянов основал первый скаутский отряд среди своих учеников 5 класса, 14-15 летних подростков. Скаутское движение увлекло молодежь и быстро стало расти. В 1917 году была создана Нижегородская скаутская дружина «Арго», объединившая несколько скаутских отрядов, начальником дружины стал Юрий Алексеевич Ульянов. По состоянию здоровья Юрий Алексеевич уехал из Нижнего Новгорода, и начальником Нижегородской скаутской дружины стал Дмитрий Викентьевич Добровольский. В скаутском движении участвовали трое его старших детей — два сына, Владимир и Николай, и дочь. Свои воспоминания о скаутском движении Нижнего Новгорода оставила одна из его участниц — Ангелина Леонидовна Агафонова. Экземпляр-копию своих воспоминаний она подарила дочери Владимира Дмитриевича Добровольского — Марине Владимировне. Марина Владимировна (в замужестве — Агафонова) поделилась воспоминаниями Ангелины Леонидовны и другими документами из своего семейного архива.

Справа налево: Добровольский В.Д., Агафонова А.Л., Соколов Ю., Шульгина В., Глассон В., Добровольский Н.Д. (брат В.Д.) и предположительно жена Глассона, 1978 г.

*«Мы ничего не делали — мы просто жили»
В.Добровольский*

Предисловие от автора

Это было 12 сентября 1989 г.

Мы вернулись с кладбища, похоронив Вову Добровольского.

...Поминальный обед.

Слева от меня сидела Верочка Шульгина, напротив — молодой человек, как я узнала позже, племянник Вовы — Валентин Борисович Добровольский.

И вдруг я, наклоняясь к Верочке, говорю: «Нам надо в память Вовы написать что-то вроде истории нашей нижегородской Дружины. Это надо, надо?».

Верочка кивнула...

Молодой человек поднял голову внимательно и интересом посмотрел на меня. Я до сих пор не могу забыть этого, и мне стыдно, стыдно за себя и перед собой и перед этим человеком. Уже седьмой год, а я все «пишу».

Конечно, есть тому объективные и субъективные причины — быт и память. Много, даже целые годы, стерлись в памяти.

Декабрь 1996 г.

Я, наконец, написала все, что могла.

Я начала писать о наших нижегородских скаутах из следующих соображений: хочется, чтобы историей города не были забыты первые скауты.

Сейчас появились опять у нас скауты, к сожалению, я о них ничего не знаю: не знаю их основные идеи, законы, обычаи.

Хочется передать историей «дух» нашей дружины — мысли и мечты юных мальчиков и девочек.

В архивах многих других городов России сохранились материалы с воспоминаниями о скаутских организациях, но о нашей «независимой» нижегородской Дружине трудно что-либо обнаружить.

И, наконец, моя внучка просила: «Бабушка, вот ты иногда что-то рассказываешь о своем детстве и юности, но ведь мы забудем это — напиши, пожалуйста».

И вот я написала. Как смогла. Как получилось.

1997 г.

Нижний Новгород

ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ. СКАУТЫ

Кто они? Как и когда появились они на нашей Планете.

Полковник английской армии Роберт Баден-Пауэлл, участник англо-бурской войны, находясь со своим отрядом в осажденном Мафекинге, создал из местных ребят команду связистов-велосипедистов. Его поразили энтузиазм и ответственность, с которыми молодежь исполняла даваемые им поручения.

Вернувшись после войны на родину, он обратил внимание на слонявшихся без дела на улицах Лондона подростков. Вспомнил, с какой радостью и желанием такие же мальчишки выполняли его поручения. И он решил эту юношескую энергию попытаться направить на благо Родины, на благо общества и, прежде всего, на благо их самих.

В 1907 г. Роберт Баден-Пауэлл собрал окрестных ребят-подростков и отправился с ними за город на остров Браунси. Поставили палатки и прожили там несколько недель.

Вернувшись оттуда, он написал свою знаменитую книгу «Искусство разведки для мальчиков». В ней была изложена идея воспитания юношей-скаутов, как он их назвал (разведчиков, следопытов). Книга о жизни в палатках в лесу. Книга интересная, полная приключений. Она предназначалась для ребят трудного возраста — 12-15 лет.

Скауты — разведчики в мирной жизни. Никакого не имеют отношения к войне. Это первое. И второе — Баден-Пауэлл предупреждал: не допускать излишней заорганизованности — не надо ВЕСЕЛУЮ, УВЛЕКАТЕЛЬНУЮ ИГРУ превращать В СЕРЬЕЗНОЕ, СКУЧНОЕ ЗАНЯТИЕ.

Книга и ее идея заинтересовала молодежь, и в Англии появились организации мальчиков — бойскаутов, а вскоре и девочек — герлскаутов. Книга была переведена на многие языки мира. Вскоре скауты появились и в других странах.

В России книга вышла под названием «Юный разведчик» Баден-Пауэлл.

Одним из первых организаторов в нашей стране называют О.И. Пантюхова.

Полковник лейб-гвардии I-го стрелкового полка Олег Иванович Пантюхов создал первый патруль «Бобры». Это произошло 30-го апреля 1909 г. в Царском Селе. Так появились у нас в России скауты.

Жизнь скаута, как считал Баден-Пауэлл, делится на два периода: отпускное время — каникулы — жизнь в палатках, в лесу, и остальное время, свободное от учения, домашних и прочих обязанностей, посвящается, в частности, подготовке к лагерной жизни на природе.

Скаутская организация имеет четкие организационные формы: свои законы, обычаи, знаки приветствия, свой значок и гимн. И свою форму одежды: рубашка с накладными карманами и шорты, галстук и широкополая шляпа

(все цвета хаки). В руках «посох», длиной в 1,5 м. (У нас посох почему-то не был принят).

Патруль 6-7 человек, носящий (между прочим, так было принято у индейцев) имя какого-нибудь зверя или птицы. На патрульных флажках (обычно небольших треугольных) и значках изображение этого зверя. 4-6 патрулей образуют отряд, численностью до 40 человек. Несколько отрядов — «Дружина». В Дружине, как правило, взрослым был только один человек — Начальник Дружины. Все остальные: начальники отрядов, начальники патрулей — патрульные — были свои ребята. Они выбирались из своей среды. Понятно, что это были самые уважаемые, самые любимые и, пожалуй, из более взрослых в данном отряде или патруле.

ГИМН

БУДЬ ГОТОВ!

Будь готов, разведчик, к делу честному!

Трудный путь лежит перед тобой,

Глянь же смело в очи неизвестному,

Бодрый телом, мыслью и душой!

В мире много горя и мучения,

Наступила страдная пора:

Не забудь святого назначения,

Стой на страже Правды и добра!

Тем позор, кто в низкой безучастности

Равнодушно слышит брата стон...

Не страшись работы и опасности,

Твердо верь: ты молод и силен!

Помогай больному и несчастному,

К погибающим спеши на зов,

Ко всему большому и прекрасному

Будь готов! — Всегда готов!

Автор гимна — Николай Адуев (ж. «Наука жизнь» 1990 г. №10, стр. 39)

Музыка к гимну написана нижегородцем Г.А. Антиповым

ЗАКОНЫ СКАУТОВ.

ПЕРВЫЙ — Скаут честен и правдив.

Добровольно данное обещание скаута должно быть неизменно, на честное слово скаута люди могут положиться; он не изменит и не продаст. Его слово равносильно самой торжественной клятве. Честь скаута должна быть всегда чиста.

«Мне говорил знакомый учитель, что всегда знает, кто у него скауты — они очень ответственны. Данные им поручения будут сделаны и в срок». («Я скаута узнаю по улыбке», Комсомольская Правда, 28.08.1990)

«Круз, поклянись, что сделаешь, что я тебя прошу». «Нет», — отвечает Круз, — «Я был скаутом и я даю слово скаута, что это выполню». Этим он хотел сказать, что слово скаута тверже и надежнее всякой клятвы. (Телесериал «Санта-Барбара»).

ВТОРОЙ — Скаут предан Родине, своим родителям и руководителям.

Скаут любит свою Родину, он готов пожертвовать для нее всем, даже жизнью. Он должен стремиться сделать ее еще более великой и прекрасной. Скаут руководителей — начальников отряда, патрульных — выбирает сам.

ТРЕТИЙ и последующие: — Скаут помогает ближнему.

Скаут друг всем и брат всякому другому скауту.

Скаут беспрекословно исполняет приказания своих начальников.

Скаут вежлив и услужлив.

Скаут друг животных.

Скаут бережлив.

Скаут чист в мыслях, словах и делах.

Скаут трудолюбив и настойчив.

Скаут весел и никогда не падает духом.

Скаут скромн.

НЕКОТОРЫЕ ЗАПОВЕДИ:

Не жди ничего от других, но сам давай все, что можешь.

Будь рыцарем, защищай бедных и слабых, будь поборником правого дела.

Пусть воля твоя будет как лук, туго натянутый.

Подражай покровителю скаутов — Георгию Победоносцу — поражай зло в мире и, прежде всего, порази злого дракона в самом себе.

НЕКОТОРЫЕ ОБЫЧАИ:

Скаут считает своей обязанностью каждый день сделать непременно что-нибудь доброе людям — пусть хоть и небольшое.

Скаут не пьет и не курит.

Скаут тщательно соблюдает правила личной гигиены.

Скаут стоит и сидит всегда прямо.

Скаут не сквернословит.

Поссорившись между собой, скауты должны помириться до заката солнца.

Скаут должен уметь оказать первую помощь раненому или пострадавшему в результате несчастного случая, уметь перенести пострадавшего без носилок,

– знать приемы спасения утопавшего,

– знать некоторые приемы борьбы,

– иметь различные трудовые навыки,

– знать правила поведения при пожаре, уметь предотвратить панику.

По отношению к Природе –

Скаут чувствует себя не «владыкой природы», а ее неотделимой частью. Человек дышит воздухом так же естественно, как и дерево.

Воздух, Солнце, Вода — вот неоценимые дары Природы, которыми мы учимся пользоваться в полной мере.

У скаутов есть два праздника:

23 апреля — день Георгия Победоносца,

11 декабря — день Матери.

Салют скаута: поднять правую руку, пальцы которой: мизинец и большой согнуть, а три средних вытянуть: Здороваются левой рукой.

Таким образом, скауты приветствуют друг друга.

ЛОЗУНГ СКАУТА: «Будь готов!»

Ответ: «Всегда готов!»

ЗНАМЯ

Значок

Все свободное от школьных занятий и домашних обязанностей время было заполнено нашими скаутскими делами.

Познакомившись с законами, обычаями и пр. скаутской организации понимаешь, что скауту многое надо знать и уметь делать. Чтобы на «Будь готов!» иметь право отвечать «Всегда готов!»

Вот этой «черновой работой» мы занимались в патрулях, на сборе отряда и даже всей Дружины.

Вот здесь и было самое главное: наши занятия должны были проходить в играх — интересных, занимательных, увлекательных, умных.

Таких играх, благодаря которым в юноше развивается — мужество, сила, настойчивость, находчивость, терпение. Чувство товарищества, умение подставить свое плечо тому, кто нуждается в помощи.

Надо подготовить себя физически и морально. Дисциплинировать себя.

Нижний Новгород.

Скаутская Дружина «АРГО».

В Нижнем Новгороде скаутская организация была создана в 1916 г. при Коммерческом училище. Молодой учитель географии Юрий Алексеевич Ульянов предложил ученикам своего 5-го класса 14-15-ти летним мальчикам организовать отряд скаутов. Вероятно, он рассказал им о скаутском движении в мире и у нас в стране. О том, что жизнь юного разведчика, как еще называют скаутов — жизнь особая, жизнь в лесу, в палатках. Жизнь, полная приключений, романтики.

Лес. Надо найти удобное место для лагеря (близ речки), правильно поставить и разместить палатки. Место для костра и прочее.

Знакомство с лесом: близкие и дальние походы. Не заблудиться. Возвратиться к лагерю по оставленным приметам, ночью по звездам (кстати, где-то читала, что в Древней Греции и пастухи разбирались в созвездиях и их движении). Надо научиться наводить переправы (мосты) через ручьи и небольшие речки:

Известие об организации скаутского отряда при Коммерческом училище быстро разнеслось по городу и так заинтересовало молодежь, что в отряд стали вступать учащиеся нижегородских гимназий и реального училища. Вскоре появились скаутские отряды и в других гимназиях. Отряды мальчиков — бойскаутов. В женской гимназии, при участии учителя этой гимназии А.О. Киселева возник отряд девочек — герлскаутов.

В 1917 году отрядов стало так много, что решено было организовать Скаутскую Дружину Нижнего Новгорода. Дружина состояла уже из четырех отрядов бойскаутов и четырех отрядов герлскаутов. В каждом отряде было по четыре патруля. В патруле 6-7 человек. Начальником Дружины в первые годы был Ю.А. Ульянов. По предложению Юрия Алексеевича Дружина получила имя «Арго» в честь мифологического корабля, на котором юноши Древней Греции — аргонавты отправились в долгий и полный опасности путь вдоль берегов Понта Эвксинского (Черного моря) за своей мечтой — Золотым Руном.

Было шито знамя. Красивое. Шелковое. На одной его стороне был нарисован (рисовал Юра Игнатьев) корабль «Арго», плывущий по волнам, на другой был изображен «Св. Георгий Победоносец, убивающий дракона». Св. Георгий Победоносец считался покровителем всех скаутов мира.

Начальник скаутской дружины
учитель Ю.А. Ульянов

23 апреля. В этот день ежегодно Дружина в полном составе торжественно отправлялась в первый свой поход после зимы. Колонну возглавлял наш знаменосец Женя Шапошников. За ним шли отряды со своими флагами и патрули с треугольными флажками. Было действительно празднично, красиво.

...Идем мы по оврагам ускоренным шагом
И ветер флагом играет подчас.
Свет солнца струится на бодрые лица
И весело птицы встречают нас.
Мы усталости не знаем,
Вечно юны и бодры.
Дружной песней начинаем
День работы и игры...

За городом выбиралась поляна. Разжигались костры (с одной спички в любую погоду). Готовилась еда. Проводились различные спортивные игры.

В одном таком походе была и я. Это было незабываемо...

Кажется, это был последний поход перед официальным роспуском нашей Дружины.

Нашей Нижегородской дружине очень повезло. Нас окружали взрослые высокоморальные люди. Они были нам друзьями, помогали нам советом. Участвовали в нашей жизни. Отдавали нам много своего времени.

Наш первый руководитель, организатор, начальник Дружины был Юрий Алексеевич Ульянов (1891-1932 гг.)

Ю.А. Ульянов получил гуманитарное образование в Московском университете. Преподавал географию и естествознание. Уроки его всегда были интересны, содержательны. Говорил свободно, увлекательно, красиво. Покорял аудиторию своей непосредственностью. С учениками был общителен и доступен. С уважением относился к достоинству каждого человека. Держался со всеми, как равный с равными. В беседе смотрел всегда людям в глаза. Часто улыбался. Ценил свежесть мыслей и остроумие.

К нему можно было обращаться с любым вопросом в любое время. Для него не было мелких дел. С ним можно было говорить на любую тему и быть уверенным в его понимании и отзывчивости.

Одевался скромно и просто. Обычно — в черной тройке, обязательно галстук. Был он роста выше среднего, худощавый, светлый шатен с рыжеватым оттенком. Близорук. Носил пенсне и очки. Волосы стриг коротко, под машинку. Жил он со своей матерью — Анастасией Петровной, бывшей революционеркой, испытавшей горе тюремных условий.

«Юрий Алексеевич любил детей и юношество. Был склонен к изящной литературе, писал стихи. Интересовался и побуждал к индивидуальным увлечениям литературой, театром, живописью.

В общении и в обращении был приветлив, вежлив. Был внимателен к нуждам своих юных товарищей. Не высказывался прямо о замеченных недостатках, а обращал на это внимание мимоходом, не обижая: воспитывал дух товарищества. В обращении друг к другу вводил элементы рыцарства. Особенно внимательно отработывал корректное отношение к друзьям — девушкам. Требовал чуткости и добросовестности. Флирт осуждал как проявление нескромности. В поведении с девушками ценил сдержанность и заботливость» (из воспоминаний Б. Соколовского).

С Юрием Алексеевичем, будучи уже скауткой, мне не пришлось встретиться. Но я училась у него в школе. Первые годы своей школьной жизни мне пришлось поменять несколько школ, не помню почему, но так получилось. И в одной из школ нашим учителем по географии и естествознанию был Юрий Алексеевич. Его уроки мы все ученики очень любили. Может, с тех пор я и полюбила природу и путешествия.

Однажды Юрий Алексеевич сказал, что программу по географии этого года он закончил и предложил нам дать ему записочки с двумя вопросами, он на них будет отвечать на следующих занятиях.

У одной из наших девочек только что умерла мама. И ее, кроме горя, волновали вопросы жизни: для чего живем, что будет дальше и пр. Вместо прямого ответа он рассказал случай из своей жизни: «В детстве я много болел, я был нездоровым ребенком, слабым. Помню, лежу в постели и вдруг чувствую, как что-то полилось теплое по лицу (изо рта), смотрю — красное. Кровь?.. Дальше все. Пустота... Просыпаюсь. Я лежу на столе. Где-то около двери — крышка гроба... Оказалось, я потерял сознание. Был, видимо, летаргический сон. Очень долгий. И меня собирались уже хоронить, но мама все не давала».

По естествознанию мы вели дневники. Записывали погоду, рисовали закаты солнца и дымы из труб, куда их ветер отдувает (дома тогда отапливались дровами). Сажали в цветочные горшки семена и зарисовывали всходы. У меня в тетради его рукой всегда стояли хорошие отметки: очень хорошо, отлично. Очень жалею, но я совсем недавно выбросила эти дневники.

У меня запечатлелся еще один его рассказ (тоже на уроке географии). Кажется мне, что он говорил это о себе — ехал он на пароходе и среди других пассажиров обратил внимание на одного, видимо, индуса. И вот ночью стук в дверь каюты: индус? Просит зайти к нему. Входим. Подходим к столу, тушит свет и убирает какой-то платок. Чудо! Сияние необыкновенной красоты — драгоценный камень! Возглас: «Ну как?». И я вспомнил, говорит Юрий Алексеевич, что есть у индусов

обычай дарить человеку понравившуюся тому вещь. Свое изумление и восторг я успел подавить и сказал что-то вроде: «Да ничего».

И еще. Вытаскиваю из своей памяти: большая комната, много ребят разного возраста, мне незнакомых (может, это и были скауты?) и я. Юрий Алексеевич рассказывает о времени жизни на нашей планете ихтиозавров, птеродактилей. На меня его рассказ произвел такое огромное впечатление, что как не странно, сижу за письменным столом у окна и, услышав нарастающий шум сверху, с неба (самолет, конечно), но я вспоминаю тот рассказ и жду. Жду, что увижу сейчас, летящих этих жутких птиц.

Первым начальником нашей Дружины, как уже говорилось, был Ю.А. Ульянов. Юрий Алексеевич был болен туберкулезом. Врачи посоветовали ему сменить климат.

Вторым руководителем нашей Дружины стал Дмитрий Викентьевич Добровольский (1876-1944). По специальности он не был педагогом. Но он обладал отличными организаторскими способностями и тактом в общении с молодежью. Ни одно значительное событие в обществе не проходило без отклика в их семье. Семья была большая. Старшие дети: два сына и дочь стали одними из первых скаутов нижегородской Дружины.

Естественно, что идеи скаутской организации были ему близки, и он с первых же дней стал активным ее помощником. Удивляло его спокойствие, добродушие и терпимость ко многим нашим недостаткам и нашей шумливости. Всегда было приятно гостеприимство Пелагеи Ильиничны Добровольской и ее непостижимо отзывчивое отношение к бесчисленным посещениям ребят их дома. Каждый вечер в комнате старших мальчиков Вовы и Коли собирались скауты мальчики и девочки с различными вопросами, по всяким своим делам, да и просто так — повидаться. Квартира Добровольских была, можно сказать, неофициальным штабом нашей Дружины.

ул. Б. Покровская, д.76, где жили Добровольские до 1983 г

Дмитрий Викентьевич, будучи механиком и заведующим электростанцией, имея многочисленную семью, удивительно много времени уделял скаутам и общему нашему делу — Дружине.

Будучи членом правления Добровольного пожарного общества он ввел нас (скаутов) туда в качестве общественного отряда охраны имущества во время пожаров. Старших стали принимать в отряд «лазальщиков», то есть активных борцов с огнем. Старший сын его — Владимир был шофером пожарной машины.

Кстати: Вова учил ребят-скаутов как прыгать (шагать) с высоты — с крыши или из окон горящего дома в подставленное внизу полотно, которое держат товарищи под этой высотой. Надо было ШАГНУТЬ, иначе попадешь (упадешь) мимо полотна. Сам Вова нам демонстрировал прыжки: прыгал — шагал «солдатиком» в р. Оку с плашкоутного моста, а также с башенного крана, стоявшего где-то поблизости. С моста прыгали Женя Шапошников и Слава Карпов. О других не знаю.

Однажды я была свидетельницей такой тренировки: с крыши 2-х этажного дома («Артели» на ул. Новой) учились (прыгать) ШАГАТЬ ребята в подставленное внизу полотно. Полотно держало много мальчиков. Вова перед каждым очередным прыжком очень твердо предупреждал, что надо ШАГНУТЬ. Пока прыгали мальчики, все было спокойно — шагали в полотно. Но вдруг решились девочки Сима Клепикова и Муся Бибинова. Влезли на крышу. Симочка подошла к краю... И прыгнула (не шагнула), а прыгнула. К счастью, ребята, державшие полотно, моментально среагировали, сдвинулись и успели ее поймать. Муська так и не решилась. Слезла с крыши.

А я и сейчас не представляю себе, как это можно шагнуть одной ногой в воздух? А другая куда денется? Она же останется на крыше? Зацепится за нее?!

После отъезда Юрия Алексеевича, а, может, еще и при нем, при Дружине был образован «Совет трех» (выбирался простым большинством голосов). Вова Добровольский, Борис Соколовский, Борис Зеленев. Привлекались и другие — Вера Шульгина, Катя Тихомирова, Антося Авдеева, Муля Гурвич, Андрей Башкиров, Андрей Шапошников и пр. О сроках «жизни» Совета и его перевыборах, я не знаю. В общем, было демократическое управление: Демократия!

Но из всех наших ребят, наших скаутов мы выделяли одного — Владимира Дмитриевича Добровольского.

Вова. «Вовка», как все мы его любя называли... Странно звучит?

Мне Женя Шапошников пишет с фронта войны 1941-1945 гг. — «Передай привет Вовке».

Странно звучит!? Но это обращение к нему несколько не умоляло его достоинства. Слишком глубоко к нему было наше уважение. Слишком высок был его авторитет.

Он был особенный. Личность. О таких говорят: «Человек с большой буквы». Всегда доброжелательный, тактичный, чуткий. Конечно, очень умный. И очень скромный.

К нему идешь с каким-нибудь вопросом и знаешь, что выслушает внимательно, посоветует, поможет, не обидит, если даже обратиться с каким-нибудь глупым вопросом. О нем говорили: «С ним бывает достаточно даже молча посидеть рядом, чтобы успокоиться, чтобы прийти в себя».

Владимир Добровольский был начальником I-го отряда бойскаутов. Шли годы. Мы теряли наших старших друзей, и Вова Добровольский неизменно оставался для нас бессменным, постоянным выбираемым руководителем всей нашей «братвы». Его сердцу, его уму мы обязаны многому хорошему — доброжелательной атмосфере в нашей среде.

Его кредо: «Большое внимание придавалось развитию доброжелательности, тактичности, чуткости к людям, готовности оказать помощь, не дожидаясь просьбы об этом».

Одним из наших взрослых друзей был Николай Александрович Покровский (1881-1943 гг.). Видный зоолог, заведующий естественно-историческим музеем, размещавшимся в это время в двухэтажном доме на углу улиц Варварской и Осыпной. (Сейчас там музыкальная школа №8).

Музей был организован в декабре 1885 года и своим рождением обязан знаменитой экспедиции, работавшей на нижегородской земле в конце прошлого столетия. Задачей экспедиции было выяснить, каково геологическое строение и почвенный покров губернии. Экспедицию возглавлял известный ученый Василий Васильевич Докучаев. Под его руководством работали молодые ученые: почвоведы, геологи, ботаники. Ими был собран богатый материал: образцы почв, растений и пр.

В.В. Докучаев явился инициатором создания музея, используя при этом собранные экспонаты экспедиции. Первым заведующим музеем стал ученик и помощник В.В. Докучаева Н.М. Сибирцев. При музее существовала библиотека, лаборатория.

Естественно-исторический музей Нижегородского губернского земства был первым подобным учреждением в российской провинции конца XIX века. Он быстро приобрел известность. В 1887 году Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей издало «Нормальный устав естественно-исторических музеев», причем учреждение их по образцу нижегородского рекомендовалось всем земствам России.

Николай Александрович Покровский родился в Нижнем Новгороде в 1881 г. По окончании в 1903 г. нижегородской гимназии он уезжает в Петербург и поступает в университет на естественное отделение физико-матема-

тического факультета. По окончании в 1911 г. университета возвращается в Нижний Новгород. Поступает на работу в Нижегородский земский музей в качестве консерватора (хранителя) естественно-исторического отдела. Вскоре он становится заведующим музеем.

Николай Александрович семьи не имел. Жил очень скромно в небольшой комнате при музее. Был он высокого роста, сухощавый с седой курчавой головой. Был близорукий, носил старомодные очки. Любил молодежь. Охотно делился своими знаниями с мальчиками, которые тоже любили его и тянулись к нему.

Его постоянно видели выходящим из города с рюкзаком и с гербарной папкой в сопровождении ребят разного возраста. Наши мальчики-скауты часто ходили с ним на экскурсии, а также бывали у него дома, проводили вечера за интересными беседами. К сожалению, я не могу точно назвать, кто у него бывал из наших скаутов. Знаю, что братья Шапошниковы Женя и Федя много времени проводили с ним. Многие из его юных помощников стали в будущем его друзьями. Но он продолжал называть их по-старому — «Мои ребяташки». Многие из них стали крупными учеными, в их числе были и биологи.

Николай Александрович очень любил природу и всегда внушал своим юным помощникам бережно относиться к ней. Коллекционирование животных и птиц допустимо лишь в научных целях и только тех птиц и зверей, которые нужны для пополнения коллекций музея. Нельзя добывать птиц во время их гнездования. В военное время помещение музея не отапливалось, и Николай Александрович очень беспокоился за сохранность экспонатов.

Лично для него одинокого, скромного, уже стареющего ученого бытовые условия военного времени оказались особенно тяжелыми. Его житейская неприспособленность, скудное питание тяжело сказывалось на здоровье. Он умер в 1943 году.

Хочется назвать несколько человек из его «ребятишек», которые в будущем стали довольно известными людьми, об их добрых воспоминаниях о Николае Александровиче.

А.Н. Формозов. Крупный зоолог-эколог, профессор Московского университета, в свои гимназические годы (с 1912 г.) был одним из постоянных спутников и помощников в походах Покровского. Много лет спустя он пишет: «...Коллекция музея была в образцовом порядке. Казалось, целое общество раскинуло сеть своих ячеек по обширному краю и в тесных залах музея стремится, как в маленьком зеркале, отразить разнообразную природу губернии, ее богатство, дожди, урожаи и засухи. Но общества никакого не существовало, был всего один человек, и звали его Николай Александрович. Были совсем не зоркие, близорукие глаза под старенькими очками и великая любовь к делу,

давшая этому болезненному человеку силу десятилетиями преодолевать людскую косность, проливные дожди осенних пешеходных экскурсий и горечь неуютной «холостяцкой жизни» (Среди природы. М. 1978, стр. 108-110) — Цитата А.Н. Формозова — Козлов.

Е.К. Федоров. Академик, один из папанинцев, оказавшихся на льдине, плывущей от северного полюса. В одном из своих писем в г. Горький (IX, 1978) пишет о Николае Александровиче: «В течение нескольких лет я принадлежал к группе ребят, которых он опекал, воспитывал и учил пониманию природы. В эти годы — 1922-1925 мы часто ходили с ним в недалекие походы, собирали растения, наблюдали поведение различных пичуг и зверушек. Он учил нас препарировать образцы, снимать шкурки застреленных им птиц и мелких животных, чтобы приготовить чучела для музея. Он жил очень скромно — одинокий, в маленькой комнатке музея. Никогда не жалел времени для ребят, рассказывал о многих интересных вещах. Всегда был спокойным и доброжелательным».

С. Л. Агафонов. Архитектор-художник. Окончил архитектурный факультет Всероссийской Академии Художеств в Ленинграде в 1936 г. Почетный член Российской Академии Архитектуры и строительных наук. Наш город обязан ему восстановлением — реставрацией кремля. Хотя и не регулярно, но вместе со своими товарищами по школе — Женей Федоровым и Колей Мавриным много раз сидел на веслах и ставил большой парус в лодке при поездках Николая Александровича по плесам Оки и Волги. Кстати — Святослав Агафонов был некоторое время «волчонком» при I-м отряде бойскаутов в патруле Васи Глассона. «Волчата» — это будущие скауты, когда подрастут.

Большим другом наших мальчиков был Александр Николаевич Беклемишев. Много времени и внимания уделял им. Интеллигентный. Тактичный. Приветливый. Любил музыку. Играл на рояле, пел. У него самого был красивый голос — баритон. Любил хор. Часто собирал мальчиков у себя. Пел с ними. Любил дирижировать. В то время хоровое пение было очень распространено. Был женат, но детей у них не было. Александр Николаевич любил фотографировать. Имел свою фотографию и на фотокарточках ставил свою эмблему — «Форесто» — его марка.

Александр Олимпович Киселев был преподавателем женской гимназии. Первый в городе отряд герлскаутов организован был им. Доброжелательный всегда улыбчивый, интеллигентный. Очень приятный человек. Его любили и уважали ученицы. Он постоянно был ими окружен.

Кроме названных мною лиц было много и других, многие родители ребят тепло и благожелательно относились к нам. Адриановы Василий Васильевич

и его жена (учители оба) всегда приветливо встречали нас. Мы летом часто во дворе их дома играли в волейбол. Отец Алика Скворцова, будучи заведующим лабораторией и небольшого музея при ней (Пединститут) несколько раз предоставлял нам помещение, один раз там был устроен костюмированный бал. Гвоздем этого бала оказался Борис Соколовский. В длинном черном шелковом платье, в шляпе с большими полями под темной вуалью появилась незнакомка — Анна Каренина! Гордо уселась на стул. Долго не могли узнать. Ужасно досадно было. И только случайно высунувшийся из-под платья мужской (не маленький) ботинок выдал его обладателя. Это было в феврале 1922 года. Еще до официального роспуска Дружины.

У Агафоновых в большом доме и в саду, что при нем, мы собирались часто. Помню, там было проведено собрание Дружины. Оно было очень бурное, эмоциональное. Вероятно, оно происходило по случаю официального роспуска Дружины. И было последним — для всей Дружины.

Встречаться мы продолжали, но уже малыми компаниями. Был и еще раз бал-маскарад. Мы много танцевали: вальс, мазурка, краковяк, венгерка, полька, падеспань, падекатр, полька-бабочка и прочее. Пишу для того, чтобы вы знали, какие были тогда танцы.

Одно из первых мест, где встречались ребята-скауты нашей Дружины, была «Пожарка» — помещение, выделенное городом Добровольной пожарной охране. Там, как я уже писала, работал Вова шофером пожарной машины, да и скауты наши тоже считали себя причастными к этой службе.

Другим местом, где собирались скауты, была «Артель».

На одной из окраин (тогда) города рядом с Пушкинским садом находился 2-х этажный деревянный дом (ул. Новая, № 4). Половина верхнего этажа была предоставлена нам. Две комнаты. В одной из них — в большей — мальчики организовали столярку: поставили верстак, что-то мастерили.

Местоположение «Артели» было удобно для большинства наших ребят. Здесь была стыковка четырех улиц: начало Новой, конец Студеной, середина Белинской, начало городского Пушкинского сада. Сад был молодым. Стволы берез были тоненькие, и весь сад просвечивался насквозь, а был он длиною квартала в два, являясь другой стороной Белинской улицы. Он был неширокий и кончался оврагами, по которым мы любили кататься на санках, особенно в лунные ночи. Ну не в ночи, конечно, а вечерами. Многие ребята жили поблизости. Квартира Добровольских тоже недалеко.

«Артель» — это был наш клуб. Сюда приходили в любое время, чаще вечерами. В воскресенье, в праздничные дни. Бежала с радостью. Приходишь — везде свои ребята, улыбчивые, доброжелательные. Кто чем занят. Верстак не пустует. Там у стола играют в шахматы, рядом в морской бой, была тогда такая

настольная игра занятая. А здесь просто разговаривают о чем-нибудь: о будущей прогулке... А я очень любила, просто очень любила игру «в бутылку» — по середине комнаты ставилась пустая бутылка, играющие, взявшись за руки, образуют круг. И начиналась игра. Кружась, надо наталкивать ребят на бутылку. Кто уронит бутылку — выходит из игры. Далее игра продолжается, пока не остается один — самый ловкий — победитель. Игра очень увлекательная. Азартная! Попробуйте. Не пожалеете.

Кстати, в Москве этой игрой тоже в то время увлекались. Однажды я была свидетельницей. У моего отца приятель — Б.И. Веденисов. Мы, будучи в то время в Москве, были приглашены на день рождения их сына. И вот там играли в «бутылку». Это было до того, как я стала скаутом.

Кроме указанных игр и занятий мы любили танцевать. Учили мальчиков этой премудрости: вальс, мазурка и пр., я уже писала об этом.

От танцоров лихих пол дрожит и гнется:

Коля Добровольский впереди несетя.

Выьем же за Колю, Колю дорогого

Свет еще не видел танцора такого.

Пить мы, конечно, не пили ничего, кроме морса клюквенного и чая, а частушки сочиняли и пели.

Выьем же за Вову, Вову дорогого

Свет еще не видел скаута такого.

На Кавказе есть буфет, на буфете есть конфет

На конфете есть портрет — это самый Ваня Тет.

Выьем же за Ваню, Ваню дорогого...

Частушек было много, почти на каждого, но больше не помню. Несколько человек организовали оркестр и даже сами делали инструменты: балалайку, мандолину и др., но это было много позже.

Много читали. И по одиночке и собирались небольшими группами. Помню, читали даже критические статьи Белинского, Писарева. Но, конечно, предпочитали более интересную литературу. Жюль Верн, Майн Рид, Тургенев, Гончаров, Толстой и др. классики — был уже пройденный этап. Читали Ростана «Сирано де Бержерак», Андреева — пьесы и рассказы («Мысль» и др.) Рассказы М. Горького, О. Генри — «Дары волхвов», «Последний лист» и др. В.Г. Короленко — «Мгновение», «Огоньки», «Чудная», «Сон Макара» и мн. др. Д. Лондона... Да разве можно все перечислить! Сколько прекрасного в книгах — «Овод» — Войнич, «Девяносто третий год» — Гюго...

Мы с Наташей Подлатчиковой (Н.М. Соколовой), с Надей Дрейман — (Н.И. Гуревич), с Ирой Масленниковой очень любили стихи. Некоторые мальчики тоже. Юра Приклонский и сам писал стихи.

Пушкин... Лермонтов... Я очень любила Апухтина, А.К. Толстого и очень любила Бальмонта.

Читали мы действительно очень много. Однажды устроили литературный суд над Андреем Бульбою (по Гоголю). В роли Андрея был Юра Приклонский. Свое последнее слово он написал в стихах:

Последние слова Андрея:

Я перешел на сторону поляков

Казачеству и вере изменил.

Да, это правда, я не отрицаю,

Но самому себе всегда я верен был.

Причины перехода вам известны,

Вы их не поняли, так слушайте меня.

Но знайте, что пощады не прошу я –

Мне ваша милость вовсе не нужна.

Не для простой казацкой доли я был рожден,

Душа моя рвалась куда-то вдаль, она любви хотела.

И я любви искал, и я ее нашел.

Ей отдался восторженно и смело.

Я страстно полюбил одну полячку,

Ее красой был очарован я.

Раз был у нее тайком.

Потом встречал лишь мельком.

И вскоре же с отцом уехала она.

Но в памяти моей она навек осталась.

В Сечи о ней я часто вспоминал.

Да, образ этот чудный и прекрасный

С тех пор уж никогда меня не покидал.

Я в битвах жарких стал искать забвенья,

Хотел расстаться с ним, но знать не суждено.

И я в огне, в пылу сражения

Все видел лишь одну ее...

Но началась осада и от бездействия

Тоска овладевала мной,

Я думал все о ней, и мне она являлась,

Сверкавшая небесной красотой.

Стояла ночь, лежал я полусонный

И ей одной душа была полна

И вдруг... татарка сообщает,

Что здесь, здесь в городе она.

Что день другой уж ничего не ела

И, увидав случайно раз меня,

Ее ко мне прислала,

Чтобы просить для матери голодной хлеба.

И, что она меня к себе, к себе звала.

О, Боже мой, я обо всем забыл –

Она одна в душе моей царила.

Я бросил все, и я пошел туда,

Куда меня влекла неведомая сила.

Я к ней пришел... Она была бледна.

Но нету слов, не хватает у меня,

Чтобы ее сейчас вам описать.

Такой красы уж вам не увидеть.

Я для нее отдать готов был все на свете,

Отречься от всего, пожертвовать собой,

Я счастлив был глубоко, безгранично

Ее одну любить лишь пламенной душой.

Так что отчизна мне? Казачество? Что вера?

Отчизна это то, что дорого тебе.

А я ее любил... Она отчизна мне.

И за нее я смело шел сражаться,

Я за нее бесстрашно мчался в бой

И ей одной я верен оставался,

Пока не пал под грозною рукой отца...

Но о своем поступке не жалею я –

Я делал так, как чувство говорило

Я умирал, одну ее любя...

Я кончил.

Бурные аплодисменты присутствующей братвы были ему ответом. Сильное чувство всегда покоряет. Особенно молодые души.

Я вспомнила — Город в осаде. Победитель отдает приказ выпустить из осажденного города женщин. Пусть они возьмут самое для них дорогое, но только то, что смогут унести сами. Открыли ворота: женщины сгибаясь под тяжелой ношей, несли своих израненных мужей!

Победителю ничего не осталось делать, как заключить мир...

«Мы рождены для любви» В. Розанов.

«Красота спасет мир, но добра ли она?» Ф. Достоевский.

...Спасение мира — вопрос нравственный, этический, а не эстетический (как решили потомки). Журнал «Будь здоров» 1998 г. № II.

– Только любовь может спасти мир. Только она!

Но жизнь без красоты — это не жизнь, а что-то такое серое, скучное, прозябание какое-то.

Вокруг нас много красоты. Природа нашей планеты прекрасна — леса, луга, реки. Озера, моря, океаны, горы. Зори вечерние, лунные ночи.

Смена времен года: зима с белоснежным убором полей и лугов. Шапки снега на соснах и елях.

Пробуждение природы после зимнего сна — журчание ручейков, первые листочки и цветочки. И далекое, прекрасное голубое небо.

Лето. Полное цветение всей природы. Плоды.

Осенняя окраска кустов и деревьев — клен, боярышник, рябина — «Лишь вдали красуются, — там, на дне долин, кисти ярко-красные вянущих рябин». А. Толстой.

Осень поздняя. Небо плачет. Но и в этом есть своя красота. Пусть и печальная.

А сколько человек сам производит красивого — от мелочей — всяких украшений, одежды, утвари, жилищ, кремлей, крепостей... А музыка, а пение... Сколько красоты в звуках... («...Пусть арфа сломана — аккорд еще звучит...», Надсон). Всего не перечислишь.

Мы часто не замечаем, как много прекрасного вокруг нас. Любуемся красотой, она ведь тоже не вечна.

Я очень смутно помню о времени поступления моего в скауты. 1920? 1921? Поступила я в IV отряд герлскаутов. Нач. отряда была Катя Орлова, патрульной — Любочка Шульгина. Из девочек патруля помню только Симочку Клепикову и Муську Бибинову. Жизнь в этом отряде была недолгой: К. Орлова вышла замуж, и отряд прекратил свое существование. Мы оказались в III отряде. Нач. отряда — Катя Тихомирова. Чем занимались? Чтобы ответить на этот вопрос, хочу дать выписку из «Воспоминаний» Ю.И. Соколова. Юра был старше меня и раньше меня поступил в Дружину.

Основная цель скаута Дружины «Арго» была ГАРМОНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА, во всех областях — физически, духовно и в основном морально.

Существовали три программы скаутских достижений: третий разряд, второй разряд и первый разряд. Программы охватывали знание элементарных приемов первой помощи, знание и теоретическое обоснование сущности законов и заповедей скаутов, умение вести самозащиту способами бокса, джиу-джитсу и приемами борьбы, умение ее применить на практике. Участие и правила игры в мяч (футбол, волейбол, баскетбол). Знание и выполнение методов физи-

ческого развития путем применения утренней зарядки, вольных упражнений и партерной гимнастики. И основное — самовоспитание волевых и моральных качеств человека.

Занятия в патруле велись по составленной и обсужденной программе. Собирались раз в неделю, и в субботу устраивались прогулки с ночевкой в лесу в палатках. Дружиной тогда руководил СОВЕТ ТРЕХ.

На Свердловке сняли помещение (бесхозное) под штаб и каждый вечер собирались там: играли, спорили, танцевали и делали доклады.

Иногда в штаб приходил Юрий Алексеевич, старый шеф Дружины.

Зимой по выходным дням организовывались лыжные прогулки. Помню одну. Моховые горы... С нами был Вовка Добровольский. Пришли на Моховые горы и начали кататься. Особо я запомнил момент, когда я съехал с довольно большой горы и Вовка меня похвалил: «Хорошо, браток». Это было зимой 1920 — 1921 гг.

Нижегородская Дружина скаутов «Арго» объединяла восемь отрядов: четыре отряда бойскаутов и четыре отряда герлскаутов. В отряде было по три-четыре патруля. Патрули насчитывали от двенадцати до двадцати ребят. В каждом подразделении существовали советы: совет патруля, совет отряда, Один совет Дружины. Патруль выбирал патрульного, отряд — начальника отряда. Совет Дружины выбирал руководство Дружины и Суд чести. Руководил дружиной СОВЕТ ТРЕХ. Все должности выбирались большинством голосов.

Лето было насыщено сборами, прогулками, соревнованиями.

Скаутская Дружина «Арго» была беспартийной, терпимой ко всякой религии и национальности.

«Мы считали, что политические взгляды могут быть у людей, когда человек уже сможет разобраться в различных мировоззрениях и политических теориях, а пока он не имеет достаточно опыта и кругозора. Воспитание должно основываться на здоровых, разносторонних упражнениях без примеси политики. Придет время, юноша разберется, что к чему, и тогда его политическая убежденность будет разумной, а не шаблонной... отсутствовала казенщина. Воспитывалось свободолобие, морально гуманное воспитание».

Ю. Соколов.

Чем же занимались мы в патрулях и отрядах?

Занимались согласно выработанной программе. Скорая помощь: я помню, как учились накладывать повязки. До сих пор помню, как надо наложить повязку на ногу от коленки до щиколотки, чтобы она не сползла при ходьбе; как перенести человека, который повредил ногу и не может идти. Приемы спасения утопающего. Как делать искусственное дыхание.

Как вести себя при пожарах, как выбираться из окон или с крыши горящего дома. Придумывали различные игры для развития внимательности — запомнить и описать наружность встречного человека. Игры для развития терпеливости и настойчивости. Вова показал нам несколько приемов джиу-джитсу — как вырваться, например, если тебя схватили за запястья, или как вести сопротивляющегося человека. Учили азбуку Морзе, чтобы с помощью ее и флажков можно было переговариваться на больших расстояниях, например, стоя на разных сторонах большой поляны: Каждая буква имела свое обозначение: так буква А выражалась как точка и тире «. -» (кажется, может быть вру, забыла). Точка передается — взмах одним флажком, тире — взмах сразу двумя.

Летом почти каждый вечер собирались на волейбольных площадках — играли в волейбол. Была своя команда. В воскресенье утром ходили за город: или к реке Керженец или на Мызу — вверх по Оке. Чаще всего ездили на реку Везломку. Ее устье (она впадала в Волгу) почти напротив города: переправлялись первым утренним паромом на ту сторону и шли вверх по течению. Бывало, отправлялись в субботу вечером с ночевкой: ставились палатки. Особенно хороши вечера в лесу. Костер.

Трудно выразить словами возникающее умиротворенное состояние. «Тишина» засыпающего леса. Шелест листвы. Потрескивание костра. Приглушенные разговоры. Тихое пение. И непременно печется картошка в золе.

«Ах, картошка! Восхищение!

Русских скаутов идеал!

Тот не знает наслаждения,

Кто картошки не едал!»

«Это наше!» — вспыхнула моя внучка, комсомолка в прошлом.

Так чья же она, эта веселая песенка? Кто же был первым? Комсомольцы? Или всё же скауты. Впрочем, зачем спорить...

Эта очаровательная присказка-припев была любима и теми и другими.

Иногда устраивали концерты для своих ребят. Вероятно, бывали и родители — не помню. Выступали с декламацией, мальчики любили строить «пирамиды».

Был и такой случай: у кого-то из ребят появилась мысль познакомить окрестную городу молодежь с идеями скаутизма. Первый отряд бойскаутов во главе с В. Добровольским выехал к г. Лысково, и на краю его разбили небольшой лагерь. Собравшимся местным ребятам показывали, как ставить палатки, разводить костры, как сплести мат из веревок и травы, вязание узлов. Демонстрировали спортивные игры.

Но был и другой случай: Дружина в большом составе ушла довольно далеко от города. Встали лагерем. Какое-то время жили спокойно, но появились не-

сколько парней, вероятно, из ближней деревни. Погуляли, посмотрели и ушли. Но кто-то все же сообщил нашим, что завтра они соберутся и придут бить наших ребят. Было решено снять лагерь и уйти. Это и было сделано.

Одним из главных обычаев скаута — делать ежедневно хотя бы одно доброе дело. Пусть и небольшое. Перевести, например, старого человека через дорогу и т.п. В то время города России отапливались дровами. И ежегодно, особенно осенью, у каждого хозяина дома была забота по заготовке дров на зиму. И вот здесь наши скауты-мальчики много помогали в распиловке и укладке дров в сарай.

Скаутская организация в СССР была официально запрещена органами госбезопасности в 1922 г.

Наша Дружина сильно «похудела» — ребята стали уходить, но деление на отряды еще как-то сохранялось. Начали появляться небольшие группы более близких по духу ребят. Наша (моя) компания — 7 человек: Наташа Подлатчикова, Ира Масленникова, Шура Башкиров, Слава Карпов, Женя Шапошников, Юра Приклонский и я. Мы любили читать. Собирались и читали. Болтали. Играли в настольные игры... Конечно встречались и большими группами: зимой на лыжах ездили за город на Мызу, через Волгу на Моховые горы. Часто ходили на каток. Летом, как я уже писала, волейбол, прогулки за город. Любили гулять по Откосу. Эдак промчишься, бывало, мазуркой по всему Откосу... Чудесно! Катались по Волге. Я любила грести. Юность...

Наша дружба и частые встречи не нравились тем, кто «вверху», и в 1926 г. органами ОГПУ официально скаутская организация была окончательно запрещена. Начались аресты. 23 апреля, в наш праздник День Георгия Победоносца были проведены массовые аресты в Москве и в Ленинграде. Кто постарше, попал в Соловки, в Сибирь...

Вова Добровольский был арестован 29 сентября 1926 г. Обвинен по 58/5 ст. УК от 28.01.1927 г. Закл. — Конц. лаг. — Соловки. По отбытии — Сибирь 3 г.

Из бумаг В. Добровольского — «В 1929 г. весной и осенью оканчивались сроки у ребят. Кто был в Соловках, получил ссылку в Сибирь. Кто имел ссылку — получил минус».

Муля Гурвич после Соловков — дер. Красноярово Киренского района, 40 км. от п. о. Макарова, что на берегу Лены. В округе много якутов. В озере нашли старое оружие и создали дело по обвинению ссыльных в подготовке восстания якутов. В числе других были расстреляны Муля, Слава Юрканский и К. Морандо (последние — скауты из Москвы. Морандо — грек по рождению).

Весной 1931 г. должен был кончиться срок ссылки, но вызвали лишь в конце ноября и дали не минус шесть, а запрет на все краевые, област., погранич. и пр.

Воспоминания Марины Владимировны Агафоновой (ур. Добровольской) со слов отца: «После Соловков папа был отправлен в ссылку в. Сибирь в Нарым. Оттуда он бежал и был снова арестован. Допрашивал его после побега снова тот же следователь (Садовский). К удивлению, он не добавил срок заключения (за побег), но зато заменил ссылку заключением в лагере на строительстве Беломорканала в поселке Май-Губа. Там папа работал на электростанции на фибролитовом заводе. Был случай, когда к нему на электростанцию пришел один из заключенных уголовников уговаривать, чтобы папа устроил аварию на станции с целью возможности побега. Отец отказался и ударил этого человека сразу и очень сильно, так, что тот упал без памяти. Больше к нему не приставали. После окончания срока в Май-Губе папа получил поражение в правах («минус 6 городов») и выбрал Саратов.

В Н. Новгороде аресты продолжались. 31 марта 1928 г. было арестовано сразу 11 человек, в их числе были Юра Приклонский и я. Мы с Юрой вскоре собирались пожениться и все вечера проводили вместе: или у меня дома или у Приклонских. В тот вечер я была у них. Юра торопился закончить очередной чертеж (он подрабатывал этим), чтобы пойти меня проводить домой. Около 11-ти часов раздался стук в дверь. Из ГПУ. Небольшой обыск в основном письменного стола. Взяли какие-то бумаги. «Собирайтесь», — сказали Юре. «И Вы тоже», — сказали мне. Вышли. Идем по улице под ручку, сзади наши сопровождающие. Подходим к моему дому: «Зайдем!». Обыск моего письменного стола. Взяли игру «Хальма» — разграфленный лист в клетку, решив, вероятно, что это ключ к шифру! Забрали под мой смех.

«Одевайтесь, пошли...» Пошли все также под ручку, через весь город по Большой Печерке, по Малой, по Большой Покровке на Малую, где ведут дальше. Камера на двоих. Обе койки одна над другой заняты. Там спят. Третьим

М. В. Агафопова (ур. Добровольская), на ул. Короленко, д. 20, где жила с родителями до войны, фото М.Б. Александровской, 2022 г.

М. В. Добровольская у своего дома на улице Родниковой, д. 46, фото М.Б. Александровской, 2022 г.

членом нашей камеры, стоящим у стола, оказалась Леля Соколовская, которую только что привели передо мной. Мы с ней улеглись на полу.

Юру Приклонского, Шуру Башкирова и др. со следующего же дня начали отправлять в Москву в Бутырки. Меня следователь вызвал два раза, расспрашивал, чем занимались. Ответы были одни и те же: волейбол, лыжи, коньки, танцевали, читали. И через пять дней нас с Лелей отпустили домой.

Наши старшие скауты, арестованные раньше, начиная с 1926 г., давно уже были отправлены в Соловки: В. Добровольский, Б. Соколовский, Б. Зеленов, М. Гурвич, В. Гуревич, Катя Тихомирова и др. А. Башкиров, Ю. Приклонский, Вера Шульгина, Зоя Соколовская и др. отправлены были по разным местам. А. Башкиров — на Енисей, Г. Приклонский — на Лену, в г. Киренск. Туда я после окончания университета в июле 1929 г. уехала к нему.

Большинство из репрессированных после всех сроков наказания вернулись в родной город. В. Добровольский, Г. Приклонский, А. Башкиров и пр. работали до конца жизни на больших должностях и были уважаемы и как люди и как специалисты. На них «почти» не отразилась «скаутская история».

Старая дружба сохранилась только частично. Собирались у В. Добровольского обычно 23 апреля. Друг у друга на днях рождения...

Время шло. Друзья уходили из жизни...

Немного о тех, о ком знаю:

А. Башкиров — доктор хим. наук. Специалист по мылам. (Москва).

В. Карпов — специалист по самолетостроению. (Москва).

Ф. Шапошников — биолог, директор Алтайского заповедника.

А. Цфасман — широкоизвестный в СССР музыкант. Джаз. (Москва). (По его просьбе похоронен на Нижегородском кладбище)

В. Глассон — 1939/40 г. имел первенство по Союзу — прыжки с трамплина.

Е. Шапошников — Офицер, погиб на Калининском фронте войны 41-45 гг. Был ранен. Два часа полз к своим... Не дополз...

А. Шапошников — погиб на фронте (кажется сторел в танке).

Ю. Игнатъев — талантлив, художник. Погиб трагически.

Муля Гурвич — расстрелян по распоряжению нач. Киренского ГПУ Долгова. В России, да и во всем мире люди погибают (Война — это особая статья) часто, очень часто просто так... Ни за что, по злой воле, по прихоти подлеца. Это как раз такой случай... Муля был реабилитирован посмертно.

М. Тихомиров — трагически погиб под Ленинградом на прогулке, убит бандитом.

Е. Тихомирова — трагически погибла — попала под машину.

Литература

1. Роберт Баден-Пауэлл «Юный разведчик».
2. И.Н. Жуков «Русский скаутизм». Ереван, 1991 г.
3. В. Черных «Разведчики начинают разведку», «Ленинская смена», 5, 91 г.
4. А. Плющ «Скаутский шаг», «Неделя» (1990-91 г. ?).
5. «Железные мальчики в коротких штанишках». Комсомольская правда 4, 1989 г.
6. Т. Корсакова «Я скаута узнаю по улыбке». Комсомольская правда 28 авг. 1990 г.
7. С. Антонова «Урок на траве», «Известия», 4 сент. 1990 г.
8. Б. Минаев «На зорьке пионерской шел скаутский отряд». Комсомольская правда 27 октября 1990 г.
9. «Из истории российских скаутов», «Наука и жизнь», № 10, 1990 г., стр. 38.
10. И. Фомина «Первый естественно-исторический музей России». Нижегородский рабочий, 23 января 1996 г.
11. В.И. Козлов «Краевед-биолог Николай Александрович Покровский».
12. Ю. Соколов «История современника двадцатого века. 1905-1938 годы».
13. Календарь 1912 г. (стр. 14)
14. Использованы записи, записки, письма скаутов. Устные и письменные воспоминания: В.Д. Добровольского, Е.А. Соколовского, Б.И. Зеленова, Н.В. Зеленовой-Чешихиной, Н.М. Соколовой (Подлатчиковой), М.В. Агафоновой (в дев. Добровольской) — дочь В.Д./Н.Д. Добровольского, С.Л. Агафонова. И мои, конечно.

PS. Считаю своим приятным долгом выразить большую благодарность своим друзьям, которые помогли мне советом и делами написать и оформить этот тяжелый для меня труд:

Наталье Михайловне Соколовой, ее сыну — Александру Дометьевичу Соколову, Марине Владимировне Агафоновой — дочери В.Д. Добровольского, Ирине Анатольевне Резниковой, Татьяне Владимировне Моргачевой, Михаилу Игоревичу Агафонову, Игорю Леонидовичу Агафонову.

Постскриптум

Это благое дело не исчезло бесследно. Скаутское движение, словно феникс, восстало из пепла в нашем Нижнем Новгороде благодаря подвижничеству и энтузиазму, а главное, наверное, неисправимой вере в бескорыстие и добро, которая всегда востребована и побеждает и не только в сказке...

Сегодня многим известно имя Игоря Михайловича Богданова — учителя и директора школы №91, который возглавил в конце 1990-х возрождение скаутского движения на нижегородской земле. И к нему потянулись ребята и в рослые. Сколько славных дел, высоких идей и задумок было осуществлено с тех пор... Не случайно его называют «легендарным Богдановым». Люди включаются в это движение, приходят, взрослеют, стареют, уходят. Сети пестрят сообщениями о новостях и событиях из жизни современных скаутов. Как в любом деле, есть и достижения и неудачи.

История продолжается, а значит, продолжаются и воспоминания об этих событиях и их участниках. Без сомнения, им есть чем поделиться, в том числе и рассказами об общении со своим старшим товарищем, своим наставником и УЧИТЕЛЕМ.

Надеемся продолжить наши публикации о современных скаутах Нижнего и привлечь к воспоминаниям на страницах «Памятных записок» тех нижегородцев, кому посчастливилось быть причастным.

Юрий Клиценко

«ТАМ ВСПЫШКИ РОМАНТИЗМА И ДАЖЕ ЭКСТАЗ ЭКСПЕДИЦИЙ»: ЕНИСЕЙСКАЯ ССЫЛКА СКАУТА КОНЕВСКОГО

Немало забытых имен предстоит вернуть в пространство русской культуры, где они и должны находиться и занимать свое уникальное место. Владимир Вячеславович Коневский (Каневский) — нижегородец, внесший вклад в формирование коллекций Енисейского краеведческого музея и освоение Северного морского пути. Рукописи Коневского, посвященные Северу, хранятся в Енисейске.

Владимир Вячеславович Коневский родился в Нижнем Новгороде 17 марта 1903 года. Его отец Вячеслав Михайлович Коневский (1875-1914) происходил из династии нижегородских священнослужителей и государственных служащих, родоначальником которой стал многодетный причетник села Коневы Федот Адрианович Коневский (род. 1799). Среди потомков Федота известность приобрели автор статей и книг священник Михаил Ферапонтович Коневский (1855–1914) [11, с. 22]¹ и почетный гражданин Нижнего Новгорода коллежский асессор Василий Алексеевич Коневский (род. 1857) [3, с. 92-93]. Дедом Вячеслава был священник Сосипатр Федотович Коневский, а отцом — титулярный советник Михаил Сосипатрович Коневский (9, л. 13-16)¹. Вячеслав окончил Речное училище и поступил на пароход помощником капитана. Работал он на Волге до 1914 года, был мобилизован в армию и убит в первый год войны (12, л. 132).

Вячеслав Михайлович уделял мало внимания семье, воспитание сыновей — старшего Бориса и младшего Владимира — легло на плечи его жены. Александра Александровна Покровская (в замужестве Коневская, 1875-1942) (10, л. 330 об. — 331) родилась в семье надворного советника Александра Гавриловича Покровского, по окончании Калужской духовной семинарии и Санкт-Петербургского лесного института служившего в Корпусе лесничих. Александре Александровне помогала ее сестра, крестная Бориса — Наталья Александровна Покровская (в замужестве Галонен).

Документы о жизни Натальи Галонен, жены революционера Михаила Дмитриевича Галонена, хранятся в Ростовском областном музее краеведения (РОМК). «Покровская Наталья Александровна (р. 1882) принимала участие в работе нижегородской социал-демократической организации в 1902–1905 гг.,

¹ В квадратных скобках указаны номера по списку литературы.
В круглых скобках указаны номера по списку источников.

Александр Гаврилович Покровский в мундире Корпуса лесничих, 1871 г. (фото из архива семьи Коневских)

Вячеслав Михайлович Коневский (фото из архива семьи Коневских)

Александра Александровна Коневская (Покровская) РОМК НВ 15085/7

помогая в распространении прокламаций и их хранении. По сообщению М.Д. Галонена «на ее квартире (точнее ее семьи, в доме Ежова на Острожной площади), при ближайшем участии ее и ее матери, прокламации и печатались (на гектографе)», — отметил Александр Белозеров в книге «Годы мятежные» [1, с. 316-317].

Борис Вячеславович Коневский (1897–1967) и его супруга Людмила Александровна Синеокова в студенческие годы были причастны к объединениям творческой молодежи Нижнего Новгорода — Дому юношества, литературно-художественному кружку Нижегородского государственного университета (НГУ), Нижегородскому отделению Всероссийского союза поэтов. Поэт-имажинист Григорий Бенедиктович Шмерельсон (1901–1943) посвятил Людмиле Синеоковой стихотворение «Месяц улыбался весело...» и готовил к изданию ее поэтические произведения [5, с. 20, 47]. В 1922 году Борис Коневский опубликовал свои стихи в рукописном журнале «Вчера, сегодня, завтра». Авторами журнала стали друзья Бориса по литературному кружку Дома юношества (11, л. 116-119 об). Журнал редактировал Павел Николаевич Корчиков-Корелин (1898–1929), друживший с Коневскими. В 1930-1940-е годы Борис и Людмила работали в Горьковских областных Дому художественного воспитания детей и Дворце пионеров, сотрудничали с педагогом Николаем Николаевичем Хрулевым (1900–1981). Кроме основной работы Борис по совместительству преподавал литературу в школах. Музыка и литературой интересовались дети Коневского и Синеоковой — Анатолий (1922–1944, погиб на фронте) и Наталья (1931–2014).

Борис и Владимир Коневские РОМК НВ 15085/2

В стихотворении 1919 г. о литературно-художественном кружке НГУ студентка Валентина Ивановна Никишатова мечтала: «Создадим миллионы раздольностей, поэмы Христа и цветов» [4, с. 31]. История духовных поисков молодой интеллигенции Нижнего Новгорода начала XX века достойна отдельных исследований. Немало забытых имен предстоит вернуть в пространство русской культуры, где они и должны находиться и занимать свое уникальное место.

В 1918 году Владимир Коневский вступил в нижегородскую дружину скаутов «Арго». В Нижнем Новгороде скаутская организация была создана в 1916 году преподавателем естественной истории и географии Юрием Алексеевичем Ульяновым (1891–1933). Ульянов был склонен к литературе, писал стихи, участвовал в литературно-художественных кружках [6, с. 207]. Скауты издавали собственный двухнедельный журнал «Арго» [8, с. 6]. После переезда основателя «Арго» на юг России руководителем дружины стал Дмитрий Викентьевич Добровольский (1876–1945), инженер-механик, член правления Добровольного пожарного общества.

Квартира, где жила Александра Александровна Коневская с сыновьями, находилась в двухэтажном деревянном доме № 21 на улице Белинского. Напротив, в доме № 4 по улице Новой, действовал клуб скаутов «Артель». Поблизости располагалась и «Пожарка» — здание Добровольного пожарного общества, также являвшееся местом скаутских встреч (1, с. 12).

Скаутинг — это романтика приключений с поэтической точки зрения и удовлетворение глубинной потребности растущего человека в расширении своего жизненного пространства — с научно-психологических позиций [2, с. 47]. Скауты играли в первопроходцев, разведчиков новых путей и навигаторов. В 1923 г. в рукописном журнале литературного кружка скаутов «Арго» Галина Ивановна Вopilкина (1905–1985) упомянула в контексте скаутских идей сибирскую тайгу: «Поезд веселый и новенький. В окне мгновенно меняются виды один за другим, точно движемся не мы, а природа, среди которой проложены рельсы. Этот поезд совершает только второй рейс, дорогу в дикий уголок сибирской тайги проложили наши инженеры-путейцы. Во всем мире скаутизм стал единым «нашим», от него веет духом «Арго». Во всех странах центрами организации являются большие города или столицы, только в России — уголок сибирской глуши, впервые тронутый поселенцами. Как он преобразился с тех пор, как мы в нем поселились!» (13, л. 166–184).

Борис Александрович Соколовский, один из нижегородских «аргонавтов», писал:

*«Там вспышки романтизма
И даже экстаз экспедиций
Искатели сведущи и бездна лишений,
И радость предвидения.
Счастливыми глазами
Смотрят они на сопки, тайгу,
Определяя мысленным взором
контуры градостроительства.
«Ко всему большому и прекрасному —
будь готов!».
Годы проторили свой след.
Но и теперь неуёмная сила
зовет меня на Илим.
Не смейтесь! Можно влюбиться в тайгу
Жить обезумевшим сердцем
С тоскою по хвойным раздольям
Седых, бескрайних просторов» (8, л. 21–22).*

Владимир Вячеславович Коневский, Енисейск, 23.03.1936 (фото из архива семьи Коневских)

Скаутские организации были запрещены в 1923 году. Коневский оказался в числе старших скаутов, пытавшихся сохранить дружину «Арго». Он был арестован в Нижнем Новгороде ночью 31 марта — 1 апреля 1928 года и приговорен к трем годам ссылки в Сибирь. В полномочном представительстве ОГПУ по Сибири в Новосибирске получил точное назначение места ссылки — город Енисейск. По истечении трех лет Коневского арестовали в Енисейске: постановлением особого совещания при Коллегии ОГПУ срок ссылки был продлен еще на три года [7, с. 1-4].

Владимир Вячеславович Коневский интересен как идеалист, в годы ссылки бесплатно трудившийся в Енисейском краеведческом музее. Север стал для него не только зоной лишения свободы,

но также миром открытий и творчества. Коневский принял участие в научных экспедициях на реки Большой Пит (1929), Нижнюю Тунгуску (1932) и острова Карского моря (1933). Его рукописи сохранились в Архиве города Енисейска (3, л. 14-47) и Енисейском историко-архитектурном музее-заповеднике им. А.И. Кытманова (5, л. 1-76).

Особенно впечатляющим этнографическим итогом экспедиции 1929 года стали материалы обследования заброшенного стойбища эвенков, в центре которого находился шаманский чум, отличавшийся большим размером и обилием скульптурных изображений. Не лишены романтических интонаций записки Коневского отражают опыт соприкосновения русской интеллигенции с миром таежных народов Сибири: «Очень странную картину представляет это оставленное становище среди глухо шумящей тайги. Сомкнулись над ним вершины гигантов сосен, обступили кустарники, травы постепенно овладевают им. Тишина, пустыня кругом. Глухо шумит тайга, иногда резко цокнет бурундук, и снова тишина, тишина. Когда-то под этими соснами слышалась гортанная речь, мелькали пестрые костюмы, струился синий дым костров... Сейчас же глухой рокот вершин, резкие крики дятла, журчание небольшой речонки и все... Как будто живы тени ушедших людей» (3, л. 34). Встретившись на Таймыре с хозяевами тундры, помощник Енисейского краеведческого музея

посвятил им несколько страниц дневника: «Поют ветер и Енисей свою дикую вольную песнь. Жмутся домики друг к другу. Лают завывающим лаем остяцкие волкоподобные собаки. Гортанный говор, резкие восклицания. По склону горы взбирается группа юраков: три женщины, четверо мужчин. Яркое красное пятно — одна девушка в красивой яркой красной парке, воротник из белого

Открытка г. Енисейск: Воскресенская церковь, пароходы и литеры, 1906 г.

Шаманский чум эвенков реки Большой Пит ЕКМ КП 2777/2

песца. Волосы заплетены в ряд торчащих маленьких косичек. Лицо миловидное. Рядом молодой юрак в пиджаке, сапогах и русской рубаше, на голове кепка. Этот имеет вид уже почти русского. Поет ветер свою дикую песню, шумят волны непокоренного белогривого Енисея. Первобытный простор тундры, как море, расстилается кругом. А хозяйева этой тундры пропадают в черной пасти раскрытой двери маленького домика-фактории, чтобы за искристо-белый мех песца, за тяжелого, скользкого, черного, как бревно, осетра получить плитку чая, мешок муки, пестрый ситец» (5, л. 35 об – 36 об).

Сравнивая жизнь в лесах Эвенкии с суровым бытом тундровиков, Владимир отметил: «У эвенков как-то больше бодрости, на лицах больше улыбок. И костры не дымят тлеющим пламенем плавника, а горят, потрескивая смолистым запахом кедровых и лиственных ветвей» (5, л. 52 об).

В стране эвенков туман - символ «таежных тайн» и «сказочности»: «Стало вечереть. Сумрачные утесы смотрят в потемневшие волны Пита. С гор сполз белый призрачный клубящийся туман. Он медленно плыл, клубился. Цеплялся за вершины кедров, лиственниц, пихт, косматых елей. Вот где-то там, в тущо-бе среди зубцов, утесов и скал загукал филин. Гукает, ухает, точно заклинания бормочет или таежную тайну рассказывает. А когда луна пронзила колеблющиеся волны тумана, дымчатые легкие тучи, тени леса, утесы и скалы, стало совсем таинственно, сказочно кругом» (3, л. 31). Туман Северного Ледовитого океана – «пелены смерти»: «К ночи туман. Белые нити сплетаются, свертываются, растут. Вот и нет ни острова, ни баржи, ни лихтеров, ни бухты. Одна белая, молочная, светлая муть. Так закрыт белой ровной занавескою покой далеких прибоев. Льды и меланхоличный перезвон судовых колоколов. Холодом пронизывающая сырость. Вот он, туман Севера. Вот они, пелены смерти» (5, л. 55 об – 56).

В апреле 1934 года добровольный помощник прекратил работу в музее. Будущее музея не внушало оптимизма: период присутствия в ЕКМ старой интеллигенции и ссыльных подходил к концу. 26 марта 1935 года газета «Красноярский рабочий» опубликовала статью «Выше бдительность на идеологическом фронте!» и постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) Красноярского края «О работе краеведческого музея». Статья требовала привести деятельность музеев в полное соответствие с задачами агитации и пропаганды: «Советский музей призван возбуждать или освежать классовую ненависть против эксплуататоров, поднимать трудовой энтузиазм. Как могло случиться, что в течение ряда лет красноярский музей, в городе, имеющем многочисленную с большими революционными традициями партийную организацию, был очагом антисоветской пропаганды, протаскивал контрреволюционную троцкистско-зиновьевскую контрабанду? Музей оказался засоренным классово-враждебными

и антипартийными элементами. Ни чем иным, как ослаблением классовой бдительности и со стороны пропагандистов, и преподавателей обществоведов, можно объяснить тот факт, что они, организуя экскурсии в музей, не замечали, как в их присутствии тихой сапой протаскивались антисоветские идеи и троцкистско-зиновьевская контрабанда» [9, с. 3].

По итогам проверки, произведенной Культпропом Оргбюро ЦК ВКП(б) Красноярского края, было решено в пятидневный срок подобрать кандидата на должность директора музея, направить на работу в музей не менее пяти комсомольцев, немедленно закрыть читальный зал для посетителей музея, превратив его в закрытое книгохранилище, в месячный срок перестроить на основе марксизма-ленинизма все отделы музея, музей до перестройки его работы временно закрыть.

Вскоре аналогичные меры были приняты и в отношении Енисейского краеведческого музея. 28 июля 1935 года все коллеги Коневского по работе в музее, включая директора Федора Степановича Бархатова, оказались уволенными. В связи с реорганизацией музей закрыли для посетителей. «В музее теперь по полу настланы дорожки, а на окнах тюлевые шторы. Библиотека сложена в большой шкаф, а частично вынесена в крыльцо. Архив утащен на чердак. Такова судьба наших трудов. Музей для публики еще не открыт, так как не закончена еще обработка революционного времени», – сообщал краевед Михаил Прокопьевич Миндаровский в письме профессору Александру Игнатьевичу Андрееву от 16.02.1936 (7, л. 26).

В справке Учетно-статистического отдела Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю в г. Иркутске от 27 июня 1934 года написано: «УСО ПП ОГПУ ВСК сообщает, что Коневский Владимир Вячеславович, осужденный Особым совещанием при Коллегии ОГПУ от 12.10.1931 г. минус 12 на 3 года, из ссылки освобожден 6.06.1934, пока остался в Енисейске» (4, л. 34).

В 1934-1936 годах, задержавшись в Енисейске после окончания срока ссылки, Владимир Вячеславович, вероятно, учился на судоводительских-судомеханических курсах треста «Севполярлес». Его племянница (дочь брата) Наталия Борисовна Маркина (Коневская) сохранила фотографии, сделанные в Енисейске весной 1936 года. 23.03.1936 участник Карской экспедиции сфотографировался в фуражке и кителе личного состава Главного управления Северного морского пути (ГУСМП) при СНК СССР. Посредине фуражки черного цвета английского морского образца прикреплен отличительный знак для головного убора: вышитые золотом лавровые листья в виде венка, вверху венка – скрещенные серп и молот, в середине венка – голубой металлический вымпел с изображением адмиралтейского якоря и буквами «СССР» и «СМП»

Владимир Вячеславович Коневский, Енисейск, 11.04.1936 (фото из архива семьи Коневских)

Екатерина Павловна Лешерн (фото из архива семьи Лешерн фон Герцфельд)

вокруг якоря. Китель из темно-синего сукна морского образца, однобортный, застегивающийся на 5 форменных пуговиц с адмиралтейским якорем на матовом фоне. Воротник кителя стоячий, застегивающийся на 2 крючка. На груди кителя два нашивных кармана, углы нижнего края которых закруглены, карманы покрыты клапанами, имеющими форму фигурной скобки [10, с. 13-20].

На фотографии, датированной 11.04.1936, на пиджаке «романтика-дядюшки» виден знак-вымпел Северного морского пути в виде развевающегося треугольного флага голубого цвета с изображением якоря и аббревиатурой «СМП», в верхнем углу красная плашка с надписью «СССР».

19.05.1936 в Енисейском районном отделе милиции уроженец Нижнего Новгорода получил паспорт гражданина СССР. В том же году он вернулся с берегов великой сибирской реки в город на Волге, где жили родственники – мама и брат с семьей.

В столице Поволжья Коневского ждала невеста – Екатерина Павловна Лешерн фон Герцфельд (1903-1986). Владимир и Катя познакомились в юности. Со времени переезда Кати с родителями в Крым, до возвращения Владимира из Енисейска, прошло десять лет (1926-1936). 08.01.1937 года они поженились, однако через 11 месяцев, 27.11.1937, супруги оформили расторжение брака.

Отвечая на вопросы следователя ОГПУ 13 апреля 1928 г. скаут «Арго» Игорь Иванович Вовилкин заявил: «Лешерн Екатерину Павловну я знаю, но никогда ни о чем ей не писал и даже не разговаривал с ней. С Коневским был знаком по совместному участию в спортивных организациях» (13, л. 67).

Сестра Кати Лидия рассказывала: «Все помешались на скаутах. По улицам ходили отряды бой- и герл-скаутов. Катя заинтересовалась скаутами. Подруги стали соблазнять ее поступить в скауты, но папа почему-то не позволил. Катя покорила, но стала пропадать из дома и, видимо, была близка к ним. Скаутский закон помогать другим был для нее, очевидно, очень заманчив. Среди Катиных друзей был один скаут, которого Катя привела к нам. Как-то он пришел при мне, и Катя нас познакомила: Володя Коневский. Ему хотелось побеседовать со мной, но Катерина ревниво увела его за руку к себе в комнату. Она любила шептаться, сидя на кровати. Мне смешно было видеть, как она оберегала его от нас, сестер. Так я с ним и не познакомилась ближе. А Катя стала впоследствии его невестой, но Володю, как скаута, приговорили к трем годам ссылки куда-то в Сибирь. Брат Гали Вовилкиной Игорь взял сестрин грех на себя и тоже был сослан. Словом, бедные глупые ребята из-за хороших побуждений помогать ближним пострадали, как государственные изменники. Катя ждала своего Володичку 10 лет! Он после ссылки учился там где-то на капитана. Она и деньги свои посылала ему. Но за 10 лет они, очевидно, изменились и, поженившись, скоро расстались. А Катю несколько раз вызывали в ГПУ и допрашивали, где она была тогда-то и с кем? Хорошо, что папа не позволил ей официально числиться скауткой!» (2, с. 109-110).

Второй муж Екатерины Павловны Лешерн пропал без вести на фронте в 1942. Лишь в 1952 году, после 10 лет поисков и ожидания, выяснилось, что Гавриил Николаевич Новиков (1900–1942) погиб в бою.

Герл-скаут Екатерина Лешерн присутствует как в подлинном списке членов дружины «Арго», так и на одной из фотографий нижегородских скаутов. До конца жизни Екатерина Павловна хранила дружбу с врачом Галиной Ивановой Вовилкиной, в юности состоявшей в «Арго».

В апреле 1942 года умерла Александра Александровна, мама Бориса и Владимира.

Дальнейший жизненный путь Владимира был связан с портовыми городами - Поти (Колхидой древнегреческих аргонавтов) и Одессой. В Одессе у него была однокомнатная квартира в Приморском районе – в старинном Доме Исаковича на углу улиц Дерибасовской и Халтурина. В кругу родственников ходила шутка «на море он писатель, на берегу моряк».

В 1981 году Коневский посетил Нижний Новгород (Горький). В письме, отправленном близким 12.09.1981, он вспоминал встречу с «дорогими волжа-

нами»: «Для меня это лето улыбнулось самыми светлыми и греющими днями встречи с вами» (6, л. 3). Он умер в Одессе в середине 1980-х.

В завершение краткой статьи об одном из нижегородских скаутов процитирую стихотворение, написанное другом Коневских Павлом Корчиковым-Корелиным в 1917 году:

*«Счастлив, кто слился душой с океанами,
Знаки читает далеких небес,
Тот, кому брезжится день за туманами, -
Солнце глядит из багряных завес.
Счастлив, кто вник в алтари сокровенного,
Понял намеки, разгадывал сны,
Тот, кто за гранью земного и тленного
Зовы прослышал поющей весны...
Счастлив, кто связан незримыми нитями
С яркой звездой, землей и луной,
Тот, кто проникся иными наитьями,
Был убаюкан морскою волной...» [8, с. 3].*

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозеров А. А. Годы мятежные: Избранное. Горький, 1960.
2. Ермолин А. А. Воспитание свободной личности в тоталитарную эпоху: педагогика нового времени. Москва, 2014.
3. Ефимкин А. П., Мазина Е. Б. «Крепко государство казною...» Нижегородские страницы истории Казначейства России 1779—2007. Нижний Новгород, 2007.
4. Зарницы: литературно-художественный сборник. Нижний Новгород, 1919.
5. И. Ермолаев, Г. Шмерельсон, В. Иродионова. Стихи. Издание литературно-художественного кружка студентов Н.Г.У. Нижний Новгород, 1920.
6. Изумрудов Ю. А. Нижегородский поэт Иван Ермолаев: портрет на фоне эпохи: новое имя из литературного окружения Сергея Есенина. Нижний Новгород, 2017.
7. Клиценко Ю. В. «Минус двенадцать с прикреплением»: енисейская ссылка скаута Коневского // Сибирская Заимка, 15 сентября 2021 года. URL: <https://zaimka.ru/klitsenko-scout> (дата обращения 19.01.2024).
8. К новой жизни: газета: орган учащихся средних учебных заведений Нижнего Новгорода. Издание Нижегородского и Канавинского «Дома юношества», 5 ноября 1917, № 3.

9. Красноярский рабочий: краевая общественно-политическая газета. Красноярск, 26 марта 1935 г. №70.

10. Форма одежды Главного управления Северного морского пути при СНК СССР. Москва, 1933.

11. Чешихин-Ветринский В. Е. Люди Нижегородского Поволжья: Вып. 1 // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. - Нижний Новгород, 1915.

ИСТОЧНИКИ

1. Агафонова А.Л. О нижегородских скаутах начала XX века. Воспоминания. Нижний Новгород, 1996 (машинопись).
2. Анфимова (Лешерн фон Герцфельд) Л. П. Тени прошлого. Воспоминания в трех частях. Часть II. Екатеринбург, 2006 (машинопись).
3. Архив города Енисейска (АГЕ) Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 54.
4. Архив Управления Федеральной службы безопасности (УФСБ) России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. № П-9632.
5. Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А. И. Кытманова. Номер в Госкаталоге: 24478332, номер по КП (ГИК): ЕКМ КП 3513, инвентарный номер: Д 1100/4.
6. Письмо В. В. Коневского Н. Б. Маркиной (Коневской) от 12.09.1981.
7. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 934. Оп. 5. Д. 247.
8. Соколовский Б.А. Памяти аргонатов. Реквием. 1920-1970 (машинопись).
9. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО) Ф. 55, Оп. 209, Д. 15.
10. ЦАНО Ф. 570, Оп. 3, Д. 1303.
11. ЦАНО Ф. Р-2209, Оп. 3, Д. 8669.
12. ЦАНО Ф. Р-2732, Оп. 8, Д. 136
13. Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ РФ) Р-44244

Также были использованы семейные архивы:

1. Агафонова А.Л. О нижегородских скаутах начала XX века. Воспоминания. Нижний Новгород, 1996 (машинопись). Архив семьи Добровольских.
2. Анфимова (Лешерн фон Герцфельд) Л. П. Тени прошлого. Воспоминания в трех частях. Часть II. Екатеринбург, 2006 (машинопись). Архив семьи Лешерн фон Герцфельд.
6. Письмо В. В. Коневского Н. Б. Маркиной (Коневской) от 12.09.1981. Документ предоставлен Е.П. Маркиным (Коневским).
8. Соколовский Б.А. Памяти аргонатов. Реквием. 1920-1970 (машинопись). Архив семьи Добровольских.

К ГОДУ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ

- Л.Б. Залесский. Уникальная находка

Л.Б. Залесский
доцент ННГУ им. Лобачевского

УНИКАЛЬНАЯ НАХОДКА

Хочу поделиться с читателями рассказом об одном удивительном событии, которое произошло со мной совсем недавно глубокой осенью прошлого года. Мне посчастливилось обнаружить уникальную рукописную книгу XVIII века, чудом сохранившуюся в одном из заброшенных домов,

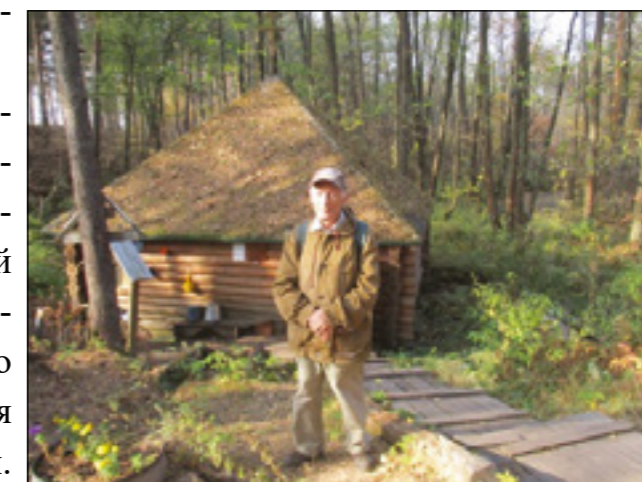
оставшихся от небольшой деревеньки в нижегородской глуши.

Место, где я ее нашел, раскрывать не буду. Скажу только, что в одном из своих походов в глухом лесу я как-то вышел на деревеньку из нескольких домов. Она производила впечатление совершенно нежилой, брошенной и даже частично разрушенной. Один из домов, стоявший на окраине был просто сгоревший. И вот, проходя мимо развалин этого сгоревшего дома, я увидел предмет, который привлек мое внимание. Вначале я колебался, стоит ли раскапывать и доставать эту вещицу, но всё-таки решился.

Так в моих руках оказалась толстая и тяжёлая книга, частично поврежденная огнём. Оставлять этот фолиант мне не хотелось, поэтому обернув рукопись в пакет, положил в рюкзак и принес домой. Безусловно, такой древний экземпляр Псалтири стал бы хорошей домашней реликвией, но тщательно всё взвесив, я все же решился показать рукопись специалистам.

Конечно, книга во время пожара в доме была повреждена, но незначительно. Пострадали поля, но не пострадал основной текст, рукопись выглядит обугленной, у неё нет корешка, она немного рассыпается, то есть тетради между собой не все соединены, но это видимо от частого использования.

Я решил отдать ее туда, где она будет приносить пользу и служить людям. Позвонил руководителю комитета по делам архивов Нижегородской области Борису Моисеевичу Пудалову и рассказал о находке. Я знал, что могу ему доверять, он же занимается древними документами, и не ошибся.

Он сразу заинтересовался и пригласил меня к себе, чтобы посмотреть книгу. И вот 11 марта у нас состоялась незабываемая встреча, на которой я получил новые знания о найденной мной рукописи — «Псалтири с воследованием», которая содержит канонический текст с выдержками из церковного устава, месяцеслова и многим другим. На этой встрече испытал даже больше радости и восторга, чем тогда, когда нашел книгу. Главное, я увидел, что у архивиста глаза загорелись. Борис Моисеевич стал взвешивать, гладить, щупать, открывать и бегло читать старославянскую вязь; был и ещё один способ обследования, который стал неожиданным для меня. Специалист смотрел листы на просвет, тестировал их на ощупь и определил время изготовления бумаги, а также ее происхождение. Я окончательно убедился, что книга попала в тёплые, умелые руки, в новый надёжный дом, где будет полезна многим. Кроме того, благодаря общению с профессионалом я узнал, что в самом конце рукописи нас ожидала любопытная запись о том, кому она принадлежала. Оказалось, что эту Псалтирь «строка в строку и лист в лист» (то есть с соблюдением строк и страниц) в 1780 году с печатной Псалтири переписал «многогрешный Иван Никитин сын Шелудяков из деревни Выползово (ныне Богородского района Нижегородской области)».

Как рассказал мне Борис Моисеевич, такого рода книги массово изготавливались вплоть до начала XX века и хранились почти в каждой крестьянской избе, потому что чуть ли не ежедневно использовались во время богослужений. Из-за частого использования экземпляры быстро ветшали, их заменяли новыми, так что старые Псалтири — большая редкость. Тем удивительнее

В Архиве Нижегородской обл., Зарубина Н.В., директор Архива НО, Залесский Л.Б., Пудалов Б.М., Томилов Е.Ю., директор ЛОСНО, март 2022 г.

то, что найденный экземпляр оказался целиком рукописным. Текст сохранил особенности дониконовских чтений, что позволяет с уверенностью предположить, что книга бытовала в среде старообрядцев.

Руководитель комитета по делам архивов Нижегородской области особо отметил важность подаренной архиву Псалтири для изучения книжной культуры Нижегородского края, сохранения традиций древнерусской книжности в старообрядческой среде.

В знак признательности за передачу древнего документа архиву мне было вручено благодарственное письмо, подписанное заместителем губернатора Нижегородской области Петром Банниковым.

**«И ОСТАЛИСЬ ГОДЫ ЭТИ В УНИБРОМЕ,
В БРОМПОРТРЕТЕ...»**

- И.С. Богомолов. Из семейного архива
- Н.В. Мошков. Город и горожане в объективе фотокамеры

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

От редакции

Наш альманах – это сборник личных воспоминаний нижегородцев о людях или событиях, участниками или свидетелями которых им довелось быть. Фотоаппарат также по праву можно назвать и свидетелем, и участником, да к тому же еще и правдивым рассказчиком о том, что происходит вокруг. Поэтому мы обращаемся к горожанам с просьбой делиться фотоснимками из своих личных архивов. В этом номере знакомим вас с частью семейного фотоархива Рудольфа Васильевича Линькова, которую нам любезно предоставил его внук Иван Богомолов. Он подписал и прокомментировал присланные материалы:

«Это улица Горького на отрезке «Площадь Горького — Квартал 1833 г.» (а если точнее — то кинотеатр «Спутник» в самом конце Квартала). Улица сфотографирована накануне больших перемен — перед постройкой высоких краснокирпичных многоквартирных домов. На фотографии часовни даже можно разглядеть башенный кран. Часть снимков в оригинале цветная, но учитывая печать, перевёл в ч/б и осветлил, чтобы смотрелось хорошо. Фотограф Рудольф Васильевич Линьков — мой дедушка по материнской линии. Снимки 1968 г. (2 штуки, осенние, в оригинале цветные) и 1969 г. (оставшиеся)».

1968 г. ул. Горького Квартал 1833

1968 г., ул. Горького, слева Квартал 1833

1969 г. ул Горького чуть дальше Студёной

1969 г. ул. Горького от пл Горького

1969 г. ул. Горького от Студёной

1969 г., ул. Горького от ул. Короленко

1969 г., ул. Горького у ул. Короленко

1969 г., ул. Горького от Квартала 1833 (он слева)

1969 Горького у Студёной

1969 г., часовня напротив кинотеатра «Спутник»

Н.В. Мошков

ГОРОД И ГОРОЖАНЕ В ОБЪЕКТИВЕ ФОТОКАМЕРЫ

Николай Владимирович Мошков — профессиональный фотожурналист, родился в г. Горьком в 1942 году. Окончив Горьковский политехнический институт по специальности инженер-кораблестроитель, несколько лет работал на заводе «Красное Сормово».

Увлекался фотографией. С 1970 года стал заниматься ею профессионально, став штатным фотокорреспондентом областной молодежной газеты «Ленинская смена», являлся членом популярного фотоклуба «Волга». Был участником многочисленных отечественных и зарубежных фотовыставок, получал награды и призы. Зрителям хорошо известны его художественные и информационно-событийные фотографии, отражавшие пульс времени.

Его последнее место работы — Фотохроника ИТАР-ТАСС. Для нее за годы он отснял сотни сюжетов, а коллекция его снимков зашкаливает за тысячу. Это история региона в истории страны.

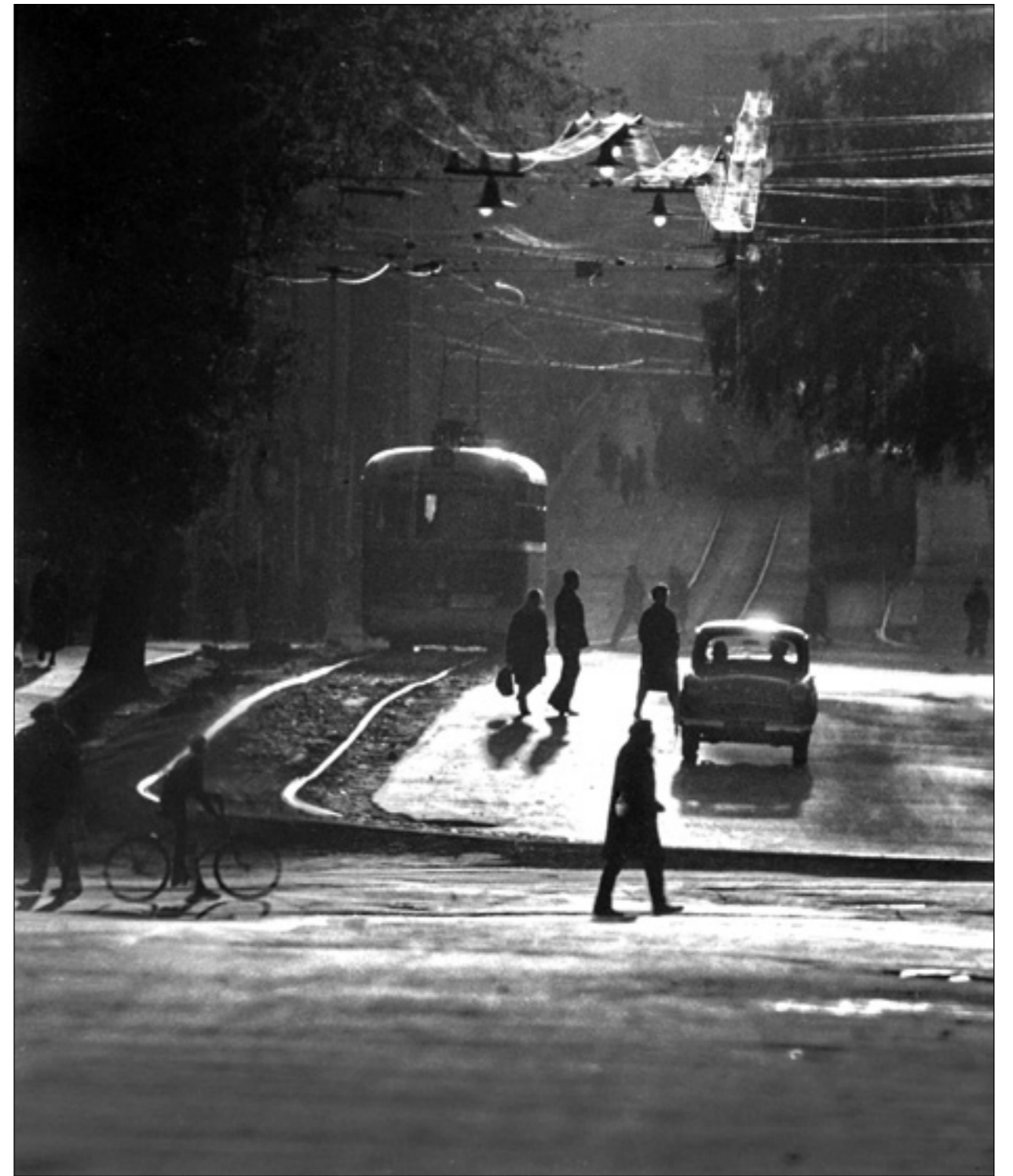
Снимками Николая Владимировича иллюстрировались газеты и журналы, более двух десятков книг и альбомов вышли с его иллюстрациями.

За фотоальбом «Земля Нижегородская» Николай Владимирович Мошков был удостоен премии Нижнего Новгорода.

Вот несколько кратких строк из многочисленных сведений о событиях истории жизни и творческого пути нашего земляка, которые нетрудно обнаружить на просторах интернета.

Сегодня он, как раньше было принято говорить, «на заслуженном отдыхе», большую часть времени проводит на природе на своем загородном доме в селе Саревка, откуда регулярно посылает нам, словно из космических экспедиций, чудесные снимки нашей родной нижегородской природы в разное время года. Лучше их было бы назвать «живописные полотна». Он по-прежнему воспевает и сохраняет для нас с вами «в унибrome, в бромпортрете...», как пел Юрий Визбор, потрясающе прекрасные образы объектов живой природы.

Представляем небольшую подборку фотоснимков прошлых лет Н.В. Мошкова из его личного архива. С надеждой на дальнейшее сотрудничество с ним, а также на то, что эта ностальгическая серия сподвигнет наших читателей к желанию поделиться и своими личными воспоминаниями в фотографиях о событиях Нижнего и нижегородцах.

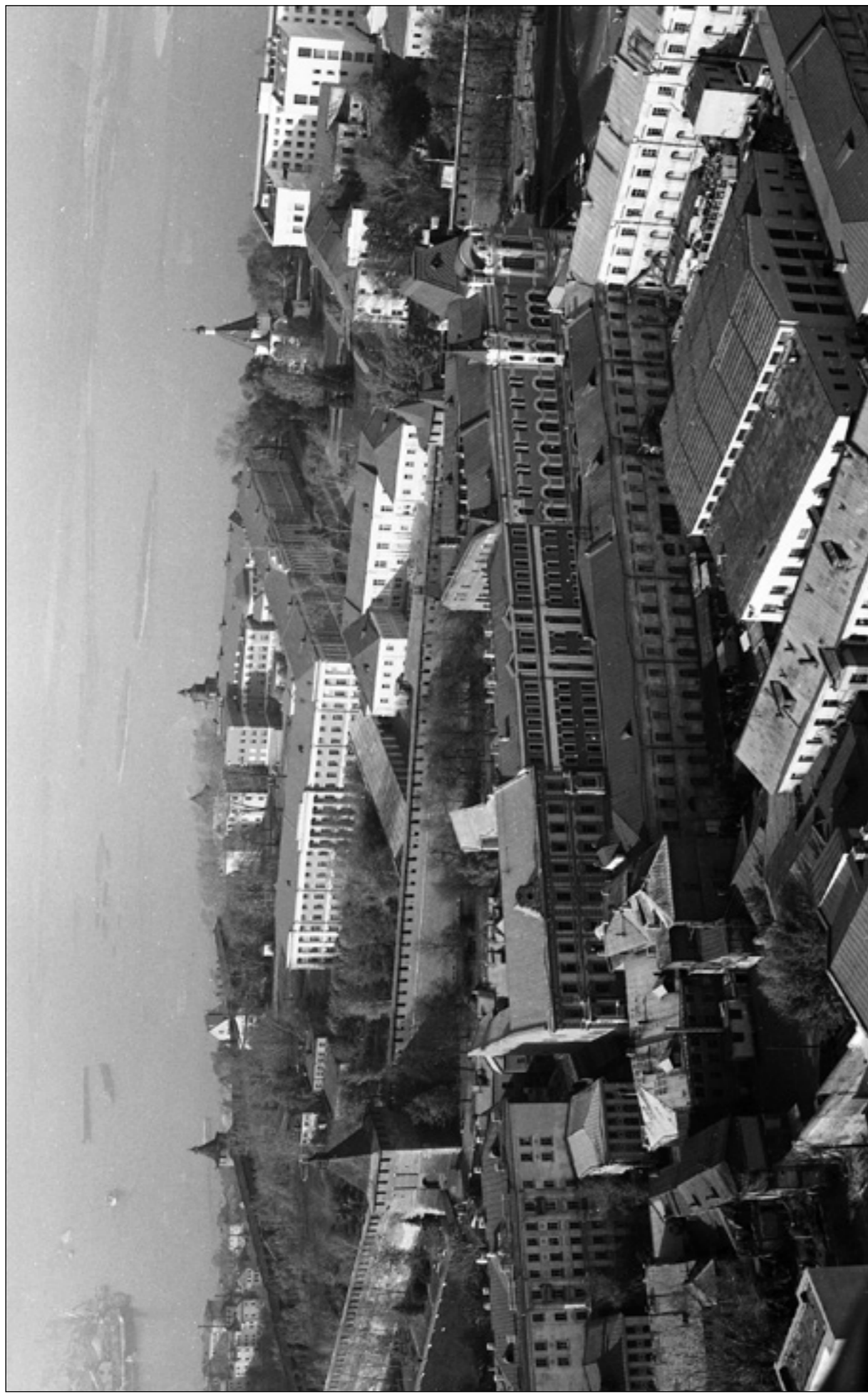
г.Горький, ул. Октябрьская, 1972

50 лет Октября. 1967 г. Трудящиеся на демонстрации...

Обеденный перерыв на сборочном конвейере ГАЗа, 1987 г.

1988, на переднем плане Мытный рынок

Ремонт затянулся. 1991 г

улица Большая Покровка 1993 г

Торговля своей зарплатой. 1995 г

Нижегородский кремль, установка памятника Георгию Победоносцу. 1988 г

Нижегородский Кремль, вид с высоты птичьего полета 1997 г

ТВОРЧЕСКАЯ ГОСТИНАЯ

- Н.И. Носков. Стихи

Николай Носков

Волжская земля

Как душа открытая,
История твоя,
Богом не забытая,
Волжская земля!

Красотой рожденная
В святости церквей,
В небе отражается
Ширь твоих полей.

На слияньи речек —
Волга и Ока,
Каменные стены
Древнего Кремля.

И простор твой Волжский
Глазом не объять.
Облака дозором
Над Кремлем стоят.

Над рекой широкой
Песня вдаль бежит...
«В город я влюбленный!» —
Сердце говорит.

Утренний букет как вдохновение, лето

Клюква красная

Проживала в болотистой местности
Клюква красная, полная зрелости.
И стелился, под солнцем играя,
Мох под ней голубыми кудрями.

Утром клюква под солнцем смеялась,
Соком счастья она наполнялась.
И такая в ней спелая радость,
Что не сорванной в зиму осталась.

Солнце яркое нежной тропинкой
Нагревало для клюквы перинку.
А она же немного смущалась,
Алым цветом ему улыбалась.

Скоро встанут ночные дозоры —
Над болотом седые морозы.
В мох уткнется клюква поглубже,
Не достать ее зимней злой стуже.

Дивная картина

(из цикла «Природу слышу сердцем»)

Что за дивная картина,
Где на краешке земли,
Небо цвета апельсина
Шито красками зари.

Где на веточках рябины
Утро красят снегири,
А из синего сатина —
Облака, как журавли.

Кружит ветер веретёнку
Нити солнечных лучей,
Свяжет день из них кофтёнку,
Чтобы было нам теплей.

Ромашки в октябре

Влюбился в жизнь

Нет той радости больше —
Утром солнце встречать
И в березовой роще
Соловья услышать.

Краски утра в букет,
Как цветы собираю,
И улыбку с рассвета
Прямо к сердцу прижму.

День под солнцем разлился
Голубым с облаками.
Жизнь, в тебя я влюбился,
Не считаясь с годами.

Боже, ты же всевластный!
Дай мне крылья летать,
Чтобы с ветром на равных
Облака целовать.

Чтоб душой не старея,
Жизнь свою проживал,
Чтобы жизнь не летела,
Чтобы я в ней летал!

Колокольчик расцвел...

От редакции

Николай Иванович Носков — человек тонкого душевного устройства. Он очень любит и чувствует природу, не случайно один из сборников своих стихов назвал «Природу слышу сердцем».

Мы публикуем фото трех небольших букетика скромных полевых цветов, которые он собрал и запечатлел на снимках. На наш взгляд, эти фотографии весьма говорящие и могут служить для представления Николая Носкова как человека и поэта.

НАШИ АВТОРЫ

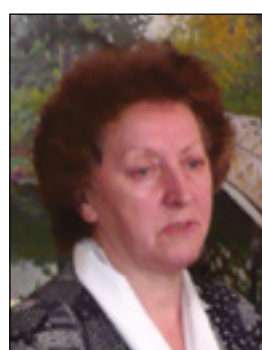
А.М. Цирульников

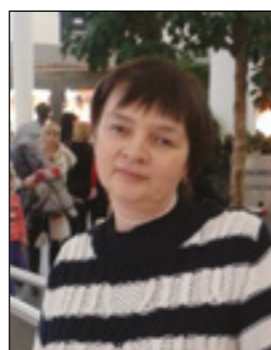
М.В. Шайхутдинова

И.О. Панченко

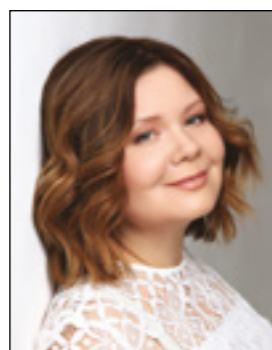
Н.А. Адрианова

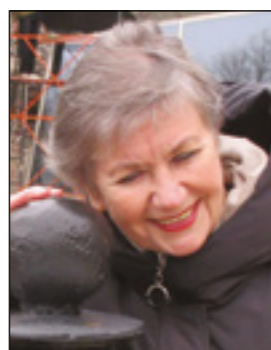
А.М. Александровская

И.С. Богомолов

Н.В. Вертлиб

Т.И. Глухова

Л.Б. Залесский

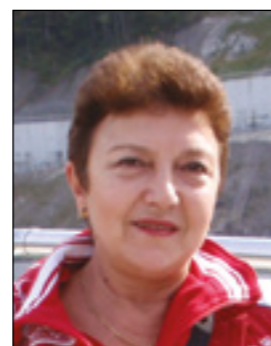
В.А. Зверев

П.А. Климешов

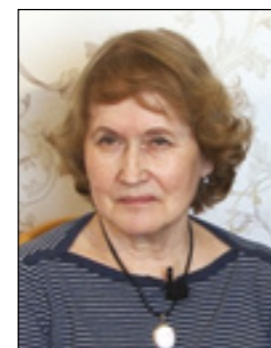

Ю.В. Клиценко

Н.Г. Кондратьева

НАШИ АВТОРЫ

Л.Н. Копылова

О.В. Куранова

Э.А. Моторова

Н.В. Мошков

Т.М. Новокрещенова

Н.И. Носков

А.П. Пашков (Асеевский)

В.А. Питенин

А.В. Попов

В.А. Репин

О.Ю. Серова

М.А. Чириков

В.Г. Чирикова

**Цирульников
Александр Маркович**

3 сентября 1937 г., — 28 января 2023 г. Советский и российский журналист, писатель, почётный гражданин Нижегородской области, заслуженный работник культуры РСФСР (1984), член Союза журналистов России, член Союза писателей РФ. Имеет государственные награды, многократный лауреат премии города Нижнего Новгорода.

**Шайхутдинова
Марина Викторовна**

Родилась в 1963 г. в г. Казани, закончила Казанский государственный университет, географак, нижегородка с 1987 г., занималась педагогической и музейной деятельностью. Участница научно-практических конференций «Сахаровские чтения», «Добролюбовские чтения» и др. Лауреат премии города Нижнего Новгорода, в настоящее время сотрудник библиотеки им. С.В. Михалкова.

**Панченко
Ирина Олеговна**

Математик и журналист. Горьковчанка/нижегородка с 1964 г. Член Союза журналистов России. Трижды лауреат премии города Нижнего Новгорода.

**Адрианова
Наталья Андреевна**

Родилась 18 января 1950 г. в Горьком, после окончания школы, училась в Институте коневодства, работала в тренерском отделении конного завода №98, реквизитором, фотографом в театре драмы, киномехаником. Жена поэта Юрия Адрианова, хранитель его творческого наследия и просветитель.

**Александровская
Марина Борисовна**

Родилась и выросла в г. Горьком. Училась в школах №19 и №25, закончила Горьковский медицинский институт, работала по специальности в г. Бор, затем в Якутии. Закончила курсы бухгалтеров. В настоящее время работает менеджером клиентского отдела в логистической компании.

**Богомолов
Иван Сергеевич**

Родился в 1988 г в г. Горьком, окончил гимназию №1 с углубленным изучением немецкого языка. Занимался музыкой во дворце творчества юных им. Чкалова. С 1995 по 2003 гг. учился в Нижегородском педагогическом университете, на историческом факультете, с 2011 г. старший научный сотрудник НГИАМЗ, хранитель фондов, экскурсовод Технического музея, «Усадьбы Рукавишниковых», видеооператор-документалист.

**Вертлиб
Наталья Владиленовна**

Коренная нижегородка во втором поколении. Окончила исторический факультет ННГУ им. Н. Лобачевского и курсы экскурсоводов при ЗАО «Турист». После окончания университета работала в СМИ, в туризме, на госслужбе. С 2013 года работает экскурсоводом по Нижнему Новгороду. Член Ассоциации экскурсоводов и гидов-переводчиков Нижегородской области. Руководитель экспедиций по Канавинскому району краеведческих проектов «Культурный район» и «Зелёный коридор». Лауреат викторины «Знаток Нижнего».

**Глухова
Татьяна Ивановна**

Родилась в г. Горьком в 1955 г. Закончила историко-филологический факультет ГГУ им. Н.И. Лобачевского в 1978 г. Историк, обществовед, культуролог. Работала в таких учебных заведениях, как Горьковское педагогическое училище, Нижегородский строительный техникум, Нижегородский филиал Университета Российской академии образования и др. Активно занималась общественной работой. Ветеран труда РФ. Кандидат философских наук (2007 г.). Доцент по специальности "Теория и история культуры" (2015 г.).

**Залесский
Лев Борисович**

Родился в Москве. Война сломала семью, лишила жилья, До поступления в институт жили в 10 местах. Учился в семи школах, окончил Горьковский Политех, 31 год работал в закрытом НИИ, 25 лет в высшей школе, кандидат экономических наук, член Союза профессиональных литераторов, хобби — туризм, посетил 32 страны.

**Зверев
Виталий Анатольевич**

Родился 3 ноября 1924 года. Коренной нижегородец, ученый-физик, специалист в области радиофизики, акустики, радиотехники, радиолокации и голографии. Член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института прикладной физики РАН, лауреат Государственной премии СССР.

**Климешов
Павел Александрович**

Родился в 1946 году на рабочей окраине Горького. После школы учился на историко-филологическом факультете ННГУ им. Лобачевского. Много лет занимался журналистикой, член Союза писателей России. Автор нескольких книг прозы и поэзии.

**Клиценко
Юрий Вячеславович**

Родился в Москве 1 февраля 1959 года. С 1982 года, по окончании Московского станкоинструментального института, трудился инженером-механиком на машиностроительных заводах. С 1991 года работал в учреждениях Русской Православной Церкви: Отделе внешних церковных связей и церковно-научном центре «Православная энциклопедия». В настоящее время — сотрудник Московской Патриархии.

**Кондратьева
Наталья Григорьевна**

Родилась 22 февраля 1951 г. В 1968 году окончила среднюю школу № 8 г. Горького В 1972 году окончила факультет физической культуры и спорта НГПУ. С 1971 года работала в областной ДЮСШ по легкой атлетике, затем в облсовете ДСО «Спартак», в ВДФСО профсоюзов. С 1991 года работает в ГБОУ ДО НОСШОР по прыжкам на лыжах с трамплина и лыжному двоеборью. Ответственный секретарь Нижегородской областной федерации по лыжному двоеборью и прыжкам на лыжах с трамплина Неоднократный победитель и призер соревнований по спортивным (бальным) танцам. Награждена «Почетным знаком»

в честь 50-летия общества «Спартак», знаком «Отличник физической культуры», медалью «80 лет Госкомспорту», почетным знаком — «За заслуги в развитии физической культуры и спорта».

Копылова

Ляля Николаевна

Коренная нижегородка. Родилась в г. Горьком (1953 г.). Закончила Горьковский (Нижегородский) госуниверситет им. Лобачевского (историко-филологический факультет, вечернее отделение). С 1971 по 2021 гг. работала в Горьковском (Нижегородском) государственном историко-архитектурном музее-заповеднике младшим научным сотрудником, старшим научным сотрудником, заведующей филиалом.

Куранова

Ольга Владимировна

Родилась в 1962 году. Образование — филологический факультет Горьковского (ныне Нижегородского) государственного университета им. Лобачевского. С 1980 по 1990 год — внештатный сотрудник и автор публикаций в областной молодежной газете «Ленинская смена», в газете «Комсомольская правда», журнале «Студенческий меридиан»; участник научных фольклорных экспедиций ГГУ по Нижегородскому краю, соавтор сборника «Град Китеж» (Горький, 1985 г.). Автор публикаций в журнале «Родина», в газетах «Петербургский коллекционер», «Независимая газета». Автор книги для детей. В 1999–2002 гг. — редактор и автор публикаций в возрожденной православной

газете «Нижегородские епархиальные ведомости». В 2000-е года — литературный редактор и соавтор книг «Святитель. Блаженной памяти митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая», «Святители земли Нижегородской», «Саровская святыня», «Нижегородский Вознесенский Печерский мужской монастырь» и др. С 2003 года — литературный редактор и корректор изданий Нижегородской духовной семинарии, в том числе периодических: ежегодный сборник «Труды Нижегородской духовной семинарии»; журнал «Дамаскин»; А.Л. Катанский «Воспоминания старого профессора»; «Нижегородская духовная семинария. Вехи истории» (соавтор); Н.К. Гаврюшин «Русское богословие. Очерки и портреты»; «Нижегородская духовная семинария в воспоминаниях современников».

Моторова

Эльвира Алексеевна

Окончила в 1963 г. Горьковский государственный университет им. Н.И. Лобачевского по специальности «Математика», кандидат физико-математических наук (1974). Работала в ОКБМ. В настоящее время преподает на программах СПО Института экономики и предпринимательства ННГУ. Увлекается психологией, пишет стихи. В 2011 г. издана книга ее стихов «Здесь комната светла. Стихи разных лет».

Мошков

Николай Владимирович

Родился 27 декабря 1942 г. Сормович, выпускник школы №82 и кораблестроительного факультета Горьков-

ского политехнического института. Профессиональный фотожурналист. Автор многих фотоальбомов и фото-выставок.

Новокрещенова

Татьяна Михайловна

Окончила Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского по специальностям «История» и «Юриспруденция». Кандидат исторических наук (1988 г.) Много лет работала в Институте истории Академии наук Туркменистана. Научная работа была связана с изучением становления и развития средств массовой информации. В настоящее время преподаватель на программах СПО Института экономики и предпринимательства ННГУ.

Носков

Николай Иванович

Родился в г. Ленинграде в 1951 году. В 1968 году переехал в г. Горький, окончил Горьковское речное училище, служил на флоте командиром катера. Окончил курсы дизайна, рисунка и живописи при ГИСИ. Публиковался в газете «Здравствуйте, люди», альманахе «Среда поэта», «Малиновая грядда» и др.

Пашков

Александр Павлович

17 февраля 1948 г. — 16 ноября 2016 г. Известный нижегородский журналист, театровед, преподаватель. Выпускник историко-филологического факультета Горьковского государственного университета им. Н.И.Лобачевского. Работал в горьковских/нижегородских газетах, на телевидении, публиковал-

ся под псевдонимом Асеевский. Член Союза журналистов России и Союза театральных деятелей РФ. Заслуженный работник культуры РФ. В память об Александре Пашкове Союз журналистов Нижегородской области проводит творческий конкурс, носящий его имя.

Питенин

Владимир Александрович

Родился в 1940 году в г. Горьком. С 1957 г. по 1987 г. служил в Советской Армии. В 1960 г. окончил Первое Вольское военное авиационное техническое училище. В 1974 г. окончил филологический факультет Дагестанского Государственного университета. В 1979 г. окончил Московский институт связи по специальности «Радиосвязь и радиовещание». Последние годы занимается изучением и популяризацией творчества известного русского писателя Евгения Николаевича Чирикова. Живет в Нижнем Новгороде.

Попов

Александр Всеволодович

Родился 24 августа 1955 года в городе Горьком. По окончании средней школы в 1972 году поступил на кораблестроительный факультет Горьковского политехнического института, который закончил в 1978 году, в течение трех лет работал в ЦКБ «Лазурит». В 1981 году был призван в Военно-Морской Флот СССР и направлен на Краснознаменный Северный флот. В феврале 2004 года уволен в запас в звании капитан 2 ранга. В марте 2008 года вернулся в родной Нижний Новгород. Поэт, член Союза писателей России

(принят в 1996 году), член правления Нижегородского городского отделения Союза писателей России, лауреат премии города Нижнего Новгорода.

Репин

Владимир Анатольевич

Родился 2 апреля 1948 г. Инженер, офицер, дипломат. Родился в Горьковской области в семье сельских учителей. Выпускник Горьковского политехнического института и Высшей коммерческой школы МВЭС РФ. Член Ассоциации российских дипломатов и Российского союза профессиональных писателей.

Серова

Ольга Юрьевна

Педагог-организатор городского ресурсного центра духовно-нравственного воспитания и гражданского образования имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия на базе школы № 187 Советского района г. Нижнего Новгорода, сотрудник музея «Георгиевский зал – зал славы русского воинства»: хранит фонды, формирует экспозиции, проводит экскурсии. Имеет значок «Отличник народного просвещения» и Почётное звание «Серафимовский учитель», дважды Лауреат Премии города Нижнего Новгорода в области педагогики (2014 г., 2022 г.), награждена медалью III степени Нижегородской и Арзамасской епархии РПЦ «Святого благоверного князя Георгия Всеволодовича», юбилейной медалью «В память 800-летия Нижнего Новгорода».

Чириков

Михаил Александрович

Родился 2 сентября 1962 г. в г. Горьком. В 1984 г. окончил переводческий факультет ГГПИИЯ им. Н.А. Добролюбова. С 1984 г. по 1990 г. – военный переводчик в Группе Советских войск в Германии. С 1990 занимается преподавательской деятельностью. С 2012 г. руководитель Западного учебного центра обучения и развития ПАО РОСБАНК. Финалист всероссийского конкурса «Учитель года-1991». Отличник просвещения РФ. Правнук писателя Е.Н. Чирикова. В 2011 году основал Литературный музей Е.Н. Чирикова в Нижнем Новгороде и с тех пор является его руководителем. Автор 9 научных публикаций о жизни и творчестве Е.Н. Чирикова

Чирикова

Валентина Георгиевна

Родилась 17 марта 1928 г. в Алжире. С 1948 года живет и работает в Нижнем Новгороде (Горьком). Окончила ГГПИИЯ им. Н.А. Добролюбова. 47 лет работала учителем немецкого языка в средней школе. Отличник просвещения РСФСР. Ветеран труда. Внучка писателя Е.Н. Чирикова, исследователь его жизни и творчества, автор 8 научных публикаций. Член Общественного Совета Литературного музея Е.Н. Чирикова